

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ - МСХА имени К.А. ТИМИРЯЗЕВА
КАФЕДРА ИСТОРИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

Сборник переводных статей.

Выпуск 2

Москва 2025

УДК 93/94:63

ББК 63.3:40

А 21

Актуальные вопросы аграрной истории. Сборник переводных статей. Выпуск 2 / под ред. В.Т. Сакаева. – Москва: РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, 2025. – 178 с. ISBN 978-5-9675-2124-9

Предлагаем Вашему вниманию сборник переводных статей зарубежных авторов, раскрывающих оригинальные научные подходы к изучению истории сельского хозяйства. Представленные материалы посвящены проблемам аграрной истории в Европе и в России в эпоху Средневековья и в Новое время. Публикуемые переведенные статьи рекомендуются для использования в процессе преподавания дисциплины «История России» всем направлениям подготовки бакалавриата и специалитета, реализуемым в РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева. Перевод статей был выполнен преподавателями кафедры истории РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева: Оришевым Александром Борисовичем, Сакаевым Василем Тимерьяновичем, Дудченко Оксаной Сергеевной, Миронюком Сергеем Алексеевичем, Поздняковой Анастасией Сергеевной.

Рецензенты:

П.В. Федоров – доктор исторических наук, профессор кафедры истории ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева;

А.С. Степанов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник 4-го НИО НИЦ (ФПИВ) Военного университета им. князя Александра Невского МО.

© Авторы, 2025

© Издательство РГАУ-МСХА, 2025

Содержание

THE ROLE OF DEMESNES IN THE TRADE OF AGRICULTURAL HORSES IN LATE MEDIEVAL ENGLAND

Jordan Claridge

РОЛЬ ДОМЕНИАЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ В ТОРГОВЛЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ЛОШАДЬМИ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

Джордан Клэридж

Перевод Оксаны Дудченко.....5

LORDS, TENANTS AND ATTITUDES TO MANORIAL OFFICE-HOLDING, C.1300–C.1600*

Spike Gibbs

ЛОРДЫ, АРЕНДАТОРЫ И ОТНОШЕНИЕ К ИСПОЛНЕНИЮ МАНОРИАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ, ОК. 1300–ОК. 1600

Спайк Гиббс

Перевод Оксаны Дудченко.....29

FROM COUPER TO FARMERS' COOPERATIVE: LIVESTOCK FAIRS AND MARKETS IN NORTH-EAST SCOTLAND FROM 1800 TO 1900

Richard Perren

ОТ ТОРГОВЦА ДО ФЕРМЕРСКОГО КООПЕРАТИВА: ЖИВОТНОВОДЧЕСКИЕ ЯРМАРКИ И БАЗАРЫ НА СЕВЕРОВОСТОКЕ ШОТЛАНДИИ С 1800 Г. ПО 1900 Г.*

Ричард Перрен

Перевод Сергея Миронюка.....57

JOHN BRIGHT'S POACHER: POACHING, POLITICS AND THE ILLICIT TRADE IN LIVE GAME IN EARLY VICTORIAN ENGLAND

Harvey Osborne

«БРАКОНЬЕР» ДЖОНА БРАЙТА: БРАКОНЬЕРСТВО, ПОЛИТИКА И НЕЗАКОННАЯ ТОРГОВЛЯ ЖИВОЙ ДИЧЬЮ В РАННЕЙ ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ*

Харви Осборн

Перевод Сергея Миронюка.....84

THE LOSS OF WETLAND AGRICULTURAL VALUE IN NORTH-EASTERN NORTH AMERICA, 1800 TO 1840

Chelsea Teale

УТРАТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ ЗАБОЛОЧЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ, 1800–1840 ГГ.

Челси Тил

Перевод Александра Оришева и Анастасии Поздняковой.....113

**THE INFLUENCE OF DEMOGRAPHIC FACTORS ON THE POSITION OF
THE AGRICULTURAL LABOURER IN ENGLAND AND WALES, 1750–
1914**

W. A. Armstrong

**ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПОЛОЖЕНИЕ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО РАБОТНИКА В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ
(1750–1914 ГГ.)**

В.А. Армстронг

Перевод Василия Сакаева.....143

**‘BAB’YE KHOZYAYSTVO’: POULTRY-KEEPING AND ITS
CONTRIBUTION TO PEASANT INCOME IN PRE–1914 RUSSIA**

Stuart Thompson

**«БАБЬЕ ХОЗЯЙСТВО»: ПТИЦЕВОДСТВО И ЕГО ВКЛАД В ДОХОДЫ
КРЕСТЬЯНСТВА В ПРЕДВОЕННОЙ РОССИИ (ДО 1914 ГОДА)**

Стюарт Томпсон

Перевод Василия Сакаева.....162

РОЛЬ ДОМЕНИАЛЬНЫХ ЗЕМЕЛЬ В ТОРГОВЛЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ЛОШАДЬМИ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ *

Джордан Клэридж

Аннотация. В данной статье исследуется вопрос о том, как средневековая Англия обеспечивалась рабочими лошадьми. Для оценки роли домениальных хозяйств в производстве и распределении этих животных используется общенациональная выборка из более чем 300 манориальных отчетов, датируемых примерно 1300 годом. Исследование показывает, что домены были значительными чистыми потребителями лошадей, полагаясь в основном на рынок для их поставок. Это иллюстрирует, что к 1300 году существовал хорошо налаженный рынок этих животных, но также и то, что эти крупные институциональные фермы не разводили достаточно лошадей для удовлетворения собственного спроса, не говоря уже о излишках, которые могли бы поставляться на рынок. Тем не менее, управляющие доменами действительно играли важную распределительную роль в торговле сельскохозяйственными лошадьми, выступая в качестве «посредников» в организации различных каналов приобретения и распространения рабочих лошадей.

* Я благодарен Экономическому историческому обществу за поддержку моих исследований в форме постдокторской стипендии имени Постана, а также Совету по социальным и гуманитарным исследованиям Канады за финансирование докторской стипендии. Хочу выразить признательность архивариусам и сотрудникам различных архивов Англии, Филипу Славину за предоставление доступа к его коллекции фотокопий рукописей из архивов Норфолка и Нортгемптоншира, Сюэшэну Ю за его экспертизу в области ГИС при создании Карты 1, Британской библиотеке за разрешение на воспроизведение Рисунков 1–3 и Кэтрин Гловер за тщательное редактирование текста. На различных стадиях подготовки эта статья получила ценную и полезную обратную связь от Марка Бейли, Филипа Ани и Евгения Мякикова, а также от участников семинаров по экономической истории в Кембриджском университете, Институте исторических исследований, Лондонской школе экономики и Уtrechtском университете (в особенности от Брама ван Бесу, Майки де Кейзер и Йориса Розена). Статья также выиграла от комментариев, вопросов и предложений Ричарда Хойла и рецензентов журнала. Сердечно благодарю Джона Лэнгдона, который ушел из жизни незадолго до завершения моей этой работы. Именно он пробудил мой интерес к средневековой экономической истории, когда я был студентом Альбертского университета, а впоследствии стал коллегой, соавтором и другом. Джон поддерживал это

исследование на самых ранних этапах, и ему я посвящаю эту статью. Как всегда, все возможные ошибки остаются на моей совести.

Данная статья исследует роль доменов – хозяйств лордов, в отличие от земель их крестьян-арендаторов – в торговле сельскохозяйственными лошадьми в средневековой Англии. Внедрение лошадиной тяги признается важным фактором развития средневековой английской экономики, и историки раскрыли множество сведений о различных аспектах использования лошадей в тот период, таких как их применение в сельском хозяйстве и на транспорте, что повысило производительность труда в земледелии и эффективность сухопутных перевозок¹.

К 1300 году тягловые лошади прочно утвердились в качестве значительного источника энергии как для сельского хозяйства, так и для транспорта.² Однако разведение этих животных и их распределение остаются малоизученными.³ В данной статье используется общенациональная выборка из более чем 300 манориальных счетов, датируемых примерно 1300 годом, для оценки роли домениальных хозяйств в производстве и распределении рабочих лошадей. Исследование показывает, что домены были значительными нетто-потребителями лошадей, но не разводили их в количестве, достаточном для удовлетворения собственного спроса, не говоря уже о создании излишков для рынка. Это свидетельствует о том, что к концу XIII века существовал хорошо налаженный рынок этих животных. Лорды и управляющие доменами, как правило, придерживались рыночно-ориентированной политики, а не стремились к самообеспечению, когда речь шла об обеспечении своих хозяйств тягловыми лошадьми. Тем не менее, домены (и их управляющие) играли важную распределительную роль в торговле сельскохозяйственными лошадьми, выступая, возможно, непреднамеренно, в качестве «посредников», координируя различные каналы приобретения и распределения рабочих лошадей.

I

Сеньориальный сектор является наиболее документированной составляющей аграрной экономики Англии позднего средневековья. Записи средневековых английских землевладельцев, которым принадлежало от 25 до

---

¹ For additional work on the application of horses in agriculture and transport, as well as the changing dynamic between oxen and horses, see John Langdon, ‘Horse hauling: A revolution in vehicle transport in twelfth and thirteenth-century England?’, *Past and Present* 103 (1984), pp. 37–66.

² While there was considerable regional variation, horses accounted for between 25 and 30 per cent of demesne draught animals c.1300. John Langdon, *Horses, oxen and technical innovation: the use of draught animals in English farming from 1066–1500* (1986), pp. 86–93, esp. Tables 12 and 13.

³ For example, Bruce Campbell commented in his authoritative work on seigneurial agriculture that ‘little is as yet known about the medieval horse trade’. Bruce M. S. Campbell, *English seigniorial agriculture, 1250–1450* (2000), p. 126, n. 45.

30 процентов сельскохозяйственных земель Англии⁴, дают нам беспрецедентное представление о характеристиках и производительности сельского хозяйства.⁵ В данной статье используются манориальные счета – особый тип сеньориальных документов, которые с высокой степенью детализации фиксировали деятельность домениальных хозяйств лордов. Эти счета содержат ежегодную информацию, включая полученную от арендаторов ренту, затраты на ремонт зданий и сельскохозяйственных орудий, заработную плату, выплаченную работникам, и, что особенно полезно для наших целей, очень подробные данные о типах и количестве животных, содержавшихся в хозяйстве, а также о том, как они приобретались и отчуждались. Эти счета также отличаются высокой степенью стандартизации: они в значительной мере единообразны по всей стране и во времени как по типу содержащейся в них информации, так и по формату самих документов.⁶ Именно единообразие формата и содержания позволяет легко проводить сравнения во времени и пространстве. В данной статье используется общенациональная выборка из 322 манориальных счетов, относящихся примерно к 1300 году и содержащих данные примерно о 2650 лошадях.⁷ Эта выборка охватывает большую часть страны и позволяет исследовать способы, которыми домены приобретали, управляли и сбывали сельскохозяйственных лошадей в средневековой Англии.

Выборка счетов была сконцентрирована в относительно узком временном промежутке около 1300 года, фактически охватывая десятилетия

---

⁴ Campbell, English seigniorial agriculture, p. 26. The size of demesnes varied widely from estate to estate and manor to manor. Therefore, there is no ‘usual’ or ‘standard’ size of demesne. In a study of the Hundred Rolls of 1279–80 from Huntingdonshire, Cambridgeshire, Bedfordshire, Buckinghamshire, Oxfordshire and Warwickshire, Kosminsky calculated that of over half a million acres under cultivation, 31.8 per cent was demesne, 40.5 per cent was villein land and 27.7 per cent was held by free tenants. E. A. Kosminsky, *Studies in the agrarian history of England in the thirteenth century* (1956), p. 89; Bruce M. S. Campbell, ‘Benchmarking medieval economic development: England, Wales, Scotland, and Ireland, c. 1290’, *EcHR* 61 (2008), p. 940; Campbell, English seigniorial agriculture, pp. 58–60.

⁵ The divergence in both the practice and productivity of agriculture between seigniorial demesnes and the lands of peasant tenants has been well established. Research on the agricultural activity of peasants and how it differed from the seigneurial sector is continuing. For examples see Alexandra Sapoznik, ‘The productivity of peasant agriculture: Oakington, Cambridgeshire, 1360–99’ *EcHR* 66 (2013), pp. 518–44; R. H. Hilton, *The English peasantry in the later middle ages* (1975), p. 13; Mark Bailey, ‘Peasant welfare in England, 1290–1348’, *EcHR* 51 (1998), p. 228; Eona Karakacili, ‘English agrarian labor productivity rates before the Black Death: a case study’ *JEcHist.*, 64 (2004), p. 36; David Stone, *Decision-making in medieval agriculture* (2005), pp. 267–86; Bruce Campbell, ‘Constraint or constrained? Changing perspectives on medieval English agriculture’, *NehaJaarboek voor economische, bedrijfs- en techniekgeschiedenis*, pp. 61, 19.

⁶ See: Richard Britnell, ‘The Winchester Pipe Rolls and their historians’, p. 1; Bruce Campbell, ‘A unique estate and a unique source: the Winchester Pipe Rolls in perspective’, pp. 30–1, both in Richard Britnell (ed.), *The Winchester Pipe Rolls and medieval English society* (2003), Campbell, English seigniorial agriculture, p. 27.

⁷ As the number of horses on any given manor changed over the year, the overall sample has two discrete totals: one for the beginning of the year, and a second for the end of the year. In this sample, the total beginning and end figures were 2591 and 2576, respectively.

1290-х и 1300-х годов.⁸ Поскольку счета обычно велись от Михайлова дня (29 сентября – традиционного окончания жатвы) до Михайлова дня следующего года, это означало изучение счетов в диапазоне от 1289/90 до 1310/11 года, что в общей сложности составляет период в 22 года. Выборка была дополнительно сужена путем включения только одного счета от каждого манора, как правило, ближайшего к 1300 году (предпочтение отдавалось счету за 1299–1300 годы, если он сохранился), чтобы гарантировать отсутствие «двойного учета» в выборке.⁹

Поиск сохранившихся документов в рамках этих параметров выявил более 500 рукописей. Некоторые из этих счетов оказались бесполезными для целей нашего исследования, обычно в случаях, когда на домене не содержалось лошадей или рукопись была слишком сильно повреждена. Кроме того, для включения в выборку рассматривались только те счета, которые полностью отражали поголовье лошадей, с показателями на начало и конец года, а также с записями о пополнении и выбытии.¹⁰ В итоге была сформирована выборка из 322 счетов, а следовательно, и маноров, которая составляет основу нашего исследования участия сеньориального сектора в торговле лошадьми. Расположение этих маноров показано на Карте 1.

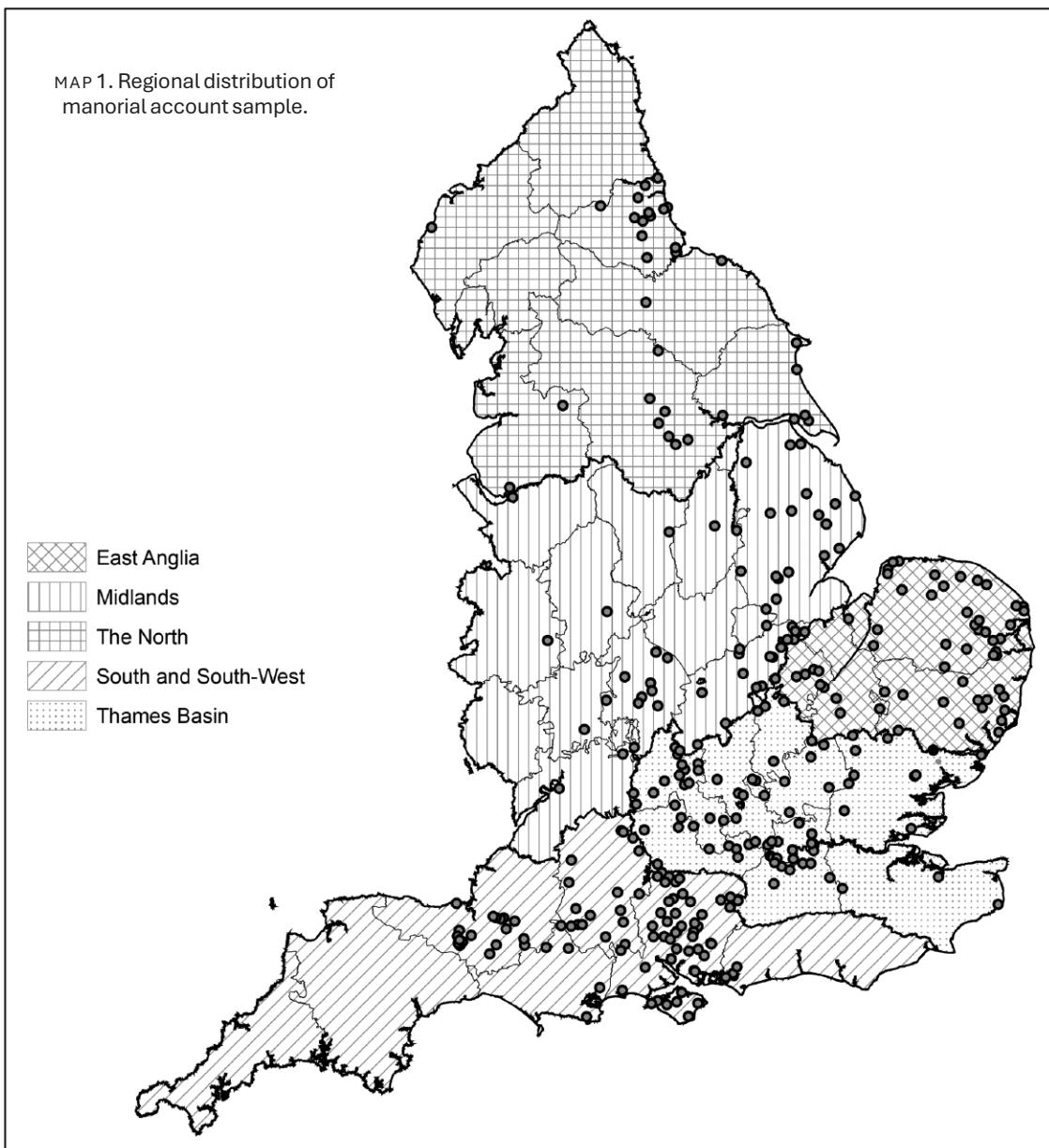
Выборка смещена, в основном из-за неполной сохранности документов, в сторону счетов крупных церковных землевладельцев. Светские землевладельцы, как правило, представлены недостаточно, и даже те светские лорды, которые попали в выборку, обычно являются владельцами крупных поместий, таких как семьи Де Лейси и Клэр, а не мелкими землевладельцами. Как видно на Карте 1, охват исследуемых маноров по стране также неравномерен: он сильно смещен в сторону юга и востока страны, с заметно «пустыми» областями, такими как лесной район Уилд к югу от Лондона, крайний юго-запад (Девон и Корнуолл), а также северные и западные районы страны в целом.

---

⁸ Philip Slavin, as part of his on-going project of documenting and digitizing the entire corpus of manorial accounts from the ‘direct farming’ period in England, estimates that over 20,000 manorial accounts are extant, out of around 400,000 that were likely to have been created between 1270 and 1400. Philip Slavin, ‘The sources for manorial and rural history’, in J. T. Rosenthal (ed.), *Understanding medieval primary sources: Using historical sources to discover medieval Europe* (2012), 135. Dr Slavin now estimates that the figure for extant manorial accounts is around 25–27,000. Pers. Comm., 21 Apr. 2012.

⁹ Some exceptions were made if the nearest surviving account to 1300 was in obviously poorer shape than one a little further away in time, or if there was a convenient printed edition available for an alternate year, as in the excellent edition of the 1301–2 Bishopric of Winchester Pipe Roll: Mark Page (ed.), *The Pipe Roll of the bishopric of Winchester, 1301–2* (Hampshire Record Ser., 14, 1996).

¹⁰ Some accounts, especially in cases where the account covers less than a full year, simply have a livestock ‘inventory’, which is not useful for this study. For example, six such inventories are extant from Durham Priory manors for the year 1302. Richard Britnell (ed.), *Durham Priory manorial accounts, 1277–1310* (Surtees Soc. 218, 2014), pp. 200–8.

Однако это распределение в целом коррелирует с распределением населения и уровнями относительного экономического развития на тот период,¹¹ что означает, что нашу выборку можно считать репрезентативной для английской экономики в целом. Карта 1 также показывает разделение Англии на пять регионов, которые мы будем использовать в дальнейшем анализе.

TABLE 1: Composition of Sample: Horse Types

Type of Horse	n	%
Affers	1069	40.4
Stotts	419	15.8
Young horses	417	15.7

Cart horses	397	15.0
Mares	269	10.2
<i>Equi</i>	66	2.5
Rouncies	5	0.2
Mill Horses	4	0.2
Stallions	2	0.1
Total	2648	100

Source: Author's manorial account database.

II

В средневековой Англии сельскохозяйственных лошадей использовали для различных целей, и они были известны под множеством, в основном функциональных, названий. В таблице 1 показано распределение типов лошадей в национальной выборке. Наиболее часто встречавшимися на доменах лошадьми были афферы и стотты, которые вместе составляли 56,2% от всех лошадей в выборке. В литературе этих лошадей обычно относят к пахотным животным, но зачастую они выполняли «универсальные» функции, выполняя различные другие задачи, такие как боронование, а иногда даже перевозку грузов.¹¹ Ризен (управляющий) Чосера описывается в «Общем прологе» «Кентерберийских рассказов» как сидящий «на очень хорошем стотте»,¹² что предполагает, что их также время от времени использовали в качестве верховых животных. Стотты встречаются только в записях юго-восточной Англии и Восточной Англии, но различие между ними и афферами было в значительной степени номинальным, зависящим от институционального обычая или, возможно, даже от предпочтения управляющего или писца.¹³

Рабочие лошади для телег в счетах явно именовались *equi caretarii*. В национальном масштабе они составляли 15% от всех лошадей на английских доменах, но в некоторых поместьях их доля была значительно выше. Например, они составляли более трети всех лошадей в мидлендском поместье аббатства Питерборо.¹⁴ Они были более специализированными, чем афферы и

¹¹ The general trend in the literature has been to use a binary understanding of agricultural horses, assigning them to one of two categories: carthorses or plough-horses. While we do encounter specifically named 'carthorses' in the accounts (*equi caretarii*), the singular term of 'plough-horse' was not actually part of the medieval nomenclature. Rather, the term 'ploughhorse' is an umbrella term that has been used by historians to describe all except carthorses, most frequently affers and stotts (affri and stotti or the singular affrus and stottus in the Latin) but also equi. Thus, the binary understanding of *equus caretarius* as 'carthorse' and affrus and stottus as 'plough-horse' is too simplistic and should be avoided.

¹² The Riverside Chaucer, ed. Larry D. Benson (third edn, 2008), 33, line 615.

¹³ John Langdon has argued that there was little difference between stotts and affers, with 'stott' simply being an alternative term for the same type of horse. Our data supports this view. For a full disambiguation of medieval horse types, see Langdon's 'Problems of translation' appendix in *Horses, oxen*, pp. 293–7.

¹⁴ Kathleen Biddick, *The other economy: Pastoral husbandry on a medieval estate* (1989), p. 118.

стотты, и это отражалось на их более высокой цене.¹⁵ Многие из таких лошадей, вероятно, были сильнее, выносливее и в целом крепче, чем лошади других типов, но значительная часть их стоимости также была обусловлена высокой премией за навыки, приобретенными благодаря сочетанию превосходного характера и дополнительной подготовки.¹⁶

Афферы и стотты чаще всего использовались для тяги плугов и борон, и, хотя и от животных, и от пахарей требовалось определенное умение, на поле был больший допуск на ошибку, чем на дороге. Лошади для телег обязательно должны были заслуживать доверия при перевозке ценных грузов в оживленных условиях на дорогах и рынках. На рис. 1 представлена иллюстрация из знаменитой «Псалтыри Латтрелла» XIV века, изображающая этих животных за работой. Если непокорная или пугливая пахотная лошадь могла сделать работу медленной и утомительной, то пугливая лошадь для телег могла стать гораздо более дорогостоящей проблемой. В то время как лошади для телег чаще всего были мужского пола, а термины «аффер» и «стотт» могли использоваться для описания как мужских, так и женских особей,¹⁷ лошадей женского пола чаще обозначали менее двусмысленно как *jumenta*, и в контексте счетов они четко понимались как «кобылы» или «лошади женского пола». Эти кобылы составляли 10,2% от выборки.¹⁸

Значительная часть лошадей домена – 15,7% – были молодыми животными. Молодых лошадей почти повсеместно обозначали термином *pullanus*; это слово часто переводят как «жеребец»¹⁹, но, вероятно, его лучше понимать как «жеребёнок», поскольку использование термина часто охватывает молодых лошадей обоего пола. В самих отчетах эти термины

¹⁵ The variation in prices of agricultural horses is outside the scope of this article, but for discussion on this see Jordan Claridge, ‘The trade of agricultural horses in late medieval England’ (University of East Anglia, PhD Thesis, 2015), pp. 198–219, esp. Figs 5.1 and 5.2.

¹⁶ *Ibid.*, pp. 207–8, 215.

¹⁷ In many cases, other contextual information from the accounts must be used to determine the sex of affers and stotts. The abbreviated and syncopated nature of the Latin used in the accounts most frequently omits the endings of the terms which could otherwise be used to determine the sex of the animal in question.

¹⁸ In terms of a sex ratio, female horses are underrepresented if calculated using only the categories above. While some accounts provide a sex breakdown of horses in the end-of-year total, this practice was not universally adhered to and many female horses were often simply lumped into the general categories discussed above, particularly among affers and stotts. In some instances, scribes provided explicit categories for female horses, such as on the four Yorkshire manors of Little Humber, Holderness, Easington and Burstwick which used the category *pullani feminae* to denote female foals. Little Humber: TNA, SC 6/1079/15, m. 4r–4d; Holderness: SC 6/1079/15, m. 5d; Easington: SC6/1079/15, mm. 2r; Burstwick: SC6/1079/15, m. 7r–7d. In other instances, specific categories like ‘cart mare’ (*jumentis* [sic] *caretar*[i]) and ‘mare of the mill’ could be used; in these cases, the specific categories were probably employed because female horses were being used for work typically associated only with male animals. For examples see TNA, SC6/1039/11, m. 1r–1d.; Page, Winchester Pipe Roll, p. 199. Using the end-of-year data that we do have, we can measure a minimum degree of female underrepresentation, finding that at least 108 of the 1069 affers in our total sample, or just over 10%, were female.

¹⁹ For example, Page, Winchester Pipe Roll, *passim*

иногда используются запутанно взаимозаменямо, и в таких случаях необходимо внимательнее изучить другие разделы отчета, чтобы определить пол животных.²⁰ Домены, имевшие достаточное...

Рисунок 1: Лошади, запряженные в телегу, изображенные в Псалтыре Латтрелла (© The British Library Board Add. MS 42130, л. 162)

Рисунок 2: Вьючна лошадь или мельнична лошадь, изображенная в Псалтыре Латтрелла (© The British Library Board Add. MS 42130, л. 158)

большое количество молодых лошадей часто классифицировалось по возрасту: животные, рожденные в текущем году (*de exitu*, буквально «от приплода»), отличались от тех, кому был второй и третий год. Лошади старше трех лет обычно переходили в одну из взрослых категорий, такие как афферы, кобылы или рабочие лошади для телег.²¹

²⁰ The term *pullanus* is one of the few not discussed in Langdon's appendix. The Revised medieval Latin word list gives both 'colt' and 'foal' as possible translations, and indicates that *pultrella* was used in fourteenth-century documents to describe fillies (female horses under the age of four or five years), although this term is not found in any of the accounts in our sample. R. E. Latham (ed.), Revised medieval Latin word list from British and Irish sources (1965), p. 382. One example of the term *pullanus* encompassing young horses of both sexes is Downton manor, on the Bishop of Winchester's estate, where, of three *pullani*, one was promoted to carthorse that year, while the other two were promoted to mare. Page (ed.), Winchester Pipe Roll, p. 69.

²¹ This progression is clear from studying the stock sections of manorial accounts. The same pattern has also been observed by Stone in his detailed analysis of the Cambridgeshire manor of Wisbech Barton. Stone, Decision-making, p. 114.

Небольшое количество лошадей других типов завершает нашу выборку. Ронсины (runcini) обычно были элитными лошадьми, используемыми в первую очередь для верховой езды. Они редко встречаются среди сельскохозяйственного поголовья и, как правило, учитывались в документах отдельно. В редких случаях их могли использовать в маноре как выючных животных или для боронования,²² но в нашей выборке таких случаев обнаружено не было. Четыре животных были определены именно как «мельничные лошади»; это были животные, используемые либо в качестве тягловой силы для конных мельниц, либо как транспортные животные на ветряных или водяных мельницах. Например, на маноре Фарнхэм в Сурее, принадлежавшем епископу Винчестера, содержались три мельничные лошади для привода...

Рисунок 3: Сцена боронования из Псалтыри Латтрелла
(© The British Library Board Add. MS 42130, л. 171)

двух конных мельниц манора²³, в то время как на другом маноре епископа содержалась одна мельничная лошадь, но, судя по всему, это животное использовалось как выючное на водяной мельнице поместья.²⁴ Рисунок 2, также из Псалтыри Латтрелла, изображает именно такой вид работ. Наконец, существуют крайне редкие упоминания жеребцов (stallones). Эти животные обычно встречаются только на манорах, занимавшихся разведением ронсинов или других более элитных лошадей, таких как конный завод Изабеллы де Фортибюс в Холдернессе в Йоркшире, и не являются характерной чертой типичного средневекового английского манора.

Несколько отчетов также перечисляют лошадей просто под общим термином «equus», но это, по-видимому, была институциональная номенклатура, используемая в основном монахами Вестминстерского аббатства²⁵: из 24 доменов в нашей выборке, которые фиксируют equi, 18 были манорами аббатства. Эти лошади также были универсальными животными,

²² Langdon, Horses, oxen, pp. 34, 296.

²³ Page, Winchester Pipe Roll, pp. 212, 216.

²⁴ Ibid., pp. 196–7.

²⁵ At least with respect to manorial accounts. The term ‘equi’ is also found in lay subsidy returns and manorial court rolls. Claridge, ‘Trade of agricultural horses’, pp. 114–21, esp. Table 3.1.

подобными афферам и стоттам. Equi, найденные на кентском маноре Вест Клифф, использовались для боронования (деятельность, проиллюстрированная на рисунке 3). Два equi на беркширском маноре Брей были заняты на «различных работах в Лондоне».²⁶

III

Региональные особенности владения лошадьми на доменах можно рассмотреть более детально, разделив основную выборку на пять географических регионов: Восточная Англия, Мидлендс, север, юг и юго-запад, а также бассейн Темзы (см. Карту 1).²⁷ Некоторые поразительные различия в структуре поголовья лошадей на доменах сразу бросаются в глаза; в таблице 2 показаны эти региональные вариации.

Во многих регионах преобладал один тип лошадей, составлявший явное большинство. На национальном уровне афферы и стотты были наиболее распространенным типом лошадей, содержавшихся на доменах. На региональном уровне

Таблица 2: Региональное распределение типов лошадей

	East Anglia		Midlands		North		South and south west		Thames basin		National	
	n	%	n	%	n	%	n	%	n	% o	n	n
Stotts	265	56.5	0	0.0	0	0.0	0	0.0	154	22.9	419	15.8
Affers	77	16.4	221	40.6	60	18.9	402	62.5	309	45.9	1069	40.4
Carthorses	70	14.9	104	19.1	4	1.3	115	17.9	104	15.5	397	15.0
Foals	29	6.2	140	25.7	143	45.0	73	11.4	32	4.8	417	15.7
Mares	28	6.0	61	11.2	106	33.3	52	8.1	22	3.3	269	10.2
Rouncies	0	0.0	2	0.4	3	0.9	0	0.0	0	0.0	5	0.2
Equi	0	0.0	17	3.1	0	0.0	1	0.2	48	7.1	66	2.5
Stallions	0	0.0	0	0.0	2	0.6	0	0.0	0	0.0	2	0.1
Mill-horses	0	0.0	0	0.0	0	0.0	0	0.0	4	0.6	4	0.2
Total	469	100.0	545	100.0	318	100.0	643	100.0	673	100.0	2648	100.0

Источник: база данных манориальных счетов автора.

однако наблюдались значительные колебания в их количестве: от всего 18,9% на севере до примерно 70% в Восточной Англии и бассейне Темзы. Эти регионы в целом соответствуют тем районам страны, которые наиболее полно перешли от использования волов к лошадиной тяге в плугах в течение

²⁶ TNA, SC 6/889/8; 889/9; [A]d operum diversum de London, SC 6/724/4, m. 5.

²⁷ The regions are shown in Map 1. Dividing the country into such regions involves some judgment calls. For example, Essex could easily (and often is) considered part of East Anglia; however it was economically more closely tied to London and the Home Counties and has been included in the Thames basin region here.

предыдущего столетия.²⁸ Север и Мидлендс в нашей выборке выделяются значительно меньшим количеством афферов и стоттов, что, вероятно, объясняется преобладанием пахоты на волах, которая сохранялась в этих регионах вплоть до XIV века.²⁹

Доля рабочих лошадей для телег была относительно равномерно распределена по стране, за исключением севера, где было обнаружено всего четыре таких животных. За пределами севера немногие регионы существенно отклонялись от национального среднего показателя в 15% по владению такими лошадьми. На их долю в Мидлендсе приходится 19,1%, что несколько выше, но это связано с большим количеством рабочих лошадей для телег, содержавшихся аббатством Питерборо, чьи домены составляют значительную часть общей выборки по региону. Возможно, наиболее удивительно то, что на доменах в более коммерчески ориентированных регионах, таких как Восточная Англия и бассейн Темзы, не было значительно более высокой доли таких лошадей, хотя, интуитивно, можно было бы предположить, что использование таких специализированных животных должно было быть наиболее прибыльным именно в этих регионах.

Север выделяется значительно более высокой долей кобыл (33,3%) и молодых лошадей (45%), чем любой другой регион, что может указывать на более активное разведение лошадей в этой части страны. Однако, учитывая небольшой размер нашей северной выборки, значимость этого конкретного вывода неясна, особенно поскольку многие из этих молодых лошадей (и связанная с ними племенная деятельность) происходили из одной местности.

Таблица 3: Приобретение лошадей доменом

	East Anglia		Thames basin		South and south west		Midlands		National Demesne Sample	
	No.	%	No.	%	No.	%	No.	%	No.	%
Purchased	47	78.3	104	70.7	259	48.9	38	36.9	259	57.8
Seigneurial perquisites	3	5	19	12.9	88	33.6	21	20.4	88	19.6
Bred internally	10	16.7	9	6.1	49	9.9	27	26.2	49	13.2
Other	0	0	15	10.2	42	7.6	17	15.5	42	9.4

Источник: база данных манориальных счетов автора.

Доля молодых лошадей была значительно увеличена за счет 62 молодых рунсини, содержавшихся на конном заводе графа Линкольна в Айтенхилле в

²⁸ Langdon, Horses, oxen, pp. 110–11.

²⁹ Ibid.

Ланкашире.³⁰ Конный завод также увеличил долю кобыл в регионе. Хотя эти верховые лошади вряд ли когда-либо работали на домене, они все же были важной частью манориального предприятия графа, на которое он выделял ресурсы.³¹

Изучая скотоводческую деятельность поместья, Аткин утверждал, что хозяйство графа было «ориентировано на денежную экономику», особенно в плане большого количества крупного рогатого скота, производимого и продаваемого многочисленными скотоводческими фермами (ваккариями) в поместье.³² Похоже, в конце XIII – начале XIV веков граф применял эту стратегию и к разведению верховых лошадей. В 1295–1296 годах, на которые приходится выборка для данного исследования, предприятие по разведению рунсини еще не производило животных для продажи на рынке. Однако к 1304–1305 годам, следующим, по которым сохранились отчеты, конный завод в Айтенхилле продал 17 молодых жеребцов-рунсини, что позволяет предположить, что племенная деятельность начала приносить плоды и разводимые здесь лошади начали выходить на рынок.³³ Однако важно отметить, что разводимые здесь лошади не предназначались для производства рабочих/тягловых животных для доменов графа, а скорее для более «элитных» верховых лошадей для его конюшен и для более широкого рынка.^{34³⁵}

После севера кобылы и молодые лошади были наиболее многочисленны в Мидлендсе, где они составляли 25,7% от общего поголовья лошадей в этих регионах. Однако эти цифры вновь искажены аномальными практиками на заводах по разведению рунсини в аббатстве Питерборо, которые составляют значительную часть подвыборки по Мидлендсу. Аббатство разводило этих лошадей в парке Ай в Нортгемптоншире. Доля молодых лошадей в Восточной Англии и бассейне Темзы невелика, составляя лишь 6,2% и 4,8% от общего поголовья в этих регионах соответственно. Молодые лошади составляли 11,4% поголовья на юге и юго-западе; этот регион, похоже, занимает промежуточное

³⁰ If the 67 runcini foals are removed, the total number of young horses falls from 129 to 67, or from 52.4% to 27.2%.

³¹ For example, his expansive cattle raising activity spread across 27 vaccaries on his estate. M. A. Atkin, ‘Land use and management in the upland demesne of the De Lacy estate of Blackburnshire, c.1300’ *AgHR* 42 (1994), p. 2.

³² *Ibid.*, pp. 1–2.

³³ A similar pattern is observed for the estate’s vaccaries, which initially provided only a modest supply of cattle to local markets, but by the middle of the thirteenth century grew into much larger operations. Campbell, English seigniorial agriculture, p. 140.

³⁴ Edward Miller argued that the earl’s stud farm at Ightenhill ‘provided many of the horses needed by the earl’s manors and household’. A close examination of two extant accounts for the earl’s estate (for 1295–6 and 1304–5; the former is contained in the sample used for this study) shows that none of the horses bred ever trickled down to work on the demesnes. A small number of rounches were transferred from Ightenhill to other manors on the estate in 1295–6, but they were most likely reserved for the personal use of the earl and his household. Edward Miller, ‘Northern England’, in H. E. Hallam (ed.), *The agrarian history of England and Wales*, II, 1040–1350 (1988), p. 409; Ightenhill account 1295–6: TNA, DL 29/1/1, m. 3; Ightenhill account 1304–5: TNA, DL 29/1/2, m. 8.

положение между районами, где молодых лошадей было мало (Восточная Англия и бассейн Темзы), и районами, где их было больше (север и Мидлендс).

Разведение будет рассмотрено более подробно ниже, но уже сейчас данные позволяют предположить, что районы с высокой долей молодых лошадей, такие как Мидлендс и север, с большей вероятностью активно занимались разведением лошадей, в то время как бассейн Темзы и Восточная Англия, судя по этому показателю, были, по-видимому, менее вовлечены в коневодство.

IV

Мы можем получить представление о рынке рабочих лошадей, проанализировав, как домены приобретали своих рабочих животных. При этом мы сосредоточимся только на внешних методах приобретения, игнорируя животных, циркулировавших внутри манориальных или поместных запасов.³⁵ Как показано на Рисунке 2, мы видим, что управляющие доменами использовали множество методов для приобретения рабочих лошадей.

Здравый смысл подсказывает нам, что разведение и выращивание, которые я называю «внутренним производством», должны были быть важным источником животных.³⁶ В конце концов, программы разведения могли бы обеспечить домены (относительно) более дешевыми лошадьми по сравнению с купленными на рынке, исключая ценовую надбавку, которую конные торговцы или другие посредники добавили бы для получения собственной прибыли.³⁷ Как мы видели выше, кобылы и жеребята составляли значительную часть поголовья лошадей на английских доменах, особенно в Мидлендсе и на севере, поэтому внутреннее разведение было тем, чем управляющие доменами, казалось бы, могли довольно плотно контролировать; и поскольку лошади играли центральную роль в аграрном предприятии многих из этих хозяйств, то логично предположить, что землевладельцы и их управляющие были заинтересованы в том, чтобы их маноры имели надежное снабжение и крепкое поголовье лошадей благодаря такой внутренней программе разведения. Анонимный автор сельскохозяйственного трактата XIII века «*Husbandrie*» определенно предполагал это, утверждая, что доменные кобылы должны производить одного жеребенка каждый год, и в случаях, когда эта цель не достигалась, управляющие доменами должны были предоставить конкретные причины недобора:

---

³⁵ In addition to the 448 horses added to the demesnes, a further 81 animals were transferred internally. In these instances, the lord was not acquiring new animals, but was simply manipulating his stocks across all or part of his estate to ensure that each manor, and, in the case of categorical reclassifications, each category, had a requisite profile of horses.

³⁶ ‘Internally produced’ horses are defined as horses which were ‘graduated’ to the pool of adult working horses from the demesne’s group of young horses.

³⁷ For a thorough discussion of horse dealers in the early modern period see Peter Edwards, *The horse trade of Tudor and Stuart England* (1988), pp. 77–104. For an examination of horse dealers and other ‘middlemen’ in the trade of elite horses in medieval England, see Jordan Claridge, ‘Horses for work and horses for war’ (University of Alberta MA Thesis), pp. 53–71.

Управляющий (рив) должен отчитываться за приплод кобыл манора, то есть за то, чтобы каждая кобыла приносила по одному жеребенку в год. И если какая-либо кобыла не имеет жеребенка, следует провести расследование, произошло ли это из-за плохого ухода или недостатка корма, чрезмерной работы или из-за отсутствия жеребца, или же кобыла бесплодна и управляющий мог вовремя – и своевременно – заменить ее на другую, но не сделал этого. В таких случаях с него [управляющего] следует взыскать полную стоимость жеребенка или его цену.³⁸

Однако вопреки предположениям здравого смысла и несмотря на совет автора «*Husbandrie*», наши данные показывают, что доля лошадей, выведенных внутри хозяйства, на самом деле была довольно мала: на всех исследованных доменах только 59 лошадей были выращены внутри, что составляет 13,2% от общего числа пополнений. Не только количество лошадей, произведенных внутри, отставало от купленных животных на 45%, но внутреннее разведение на национальном уровне было лишь третьим по важности методом приобретения лошадей. Если учесть эти факторы, то, кажется, коневодство на доменах было делом «как повезет», затрудняемым плохим здоровьем и бесплодием переработанных кобыл, а также, возможно, некомпетентностью или безразличием управляющих и других домениальных руководителей, которые не спешили и не умели оперативно заменять бесплодных кобыл на более продуктивных животных.³⁹

В «*Husbandrie*» говорится, что разведение на некоторых доменах не соответствовало идеальной цели в одного жеребенка в год из-за отсутствия жеребца, и почти полное отсутствие таких специализированных племенных жеребцов в нашей выборке является загадкой. Жеребцы были очень редки на доменах, составляя гораздо менее 1% от общего поголовья, и единственные два жеребца в выборке были найдены на конном заводе графа Линкольна в Айтенхилле, который разводил ронсинов для его конюшен, а не рабочих лошадей.

Следовательно, те немногие домены, которые содержали специальных жеребцов и вели племенную работу в каком-либо значительном масштабе, были ориентированы на разведение более элитных и дорогих верховых или боевых лошадей, а не сельскохозяйственных. Это говорит о том, что если

---

³⁸ Dorothea Oschinsky (ed.), *Walter of Henley and Other Treatises on Estate Management and Accounting* (1971), p. 423.

³⁹ For example, the reeve of Merton, a manor of the Bishop of Winchester, recorded in the account for 1301–2 that there were no foals born that year ‘because there are no mares here’. The reeve of Ivinghoe (Bucks.), was seemingly more proactive in maintaining productive breeding stock, as the manor’s account reads that there were ‘no foals this year because the female plough horses were feeble and sold’; For Morton (Bucks.), the account records that there were no foals that year simply because ‘the mares did not foal’. Page (ed.), *Winchester Pipe Roll*, pp. 84, 158 172. The account for the Warwickshire manor of Fletchamstead records that all of the mares remaining at the end of the year 1309–10 were sterile. TNA, SC 6/1039/11, m. 1r.–1d. Frequent infertility among demesne mares is also a phenomenon observed by Stone for the manor of Wisbech Barton. Decision-making, p. 114.

знания о специализированном разведении и существовали, то они были ограничены только самыми дорогими лошадьми.⁴⁰ Даже землевладельцы, содержащие специализированные конные заводы, по-видимому, не применяли эти практики к сельскохозяйственным лошадям на своих доменах, вероятно, потому что не считали это разумным использованием ресурсов.

Каким же образом достигались даже эти относительно скромные уровни коневодства на доменах? Осеменение могло проводиться с помощью какой-то «случной службы», когда жеребец-производитель пригонялся исключительно с целью покрытия кобыл. Однако если это и происходило, то, должно быть, на относительно неформальной основе, поскольку в манориальных счетах нашей выборки нет записей об оплате за подобные услуги. Наиболее вероятный сценарий заключается в том, что некастрированные жеребцы были достаточно распространены как среди поголовья доменов, так и крестьянских хозяйств, чтобы обеспечивать разведение животных.

Трактат Томаса Тассера о сельском хозяйстве проливает свет на доиндустриальную практику кастрации. Хотя он был записан в XVI веке, многие из описанных практик были в целом схожи с сельскохозяйственными приемами средневекового периода. Тассер четко указывает, что кастрация предпочтительна только для определенных лошадей, и многие рабочие животные, вероятно, оставались некастрированными:

Твоих жеребчиков для седла кастрируй смолоду, чтоб были легки;
Для телеги же так не делай, если судишь верно.
И не кастрируй, пока они не станут крепкими и упитанными:
Ибо в этом есть тонкость, которую надлежит усвоить.
Кобылок кастрируй (кроме мелких) раньше, чем им девять дней отроду:
Иначе они умрут от кастрации (или от ярости кастраторов).
Молодых кобылок, столь перспективных статями и костью,
Береги для расплода, кастрации не касайся.⁴¹

Интересно, что, хотя кастрация свиней и других животных часто фиксируется в манориальных счетах, они молчат о холощении лошадей. Учитывая утверждение Тассера о том, что по крайней мере некоторых рабочих лошадей лучше оставлять некастрированными, и отсутствие каких-либо свидетельств регулярной практики кастрации среди домениального поголовья лошадей, мы можем предположить, что это происходило редко, если вообще происходило, на доменах. Если рабочие лошади регулярно оставались

⁴⁰ Notable examples of specialized breeding from our sample occurred on the estate of Peterborough Abbey and the earldom of Lincoln. Other notable examples exist from the earl of Cornwall's estate, which bred elite riding and war horses at Knaresborough (Yorks.) and Mere (Wilts.). L. Margaret Midgley (ed.), *The ministers' accounts of the Earldom of Cornwall, 1296–7* (2 vols, Camden Third Ser., 66, 68, 1942–5), I, p. 63, II, p. 193. Edward, the Black Prince was also engaged breeding elite war and riding horses across his estates. See: *Register of Edward, the Black Prince* (4 vols, 1930–3), IV, p. 15 (18 May 1351); p. 67 (28 Nov. 1352).

⁴¹ Thomas Tusser, *Five hundred points of good husbandry*, ed. Geoffrey Grigson (1984), p. 77

некастрированными, то, следует полагать, поголовье доменов могло поддерживаться даже небольшим количеством нехолощеных жеребцов, которых было бы достаточно для разведения как на доменах, так и на крестьянских фермах, и это, должно быть, делало специализированных жеребцов ненужными.

Мы также можем видеть значительную региональную дифференциацию в коневодстве на доменах. Юг и юго-запад, а также бассейн Темзы выделяются тем, насколько незначительным оно было, поскольку лошади, произведенные внутри, составляют лишь 9,9% в первом регионе и 6,1% в последнем. В бассейне Темзы низкое количество рабочих лошадей, выращенных внутри, в целом коррелирует с низкой долей кобыл и молодых лошадей, содержавшихся на доменах в регионе; здесь количество кобыл и жеребят по отношению к другим типам лошадей было ниже, чем в любой другой части страны, и регион производил наименьшее количество собственных лошадей.

Разведение было наиболее продуктивным на доменах Мидлендса, где более четверти всех лошадей переходили во взрослое поголовье из собственных молодых лошадей доменов. К XVII веку коневодство и выращивание лошадей были процветающей экономической деятельностью в этом регионе, с интенсивным разведением и выращиванием лошадей как в долине Северна, так и в долине Трента.⁴² Наши данные позволяют предположить, что эта особенность уже установилась в регионе к XIV веку. Сложно сказать, заставлял ли относительно слабый рынок лошадей домены в этом регионе полагаться на внутреннее производство, или же география региона была более благоприятна для прибыльного коневодства, что уменьшало необходимость так сильно зависеть от рынка, как это делали домены в других регионах.

Вторым по важности источником лошадей были сеньориальные поборы (перквизиты) – набор каналов, таких как хериоты (посмертные поборы), бесхозный скот и, в некоторых случаях, конфискованное имущество преступников, через которые многие домены могли приобретать рабочих животных. Хериоты были посмертным сбором, традиционно уплачиваемым в виде «лучшего животного» после смерти арендатора или, в некоторых местах, при любом отказе от наследственной земли.⁴³ Высокая стоимость лошадей по сравнению с другими видами скота означала, что они часто считались самым ценным животным умершего арендатора и, следовательно, передавались в качестве платежа.

С точки зрения приобретения лошадей хериоты были наиболее продуктивным побором для доменов, составляя 58% всех таких сеньориальных приобретений (и, следовательно, 10,5% от общего объема закупок лошадей). Однако наблюдалась значительная региональная вариация, поскольку скорость, с которой лошади становились доступны доменам через хериоты, очевидно, не контролировалась манором. Не было гарантии

⁴² Edwards, Horse trade, pp. 22–3.

⁴³ Mark Bailey, *The English manor c.1200–c.1500* (2002), p. 244.

количества смертей арендаторов в конкретном году, ни того, что «лучшим животным» всегда окажется лошадь. Многие хериоты уплачивались в виде волов; кроме того, епископ Винчестерский в 1301–1302 годах получал хериоты в виде ульев и топоров, что указывает на то, что некоторые из его арендаторов не имели не только лошади (или вола), но и вообще какого-либо скота.⁴⁴ Сбор хериотов также зависел от административной эффективности, количества обязанных арендаторов и местных обычаяев. В некоторых местах обычай предписывал денежный платеж вместо «лучшего животного», а в других выплата смертных сборов, по-видимому, либо редко взималась, либо уклонялась с помощью различных мер, либо вносились входящими, а не уходящими арендаторами.⁴⁵ Тем не менее, многие домены в нашей выборке явно получали значительное количество рабочих лошадей в качестве хериотов и добавляли их в свое стадо, вместо того чтобы принимать денежный эквивалент.

Еще одним сеньориальным источником лошадей были бесхозные или заблудшие животные. Происхождение этих так называемых «бесхозных» лошадей несколько загадочно, поскольку манориальные счета не предоставляют никакой информации об их происхождении. Были ли это дикие или одичавшие лошади, пойманные для последующего использования в качестве тягловых животных? Или же они были «заблудшими» в современном смысле этого слова, то есть полностью одомашненными животными, которые отбились от своих владельцев?⁴⁶ Хотя есть некоторые косвенные свидетельства, подтверждающие первую возможность,⁴⁷ учитывая, что к 1300 году оставалось очень мало пустошей, особенно в южной Англии, более вероятной является вторая ситуация.

Юридический трактат XIV века «Бриттон» подробно описывает механизмы, по которым заблудшие или бесхозные животные могли быть задержаны, а если их не разыскали, – конфискованы определенными лордами при условии соответствия конкретным требованиям.⁴⁸ Учитывая происхождение этого трактата из XIV века, он, вероятно, хорошо отражает правовые вопросы, связанные с проблемой бесхозных животных в нашей выборке данных. Как и хериоты, бесхозные и заблудшие животные были

⁴⁴ Page (ed.), *Winchester Pipe Roll*, pp. 153, 305.

⁴⁵ See the discussion of heriots in East Anglia below.

⁴⁶ A variety of Latin terms were used to describe stray horses in manorial accounts, and the terminology could vary from region to region. In the accounts studied here, the most common terms encountered are the *Lain vagabundus* and the anglicized *straÿ*. For a definition of the former see: Latham, *Medieval Latin word list*, p. 504.

⁴⁷ Claridge, ‘Trade of agricultural horses’, pp. 82–4.

⁴⁸ The right of strays, or waifs, was the right held by some lords, under certain circumstances, to seize stray or wandering animals. After the requisite conditions were met, usually involving keeping the animal for a year and a day, the animal became the property of the lord and could either be added to the demesne livestock or sold. F. M. Nichols (ed. and trans.), *Britton: The French text carefully revised with an English translation, introduction and notes* (2 vols. 1865), I, pp. 66–7; 216.

регионально изменчивым явлением, но все же составляли 36% лошадей, приобретенных через поборы на национальном уровне.

Значительная роль, которую сеньориальные поборы играли в общей схеме приобретения лошадей доменами, поразительна, поскольку она указывает на степень, в которой закупка лошадей доменами зависела от переменных и непредсказуемых источников, в основном находящихся вне контроля поместья. Ни количество лошадей, приобретенных через эти источники, ни их качество не могли быть гарантированы. Таким образом, неопределенность приобретения лошадей через сеньориальные поборы усугубляла неопределенность разведения лошадей в поместье, что может объяснять, почему эти домены так сильно зависели от рынка, если они хотели поддерживать постоянный уровень рабочих животных.

Региональные различия в уровнях сеньориальных поборов, по крайней мере частично, объясняются тем, что, как кажется, хериоты взимались не единообразно по всей стране. На юге и юго-западе доля сеньориальных поборов составляла 33,6% от всех приобретений, что выше, чем в любом другом регионе, и было обусловлено большим количеством хериотов, взимавшихся манорами в этой части страны. Тридцать лошадей были взяты в качестве хериота, и они сами по себе составили бы 23% от общего числа приобретений – вдвое больше доли, добавленной за счет внутреннего разведения.

В бассейне Темзы вторым по важности методом приобретения лошадей были сеньориальные поборы, но он не был чрезмерно значимым, поскольку таким образом было приобретено всего 19 животных, или чуть менее 13%. Восточноанглийские и мидлендские домены меньше полагались на этот метод закупки лошадей. Заметно низкое количество хериотов, уплаченных на восточноанглийских манорах в нашей выборке, снизило общее число лошадей, учтенных в категории «сеньориальные поборы». Ограниченный вклад хериотов здесь удивителен, учитывая, что к 1300 году лошади составляли 75% всех тягловых животных у крестьян в Восточной Англии.⁴⁹ Однако крупные поместья, такие как приорат Нориджского собора, которому принадлежало 12 маноров в восточноанглийской выборке, не зафиксировали хериотов, уплаченных лошадьми на своих доменах. Восточноанглийские землевладельцы, судя по всему, не собирали хериоты после смерти крепостных арендаторов в значительных количествах.⁵⁰ Возможно, что «мягкая» форма вилланства в этом регионе означала, что хериот не подлежал уплате на

---

⁴⁹ Langdon, Horses, oxen, p. 205.

⁵⁰ Langdon observed a low number of post-Black Death heriots in East Anglia, Langdon, Horses, oxen, pp. 196–7. In her study of land transfers in late medieval Norfolk, Whittle also observed that no heriots were paid by outgoing tenants on any of the manors she studied. She suggests that in both Norfolk and Suffolk heriots were either paid by the incoming tenant instead of an entry fine, or no heriot was paid at all. This seems to have been a regional anomaly in East Anglia, as in most other places in England, the lord charged heriot to the outgoing/deceased tenant as well as an entry fine to the incoming tenant. Jane Whittle, The development of agrarian capitalism: land and labour in Norfolk, 1440–1580 (2000), p. 67, n. 108.

некоторых манорах, но более вероятно, что арендаторы обычно вносили денежные платежи в качестве хериота вместо скота и избегали хериота с помощью различных местных обычаяев и практик.⁵¹ Северные домены вообще не собирали хериотов лошадьми, хотя небольшая и узкая выборка в этом отношении может не быть репрезентативной.

Что касается бесхозных животных, данные свидетельствуют о том, что право лорда задерживать и забирать заблудший скот применялось некоторыми лордами более часто и строго, чем другими, что, возможно, отражает тот факт, что не все лорды обладали правом конфисковать бесхозных животных при возможности. Право казнить преступников также было привилегией, которой обладали лишь немногие лорды, и это было необходимо для того, чтобы претендовать на имущество повешенных воров.

Покупка лошадей была, безусловно, наиболее важным методом их приобретения: из 448 взрослых лошадей, полученных всеми доменами в нашей выборке, 259, или 57,8%, были куплены на рынке. Такое количество купленных лошадей значимо, поскольку явно указывает на существование активного рынка этих животных. Это также можно рассматривать как показатель высокой степени коммерциализации в этом секторе экономики. На региональном уровне покупка лошадей также была доминирующим методом приобретения в каждом из регионов, и эта тенденция была особенно выражена в Восточной Англии и бассейне Темзы, которые выделяются в отношении рабочих лошадей как наиболее рыночно ориентированные части страны, где более 70% животных в обоих регионах были приобретены через покупку. Покупка была несколько менее доминирующей на юге и юго-западе,⁵² где было куплено только 48,9% лошадей, и наименее значимой в Мидлендсе, где только 36,9% новых лошадей были куплены. В последнем регионе приобретение лошадей было более равномерно распределено по всем каналам получения, что отражает сочетание большего объема племенной и выращивающей деятельности на доменах в этой части страны, где рынок, по-видимому, был сравнительно слабее. Небольшое количество приобретений на севере, обусловленное малой выборкой всего из 35 доменов, затрудняет какие-либо значимые выводы о приобретениях в этом регионе, и поэтому он не будет подробно обсуждаться.

Предпочтение доменов в Восточной Англии и бассейне Темзы покупать лошадей, а не использовать другие способы приобретения, тесно связано со степенью, в которой домены в этих регионах перешли от волов к лошадям в качестве тягловых животных около 1300 года.⁵³ Мы также можем

---

⁵¹ Mark Bailey, 'Villeinage in England: A regional case study, c.1250–c.1349', *EcHR* 62 (2009), pp. 430–57.

⁵² The south and south west region also includes Devon and Cornwall, but there are no demesnes from either of these counties in our sample.

⁵³ In looking at the increasing prevalence of all-horse plough teams over the period of 1250–1420, Langdon found that horse ploughing was most actively and completely embraced in East Anglia and the Home Counties. Of the 65 demesnes in his sample that utilized all-horse ploughing

предположить, что коневодческая деятельность была здесь относительно незначительной, поскольку коммерческое влияние Лондона, а также высокая плотность рынков в Восточной Англии означали, что фермеры были вынуждены специализироваться на производстве других товаров, которые в наибольшей степени выигрывали от близости к рынкам.⁵⁴

Таблица 4: Излишек/дефицит поголовья лошадей

Horse type	No.	No. of horses 'needing' replacement	No. of horses acquired	Surplus/deficit horses
Stotts	412	75	83	8
Affers	1088	198	216	18
Carthorses	398	57	77	20
Mares	253	46	38	-8
Rounceys	10	2	2	0
<i>Equi</i>	61	11	18	7
Stallions	0	0	0	0
Mill-horses	4	1	2	1
Total	2284	390	436	46

Источники: База данных манориальных счетов автора. Колонка «Количество лошадей, "требующих" замены» рассчитана с использованием данных Джона Лэнгдона о сроке службы лошадей на доменах. См.: Langdon, 'Economics of horses and oxen', p. 36.

Не занимаясь разведением лошадей самостоятельно, домены в этих регионах были особенно зависимы от рынка в поставках рабочих лошадей. Высокая доля купленных лошадей в этих двух регионах предполагает, что

---

between 1250 and 1420, only six of these were outside the Thames basin and East Anglian regions. Langdon attributes the establishment of all-horse demesnes in Norfolk and the Chiltern Hills to the particular suitability of horses for ploughing in these areas. The light and sandy soils in Norfolk could be easily worked by horses, while the thin and often stone-ridden soil of the Chilterns were precisely the type that presented difficulties for oxen, who could easily slip on the stones. Mixed plough teams, which made use of both horses and oxen, were also largely concentrated in these two regions. By 1300, demesnes in these regions, above all others in England at the time, had embraced horses to a greater degree than other parts of the country. Horses also accounted for just under half of peasant draught animals at the dawn of the fourteenth century, but like demesnes, the preference for horses was strongest in the south and east of the country. In East Anglia horses accounted for 75 per cent of all draught beasts, while in the Home Counties the figure was 55 per cent. Langdon, Horses, oxen, pp. 100–11, esp. 102–3 and 108–9; 205.

⁵⁴ In von Thünen's model, little can be gained from producing livestock near markets, and they are relegated to the areas furthest from markets. Peter Hall (ed.), Von Thünen's isolated state: an English edition of *Der Isolierte Staat* (1966). For a recent discussion of von Thünen in the context of medieval economic history, see John Hatcher and Mark Bailey, Modelling the middle ages (2001), pp. 132–3.

рынок лошадей был как хорошо развит, так и легко доступен для управляющих доменами к 1300 году.

В данной статье показано, что домены не производили рабочих лошадей для рынка. Однако домены и их управляющие, вероятно, играли важную распределительную роль в торговле этими животными. Некоторые ривы (управляющие) и бейлифы (приставы), возможно, даже неосознанно, действовали как посредники, и в совокупности эти сделки облегчали обмен многими животными, включая тех, которые поступали лорду в качестве хериотов (посмертных поборов) или других поборов и считались излишними для нужд хозяйства. Многие из этих сделок, вероятно, происходили в рамках одного манора или общины. В частности, в случае с хериотами, если семья умершего арендатора должна была передать лошадь лорду, им, скорее всего, требовалось довольно быстро приобрести другую, чтобы продолжить свою сельскохозяйственную деятельность. Для этого требовался легко доступный рынок лошадей, и возможно, или даже вероятно, что во многих случаях лорд продавал то же самое животное обратно семье, которая его сдала.

Используя данные Лэнгдона о сроке службы лошадей на доменах, которые отражают среднюю продолжительность рабочей жизни лошадей в сеньориальном секторе, мы видим, что на национальном уровне домены приобретали больше лошадей, чем им было необходимо для поддержания поголовья. Лэнгдон рассчитал, что средний срок службы на доменах для лошадей, работающих в упряжке, и пахотных лошадей составлял 7 и 5,5 лет соответственно.⁵⁵

Из этого можно сделать вывод, что для упряжных лошадей в среднем одна из каждого семи животных требовала замены в любой данный год, в то время как две из каждого 11 афферов и стоттов также нуждались в замене. Мы предположили, что тот же рабочий срок в 5,5 лет применим ко всем остальным категориям лошадей (за исключением упряженых животных). Исходя из этого, мы можем сравнить количество лошадей, «требующих» замены, с количеством животных, фактически приобретенных доменами в нашей выборке. Результаты этого представлены в таблице 4.

Из таблицы видно, что исследуемые домены имели чистый излишек в 46 лошадей, что составляет около 12% сверх минимального количества животных, требующих замены. Многие из этих излишних лошадей были приобретены через сеньориальные поборы, такие как хериоты и бесхозный скот, и либо быстро продавались за наличные, либо использовались для замены действующего животного, которое, вероятно, было либо старше, либо менее пригодно. Хотя основной целью «замены» рабочих лошадей было эффективное управление тягловыми лошадьми домена, делая это, многие управляющие доменами, сознательно или бессознательно, сами выступали в роли конных торговцев.

V

---

⁵⁵ John Langdon, ‘The economics of horses and oxen in medieval England’, *AgHR* 30 (1982), p. 36.

Что рассказывают домениальные счета о масштабах торговли лошадьми и их региональном разнообразии в Англии 1300 года? Важное наблюдение — невероятный диапазон вариантов приобретения лошадей, доступных управляющим доменами. Мы видели, что сеньориальные поборы (хериоты и бесхозный скот) часто были более важным источником лошадей для доменов, чем внутреннее разведение. Мы также установили, что большинство доменов были потребителями рабочих лошадей и вкладывали относительно мало ресурсов и усилий в их разведение. Следовательно, при рассмотрении сеньориального сектора история о торговле лошадьми в большей степени связана со спросом.

Для большинства доменов разведение лошадей было лишь третьестепенным методом приобретения. Небольшому числу управляющих удавалось поддерживать поголовье рабочих лошадей за счет внутренних программ разведения, но в совокупности эти хозяйства не производили достаточно рабочих лошадей для удовлетворения собственного спроса, не говоря уже о создании излишков для рынка. Даже в тех немногих случаях, когда землевладельцы занимались крупномасштабным коневодством, эти предприятия всегда были нацелены на производство элитных верховых и боевых лошадей, а не на рабочих животных сельскохозяйственного класса, от которых так зависела аграрная экономика. В этом смысле коневодство на доменах можно рассматривать лишь как полунадежную форму приобретения лошадей, где управляющие обладали некоторой возможностью поощрять или сдерживать производство, но были ограничены не только тем, что жеребятам требовалось около трех лет, чтобы достичь возраста, когда они могли работать и вносить вклад в сельскохозяйственные предприятия манора в качестве тягловых животных, но и тем, что не было гарантированного ежегодного поступления жеребят от кобыл поместья. Первый фактор вынуждал ривов и других управляющих доменами планировать вперед как минимум на три года, прогнозируя свое поголовье лошадей, в то время как второе соображение означало, что ривам часто приходилось восполнять поголовье взрослых лошадей в любой конкретный год другими способами.

Значительная роль, которую сеньориальные поборы играли в общей схеме приобретения лошадей доменами, поразительна, поскольку она показывает, насколько зависимым было их снабжение лошадьми от изменчивых и непредсказуемых источников, в основном находившихся вне контроля поместья. Ни количество лошадей, полученных через эти феодальные каналы, ни их качество не могли быть гарантированы. Таким образом, неопределенность, связанная с приобретением лошадей через сеньориальные поборы, усугубляла неопределенность разведения лошадей в самом поместье, что, возможно, объясняет, почему эти домены так сильно зависели от рынка, если хотели поддерживать стабильный уровень рабочих животных. Следовательно, можно утверждать, что вопрос заключался не в том, могли ли домены и поместья вывести достаточное количество лошадей для

замены, а в том, хотели ли они вообще вкладывать ресурсы в разведение рабочих лошадей.

Важно, что факт преобладания покупок в качестве основного метода приобретения означает, что все типы сельскохозяйственных лошадей должны были быть широко и повсеместно доступны в большинстве районов страны. Брюс Кэмпбелл утверждал, что «когда поместья и домены не могли вывести достаточное количество животных для замены, у них не оставалось иного выхода, кроме как покупать их».⁵⁶ Хотя это могло быть верно для скота в целом, и особенно для крупного рогатого скота и овец, подход большинства управляющих доменами к приобретению лошадей заключался в том, чтобы в первую очередь обращаться на рынок, а затем использовать другие методы закупки для пополнения числа купленных лошадей. Таким образом, данное исследование однозначно подчеркивает важность рынка лошадей для снабжения английских доменов около 1300 года.

Хотя это выходит за рамки данного исследования, возникает очевидный вопрос: если домены не разводили лошадей для рынка, то кто же это делал? Ответом почти наверняка является крестьянство. Источники по крестьянскому сектору не столь надежны, детализированы и точны, как манориальные счета, но исследование налоговых ведомостей (*lay subsidy returns*) показало, что у крестьян были как потенциал, так и стимул производить излишок рабочих лошадей, превышавший их собственные тягловые потребности.⁵⁷⁵⁸ Проблемы управления, с которыми сталкивались управляющие доменами, также не давили бы на крестьянских фермеров столь сильно. В целом их хозяйства были меньше, поэтому управление и планирование программы разведения не было бы такой масштабной задачей, как для управляющих доменами.

Прочно установлено, что распространение лошадей в XIII веке способствовало коммерциализации экономики.⁵⁸ Наши данные показывают, как это явление, в свою очередь, создало более сильный рынок лошадей в одних районах страны, таких как бассейн Темзы и Восточная Англия, по сравнению с другими, такими как Мидлендс и север. Помимо перехода от волов к лошадям и последующего развития рынка лошадей, влияние коммерциализации вокруг Лондона и в Восточной Англии, вероятно, сделало покупку наиболее логичным вариантом для управляющих доменами в этих областях. Наши данные свидетельствуют о том, что лошади чаще всего покупались в районах Англии, где коммерческие силы были наиболее сильны.

С одной стороны, мы можем ожидать этого, поскольку рынок лошадей, как и других товаров, вероятно, процветает в наиболее коммерчески ориентированных районах, где рынки наиболее интегрированы. В этом отношении мы видим, как лошади, как предполагал Лэнгдон, самидвигают процесс коммерциализации, но мы также видим явные свидетельства этой коммерциализации на самом рынке лошадей. Данные также позволяют

⁵⁶ Campbell, English seigniorial agriculture, p. 135.

⁵⁷ Claridge, 'Trade of agricultural horses', pp. 104–43.

⁵⁸ Langdon, Horses, oxen, pp. 160, 255.

предположить, что коммерциализация и производство лошадей на доменах, возможно, находятся в обратной зависимости. В случаях, когда домены адаптировались к растущей рыночной ориентации в Англии, специализируясь на производстве определенных товаров для рынка – будь то зерно, шерсть или молочные продукты, – свидетельства из нашей сеньориальной выборки показывают, что разведение рабочих лошадей не было специализацией, в которую инвестировал сеньориальный сектор. Однако они, возможно, даже непреднамеренно, играли важную распределительную роль, выступая в качестве «посредников» на рынке лошадей.

Перевод Оксаны Дудченко

Выходные данные статьи:

Claridge, Jordan (2017) The role of demesnes in the trade of agricultural horses in late medieval England, *Agricultural History Review*, Vol. 65, No. 1, pp. 1-19.

ЛОРДЫ, АРЕНДАТОРЫ И ОТНОШЕНИЕ К ИСПОЛНЕНИЮ МАНОРИАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Спайк Гиббс

Аннотация. Современная ревизионистская историография поставила под сомнение устоявшийся взгляд, согласно которому взаимоотношения между лордами и арендаторами в Англии позднего Средневековья носили исключительно конфликтный характер. Тем не менее, последствия этого пересмотра для положения манориальных чиновников – лиц, избираемых из числа арендаторов лорда для помощи в управлении его манором – до сих пор не были полностью осмыслены. На основе сохранившихся протоколов манориальных судов трёх исследуемых маноров в данной статье показано, что арендаторы были заинтересованы в эффективно функционирующей системе должностных лиц, которая отвечала их потребностям в рамках манориального суда. Для сохранения этой системы арендаторы самостоятельно контролировали как самих должностных лиц, так и более широкое сообщество, независимо от сеньориального давления, чтобы гарантировать надлежащее исполнение чиновниками своих обязанностей. Такое «позитивное» отношение арендаторов к исполнению манориальных обязанностей, в свою очередь, имеет важные последствия для объяснения устойчивости манориальных структур вплоть до XVI века и указывает на то, что осуществление манориальной власти было в такой же степени совместным, как и конфликтным.

* Благодарю Криса Бриггса за его ценные замечания и руководство в работе над главой моей докторской диссертации, которая легла в основу данной статьи. Также выражаю признательность Ричарду Хойлу и двум анонимным рецензентам журнала *Agricultural History Review* за их полезные предложения, сыгравшие ключевую роль в доработке статьи. Все возможные ошибки остаются на моей ответственности.

Отношения между лордами и арендаторами на протяжении долгого времени остаются центральной темой в экономической и социальной истории Англии позднего Средневековья. Традиционный взгляд, часто связанный с марксистской историографией, утверждает, что эти отношения, особенно в части, касающейся несвободных арендаторов, были в своей основе эксплуататорскими из-за процесса «изъятия прибавочного продукта», посредством которого лорды, используя принудительные методы, стремились присвоить богатство и труд крестьянских хозяйств⁵⁹. Манориальные

---

⁵⁹ R. Brenner, ‘Agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe’ in T. H. Aston and C. H. E. Philpin (eds), *The Brenner debate: agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe* (1985), pp. 27, 31–6; R. H. Hilton, *Bond men made free*:

структуры, и в особенности манориальный суд, рассматриваются как ключевые инструменты, с помощью которых лорд контролировал своих арендаторов и тем самым обеспечивал это изъятие⁶⁰. Признавая факты успешного сопротивления, Ральф Эванс отмечает, что в Торнкрофте «манориальный суд... неизменно обеспечивал конечное подчинение» воле лорда⁶¹.

В рамках этой модели роль манориальных должностных лиц имеет первостепенное значение. Должностные лица составляли кадровый ресурс, необходимый для управления манорами и, следовательно, для практического воплощения сеньориальной политики. Хотя фактический набор должностей, а также исполняемые ими функции сильно различались от манора к манору, они могли включать в себя ревизоров (управляющих домениальными землями лорда), бидлов или мессоров (приводивших в исполнение решения манориального суда), а также членов присяжных, представлявших суду сообщения о правонарушениях⁶². Манориальные суды, которые также проводили заседания лит-судов (франшизы, позволявшей лордам следить за соблюдением некоторых аспектов королевского права, таких как мелкое насилие и ассиза на хлеб и эль), дополнительно имели лит-присяжных (или главных поручителей), и констеблей, поддерживавших порядок в пределах юрисдикции лит-суда. Хотя технически такие роли существовали для поддержания «королевского мира», франшиза лорда означала, что эти должностные лица позволяли ему взимать штрафы (амерсменты), выплачиваемые нарушителями, то есть они всё равно служили сеньориальным интересам⁶³.

В этой парадигме положение должностных лиц в корне обусловлено отношениями арендаторов как со своим лордом, так и с манориальными институтами. Должностные лица были ключевым элементом, позволявшим лорду получать прибыль от своего сеньориального положения. В то же время они принимали на себя основной удар недовольства сеньориальной политикой,

---

medieval peasant movements and the English rising of 1381 (1977), pp. 41–2; id., ‘Peasant movements in England before 1381’, *EcHR* 2 (1949), pp. 118–20; id., *The English peasantry in the later middle ages: the Ford lectures for 1973 and related studies* (1975), pp. 58–69; C. C. Dyer, *Standards of living in the later middle ages: social change in England, c.1200–1520* (1989), pp. 136–8.

⁶⁰ Hilton, *English peasantry*, pp. 231–4; C. C. Dyer *Lords and peasants in a changing society: the estates of the bishopric of Worcester, 680–1540* (1980), pp. 52, 265; R. Faith, *The English peasantry and the growth of lordship* (1997), p. 256; J. S. Beckerman, ‘Procedural innovation and institutional change in medieval English manorial courts’, *Law and Hist. Rev.* 10 (1992), pp. 199–200; R. Evans, ‘Whose was the manorial court?’, in R. Evans (ed.), *Lordship and learning: studies in*

memory of Trevor Aston (2004), pp. 155–8; S. H. Rigby, *English society in the later middle ages: class, status and gender* (1995), pp. 25–8.

⁶¹ R. Evans, ‘Merton College’s control of its tenants at Thorncroft, 1270–1349’, in Z. Razi and R. M. Smith (eds), *Medieval society and the manor court* (1996), p. 254.

⁶² M. Bailey, *The English manor, c.1200–c.1500* (2002), pp. 98–9, 171–4.

⁶³ Bailey, *English manor*, pp. 181–3.

будучи наиболее доступными и менее защищёнными, чем сам лорд. Этот аспект особенно важен из-за способа замещения должностей во многих манорах. Хотя некоторые лорды использовали наёмных управляющих – бейлифов, многие полагались на лиц, выбранных из числа собственных арендаторов, которые были обязаны нести службу в силу условий своего землевладения⁶⁴. Более важные должностные лица из числа арендаторов иногда вознаграждались освобождением от ренты, но они не были профессионалами и часто служили лишь непродолжительное время, после чего освобождались от обязанностей, когда для исполнения тех же функций выбирались другие лица⁶⁵. Ревизы могли нести личную ответственность за любые недостачи в своих отчётах, и поэтому им приходилось обеспечивать сотрудничество своих соседей-арендаторов в уплате штрафов и ренты⁶⁶. Тот факт, что должностные лица должны были жить среди арендаторов и сами обычно были несвободными держателями, указывает на потенциальный конфликт интересов между эффективным служением лорду и поддержанием добрых отношений с общиной арендаторов⁶⁷.

Напряжённость, лежащая в основе этого конфликта, была связана с изменением характера сеньориальной власти, которое, в свою очередь, было обусловлено демографическими изменениями. Это приводит к выделению трёх этапов в положении лиц, занимавших манориальные должности. Первый этап, обусловленный высокой численностью населения и прямым управлением доменом в конце XIII – начале XIV века, характеризовался относительно благоприятным положением должностных лиц. Дэвид Стоун предполагает, что ревизы были компетентными управляющими и могли соответствовать сеньориальным ожиданиям⁶⁸. Должностные лица также извлекали выгоду из возможности присваивать значительные побочные доходы для себя, что ярко отражено в формуляре Роберта Ле Карпентера, где подробно описаны методы, позволявшие чиновникам использовать своё положение для незаконной наживы⁶⁹. Это означало, что служба в должности была по крайней мере приемлемым бременем и могла предоставлять

---

⁶⁴ В соответствии с традицией, принятой в научной литературе, наёмные манориальные должностные лица обозначаются как бейлифы, чтобы отличать их от должностных лиц, выбранных из числа арендаторов лорда, хотя в самих документах терминология часто не столь однозначна.

⁶⁵ Bailey, English manor, pp. 99–100, 171.

⁶⁶ Ibid., pp. 100–4.

⁶⁷ Hilton, English peasantry, pp. 57–8.

⁶⁸ D. Stone, Decision-making in medieval agriculture (2005), pp. 189–203.

⁶⁹ P. D. A. Harvey, A medieval Oxfordshire village: Cuxham, 1240–1400 (1965), pp. 69–71; C. D. Briggs, ‘Monitoring demesne managers through the manor court before and after the Black Death’, in J. Langdon, R. Goddard and M. Müller (eds), *Survival and discord in medieval society: essays in honour of Christopher Dyer* (2010) p. 180; Dyer, *Lords and peasants*, p. 114; M. Carlin, ‘Cheating the boss: Robert Carpenter’s embezzlement instructions (1261x1268) and employee fraud in medieval England’, in B. Dodds and C. D. Liddy (eds), *Commercial activity, markets and entrepreneurs in the Middle Ages: essays in honour of Richard Britnell* (2011), pp. 184–90.

возможности для обогащения, несмотря на попытки лордов предотвратить мошенничество.

Однако на втором этапе демографический коллапс, вызванный Чёрной смертью, перевернул эту картину. Лорды пытались сохранить доходы перед лицом падения цен и роста заработной платы, вступив в процесс «феодальной реакции»⁷⁰. Это означало, что на ревизов оказывалось повышенное давление с целью поддержания прибыльности имений, в то время как от должностных лиц требовалось обеспечить выполнение аспектов крепостного права, включая трудовые повинности, призванные заменить дорогой наёмный труд, – и всё это в то время, когда сократившееся население облегчало сопротивление сервильным обязательствам⁷¹. Должностные лица и сама система несения службы подвергались нападкам со стороны других арендаторов: Питер Ларсон подробно описывает череду нападений на чиновников и отказов от службы на манорах епископа Даремского⁷². В такие тяжёлые времена система замещения должностей, по-видимому, становилась всё менее привлекательной для тех, кто её исполнял, тем более что мир после Чёрной смерти открывал для квалифицированных земледельцев возможности за пределами их домашнего манора⁷³.

Наконец, на третьем этапе, последствия череды эпидемий в пятнадцатом веке привели к реструктуризации манориальной экономики и, как следствие, к снижению значимости должностных обязанностей.

Устойчиво низкие цены на зерно и высокие затраты на рабочую силу спровоцировали сдвиг в сеньориальной политике от прямого управления к сдаче сельскохозяйственных земель в аренду. Это означало, что лорды стали стремиться к меньшему контролю над своими арендаторами через суды и должностных лиц.⁷⁴ Одновременно крепостное право пришло в упадок, а затем и вовсе исчезло по всей Англии, что означало, что манориальные суды более не были нужны для контроля над личной несвободой.⁷⁵ Эти изменения привели к точке зрения, согласно которой манориальные суды, а следовательно, и исполнение манориальных должностей, пришли к окончательному упадку к

⁷⁰ R. H. Britnell, ‘Feudal reaction after the Black Death in the palatinate of Durham’, *Past and Present* 128 (1990), pp. 1–2; P. V. Hargreaves, ‘Seigniorial reaction and peasant responses: Worcester priory and its peasants after the Black Death’, *Midland Hist.*, 24 (1999), pp. 53–5, 73–4.

⁷¹ Stone, *Decision-making*, pp. 221–4; C. C. Dyer, ‘The English medieval village community and its decline’, *J. British Studies*, 33 (1994), pp. 416–7, 427–8.

⁷² P. L. Larson, *Conflict and compromise in the late medieval countryside: lords and peasants in Durham, 1349–1400* (2006), pp. 136–8, 217–21.

⁷³ Stone, *Decision-making*, pp. 105, 168, 224; Harvey, *Oxfordshire village*, p. 73; D. Stone, ‘The reeve’, in S. H. Rigby (ed.) with the assistance of A. Minnis, *Historians on Chaucer: the ‘General Prologue’ to the Canterbury Tales* (2014), pp. 413–6.

⁷⁴ B. F. Harvey, *Westminster Abbey and its estates in the Middle Ages* (1977), pp. 148–51; J. L. Bolton, *The medieval English economy, 1150–1500* (1980), p. 214; C. C. Dyer, *An age of transition? Economy and society in England in the later middle ages* (2005), pp. 96–7.

⁷⁵ Larson, *Conflict and Compromise*, pp. 235–50; M. Bailey *The decline of serfdom in late medieval England: from bondage to freedom* (2014), pp. 326–9.

шестнадцатому веку. Особенno это было связано с возвышением прихода в качестве альтернативной структуры деревенского управления, начиная с пятнадцатого века.⁷⁶

Впечатление об отношении арендаторов к исполнению манориальных должностей, создаваемое этой традиционной схемой, во многом основывается на их роли в посредничестве между лордом и арендатором. Должностным лицам приходилось балансировать на тонкой грани между желаниями лорда и своих односельчан. В равной степени они могли в разных ситуациях объединяться с той или иной стороной для достижения собственных целей и использовать должность для улучшения своего положения, получая, возможно, определенную степень контроля над соседями-арендаторами.⁷⁷ С другой стороны, они могли стремиться облегчить бремя для своих собратьев, закрывая глаза на невыполнение трудовых повинностей или утаивая посмертные поборы (хериоты).⁷⁸

Данный подход учитывает изменчивость отношения к должности, предполагая, что исполнение обязанностей не всегда было исключительно системой подчинения арендаторов, но и не всегда использовалось ими исключительно для удовлетворения собственных нужд. Однако он строится на модели континуума, где на одном конце находятся желания лорда, а на другом – желания арендаторов. Исследования обычно рассматривают роль управляющих и бейлифов в сборе ренты, вступительных платежей и крепостных поборов, а также в организации работ на домениальных землях – действия, направленные на извлечение денег и труда арендаторов в пользу лорда. Именно воздерживаясь от таких форм извлечения выгоды, обычно путем сокрытия, должностные лица могли примкнуть к своим собратьям-арендаторам.⁷⁹

Хотя в конце XIII – начале XIV века официальные лица могли поддерживать этот баланс, их положение стало несостоительным после Черной смерти, так как они оказались в ловушке между лордами, осуществлявшими власть сверху, и общиной арендаторов, давившей снизу. В свою очередь, по мере того как лорды все чаще отказывались от прямого управления и контроля над своими несвободными арендаторами, само

⁷⁶ C. C. Dyer and R. W. Hoyle, ‘Britain, 1000–1750’, in B. J. P. van Bavel and R. W. Hoyle (eds), *Social relations: property and power* (2010), p. 67; Dyer, ‘Medieval village’, pp. 428–9; Beckerman, ‘Procedural Innovation’, p. 200.

⁷⁷ Harvey, Oxfordshire village, pp. 69–70; C. C. Dyer, ‘The political life of the fifteenth-century English village’, in L. Clark and C. Carpenter (eds), *Political culture in late medieval Britain* (2004), p. 141; Larson, *Conflict and compromise*, pp. 22–7, 58; M. Müller, ‘A divided class? Peasants and peasant communities in later medieval England’, in P. R. Coss and C. Wickham (eds), *Rodney Hilton’s middle ages: an exploration of historical themes* (2007), pp. 117–18.

⁷⁸ P. R. Schofield, *Peasants and community in medieval England, 1200–1500* (2003), pp. 42–4, 168; Evans, ‘Merton College’s control of its tenants’, p. 210; Briggs, ‘Monitoring demesne managers’, p. 180.

⁷⁹ Briggs, ‘Monitoring demesne managers’, pp. 179–80, 194; Dyer, *Age of transition*, p. 95; Schofield, *Peasant and community*, pp. 42–3.

исполнение должностей пришло в упадок вместе с ослаблением сеньориальной власти, что указывает на то, что должностные лица в основном служили сеньориальным интересам.

Эта статья предлагает иной подход к вопросу исполнения должностей. Он основан как на ревизионистском взгляде на отношения между лордом и арендаторами, так и на новых подходах к пониманию того, кто получал выгоду от манориальных структур. Для периода до демографического спада Джон Хэтчер и Дзюнити Кандзака утверждали, что ренты, зафиксированные обычаем, давали вилланским арендаторам (в отличие от свободных) преимущество в перенаселенную, «голодную» на землю допандемийную эпоху.⁸⁰ Аналогично, низкий уровень заработной платы побуждал лордов заменять трудовые повинности несвободных арендаторов денежными платежами, на которые можно было нанять более мотивированную наемную рабочую силу для обработки своих земель.⁸¹

Что касается периода после Черной смерти, то Марк Бейли обнаружил мало свидетельств «феодальной реакции». Любые попытки усилить сеньориальный контроль над арендаторами сдерживались неспособностью лордов заставить их вернуться в случае бегства с манора. Вместо этого лорды быстро отказались от аспектов личной несвободы, таких как брачные поборы, и преобразовали крепостные держания в новые формы наследственных владений и аренды.⁸²

Ряд историков также пересмотрели роль манориальных структур, выявив их пользу как для арендаторов, так и для осуществления сеньориальной власти. Они подчеркивают, что еще до чумы суды облегчали прижизненные сделки с землей (что позволяло арендаторам участвовать в динамичном земельном рынке) и посмертные передачи имущества (что позволяло им формировать наследственные стратегии).⁸³ Роль суда как

---

⁸⁰ J. Kanzaka, ‘Villein rents in thirteenth-century England: an analysis of the hundred rolls of 1279–80’, *EcHR* 55 (2002), p. 617; J. Hatcher, ‘English serfdom and villeinage: towards a reassessment’, *Past and Present* 90 (1981), pp. 7–14; J. Hatcher, ‘Lordship and villeinage before the Black Death: from Karl Marx to the Marxists and back again’, in M. Kowaleski, J. Langdon and P. R. Schofield (eds), *Peasants and lords in the medieval English economy: essays in honour of Bruce Campbell* (2015), pp. 131–40.

⁸¹ R. H. Britnell, *Britain and Ireland, 1050–1530: economy and society* (2004), pp. 235–6; B. M. S. Campbell, ‘The land’, in R. Horrox and W. M. Ormrod (eds), *A social history of England, 1200–1500* (2006), pp. 212–3.

⁸² M. Bailey, ‘The myth of “seigniorial reaction” in England after the Black Death’, in Kowaleski, Langdon and Schofield (eds), *Peasants and lords*, pp. 149–65; Bailey, *Decline of serfdom*, p. 337; P. R. Schofield, *Peasants and historians: debating the medieval English peasantry* (2016), pp. 104, 108.

⁸³ P. D. A. Harvey, ‘Introduction’, in P. D. A. Harvey (ed.), *The peasant land market in medieval England* (1984), pp. 24–5; J. Whittle, *The development of agrarian capitalism: land and labour in Norfolk, 1440–1580* (2000), pp. 85–177; L. Bonfield and L. R. Poos, ‘The development of deathbed transfers in medieval English manor courts’, in Razi and Smith (eds), *Medieval society and the manor court*, pp. 134–41.

площадки для разрешения межличностных споров позволяла арендаторам вступать в обеспеченные кредитные отношения.⁸⁴

Эта позиция получила дальнейшее развитие в исследованиях, посвященных манориальным судам раннего Нового времени. В них утверждается, что манориальные структуры играли важную роль в деревенской жизни даже после того, как в XV веке ослабло их использование в качестве инструмента сеньориального контроля. Это объяснялось их способностью регулировать жизнь сельских общин независимо от власти лорда. Марджори Макинтош подчеркивала роль манориальных судов в «контроле за недостойным поведением», показывая, как крестьяне с конца XIV века по собственной инициативе стали контролировать соседей через суды лэтов, предвосхищая общенациональные тенденции конца XVI века.⁸⁵ Другие исследования отмечают, что манориальные суды сохраняли важное значение для управления общинными землями как форум, на котором можно было принимать и обеспечивать соблюдение местных правил.⁸⁶

Броди Уодделл рассмотрел историю манориальных судов в долгосрочной перспективе, утверждая, что они сохраняли свою значимость вплоть до середины XIX века. Он подчеркивает, что это стало возможным благодаря гибкости судов, которые перешли от контроля за преступностью и нарушениями порядка к поддержанию инфраструктуры манора путем издания правил и распоряжений о ремонте изгородей и канав.⁸⁷

Как этот более позитивный взгляд на отношения между лордом и арендаторами, а также на долгосрочную полезность манориальных структур для арендаторов влияет на представленную выше модель, согласно которой исполнение манориальных должностей в основном определялось сеньориальными интересами? В данной статье утверждается, что необходимо рассмотреть, какие существуют свидетельства заинтересованности арендаторов в эффективно функционирующей системе должностных лиц.

Это ставит под сомнение представление об исполнении должностей как о сугубо или даже преимущественно сеньориальной обязанности. Вместо этого утверждается, что арендаторы, по крайней мере коллективно, имели позитивное «отношение» к манориальным должностям. Чтобы исследовать это, круг изучаемых должностных лиц расширяется за рамки, типичные для предыдущих исследований, и включает, наряду с управляющими доменом позициями вроде ривов (управляющих) и бидлов (приставов), также присяжных и главных поручителей (кэпитал пледжей). Таким образом, он

⁸⁴ C. D. Briggs, *Credit and village society in fourteenth-century England* (2009), pp. 12–18.

⁸⁵ M. K. McIntosh, *Controlling misbehavior in England, 1370–1600* (1998), pp. 1–20, 34–45.

⁸⁶ L. Shaw-Taylor, ‘The management of common land in the lowlands of southern England, c.1500–c.1850’, in P. Warde, L. Shaw-Taylor and M. de Moor (eds), *The management of common land in north west Europe, c.1500–1850* (2002), pp. 63–8; A. J. L. Winchester, *The harvest of the hills: rural life in northern England and the Scottish Borders, 1400–1700* (2000), pp. 33, 148–51.

⁸⁷ B. Waddell, ‘Governing England through the manor courts, 1550–1850’, *Historical J.*, 55 (2012), pp. 280, 301–7.

охватывает всех должностных лиц в этих манорах, которые избирались из числа арендаторов лорда. Так может быть достигнуто более целостное представление о системе манориальных должностей.

Временные рамки исследования также выходят за традиционные хронологические границы позднего средневековья, заканчиваясь 1600 годом. Это позволит увидеть, есть ли свидетельства вовлеченности арендаторов в исполнение должностей за пределами традиционного нарратива об упадке в XV веке, в соответствии с недавним интересом специалистов по раннему Новому времени к манориальным судам.

Для изучения отношения к должностям здесь используются записи, касающиеся манориальных должностных лиц, из сохранившихся судебных свитков (курроллов) трех маноров за период примерно с 1300 по 1600 год.⁸⁸ Это Литл-Даунхэм (Кембриджшир), Хорстед (Норфолк) и Уорфилд (Шропшир).

Записи делятся на три категории: те, в которых подробно описываются невыполнение обязанностей или незаконные действия должностных лиц; те, где описывается сопротивление должностных лиц лорду; и те, где фиксируются правонарушения, совершенные против должностных лиц.

Работа с такими качественными свидетельствами сопряжена с трудностями. Все записи отражают отклонение от «нормального» стандарта поведения и, следовательно, представляют собой исключительные, а не типичные свидетельства, которые сложно оценить. Эта проблема частично смягчается методом сбора данных. Вместо выборочного подбора примеров из множества маноров были выбраны три манора для детального изучения, и затем были просмотрены все сохранившиеся по ним свитки. Это означает, что отобранные инциденты представляют собой известную выборку из всех сохранившихся записей по этим манорам.

Более серьезная сложность заключается в лаконичном характере судебных свитков, которые содержат краткие латинские резюме сложных событий, происходивших как во время, так и вне судебных заседаний. Следовательно, эти примеры могут давать лишь моментальные снимки «реальных» событий, а мотивы почти всегда приходится предполагать, а не вычитывать напрямую.

Все три манора проводили суды лэтов, но имели разные наборы должностных лиц. В Даунхэме, принадлежавшем епископу Или, были рив (управляющий), мессор (смотритель урожая), главные поручители (кэпитал пледжи), присяжные и констебль. Однако в период с 1444 по 1471 год рив и мессор были заменены наемным бейлифом (управляющим). В Уорфилде, принадлежавшем лордам Абергавенни, были рив, бидл (пристав), присяжные

---

⁸⁸ Unfortunately, none of these court roll series are entirely complete. Downham's court rolls survive between 1310 and 1582 with gaps of more than three years for 1317–22, 1336–61, 1475–83 and 1509–51. Horstead's rolls survive for 1392–1599 with gaps of more than three years for 1494–1510 and 1562–5. Worfield's rolls survive 1327–1600, but with gaps of more than three years 1467–71 and 1542–7 as well as very patchy survival pre-Black Death.

суда лэта, общие присяжные и констебль. В Хорстеде, принадлежавшем короне, а затем Кингс-колледжу в Кембридже, были главные поручители, присяжные и констебль, при этом интересы лордов представлял наемный бейлиф.

За исключением бейлифов, все эти должностные лица выбирались из числа арендаторов лорда, как правило, выдвигаясь общиной. Хотя объем статьи не позволяет подробно сравнивать, как эти различные конфигурации систем должностей могли влиять на отношение к ним, само это разнообразие показывает, что приводимые здесь аргументы применимы не к какому-то одному типу манора.

Исследуются три аспекта отношения к должностям. Во-первых, утверждается, что сообщения арендаторов и других должностных лиц о коррупции показывают: арендаторы хотели, чтобы по крайней мере некоторые аспекты работы должностных лиц выполнялись правильно, и эти ожидания часто совпадали с желаниями лорда. Во-вторых, демонстрируется, как система, в которой арендаторы сами становились должностными лицами, позволяла им защищаться от определенных аспектов сеньориального управления – что было бы гораздо труднее, если бы они не играли активной роли в управлении манором. В-третьих, смещается перспектива за счет изучения правонарушений, совершаемых соседями-арендаторами против должностных лиц, и способов наказания за них. Это дополнительно раскрывает заинтересованность по крайней мере части арендаторов в эффективно функционирующей системе исполнения должностей, показывая, как они препятствовали протестам против власти должностных лиц.

I

Свидетельства средневековых поместных уставов показывают, что лорды были обеспокоены убытками, вызванными незаконным поведением на занимаемых должностях, и стремились свести их к минимуму.⁸⁹ Однако, контроль за коррупцией был непростой задачей для любого лорда и особенно сложной для тех, кто не проживал в своих поместьях. Хотя аудированные отчеты и надзор со стороны управляющего обеспечивали определенную форму контроля, лорды также полагались на обвинения, исходящие от всего сообщества арендаторов. Эти обвинения поступали в форме заявлений, сделанных поместными присяжными или в ходе более общих расследований, проводимых в отношении всех присяжных в ответ на обвинения, выдвинутые управляющим.⁹⁰ Однако здесь ключевым является вопрос мотивации. Если незаконная прибыль затрагивала только лорда, почему бы арендаторам вообще сообщать о ней? Отчасти это, должно быть, было связано со страхом быть наказанными за утайку, если впоследствии стюарду станет известно об их осведомленности о коррупции.⁹¹ Как показано ниже, должностные лица и

⁸⁹ D. Oschinsky (ed.), *Walter of Henley and other treatises on estate management and accounting* (1971), pp. 274–81 [c.35–49], 317 [c.33–5].

⁹⁰ Harvey, *Oxfordshire village*, p. 66, n. 1; Briggs, ‘Monitoring demesne managers’, pp. 184–5.

⁹¹ Evans, ‘Whose was the manorial court?’, p. 164.

арендаторы в исследуемых манорах привлекались к ответственности за сокрытие информации, хотя ни один из этих случаев не был напрямую связан со служебной коррупцией.

Другим важным аспектом принуждения было то, что должностные лица могли нести ответственность за ошибки и коррупцию в отчетах друг друга, что создавало стимул для их разоблачения. Это касалось как лиц, последовательно занимавших одну и ту же должность, так и чиновников, работавших в tandemе.

Пример первого случая наблюдается на сессии в Уорфилде около 1393 года.⁹²³⁴ Присяжные сделали серию представлений относительно Томаса де Ругга, бывшего рива (управляющего), закончившего службу в 1392 году.⁹³ В них утверждалось, что Ругг не передал доход от продажи двух лошадей и 26 шиллингов 6 пенсов, конфискованных у преступника, не уплатил 46 шиллингов 8 пенсов арендной платы за мельницу и предоставил лишь часть стоимости хериота (посмертного побора) и бесхозного скота. Тот факт, что Руггу пришлось лишь восполнить недостающую сумму в отчете без какого-либо дополнительного наказания, позволяет предположить, что это была не откровенная коррупция, а скорее неполное предоставление отчета за год. Однако более интригующим является то, что эти обвинения были выдвинуты именно потому, что Томас числился в отчете Роджера Брука, его преемника на посту рива. Это можно рассматривать как свидетельство необходимости для Брука отслеживать действия Ругга на должности, чтобы избежать ответственности за любую прибыль, которую его предшественник не передал.⁹⁴

Иерархия ответственности также стимулировала должностных лиц следить за поведением своих коллег.⁹⁵ В 1416 году Уильям Гербод пожаловался, что тремя годами ранее, когда он был ривом (управляющим), Генри Баркер служил под его началом бидлом (приставом), «чтобы взимать и собирать ренту, штрафы, денежные начеты и повинности, как было принято». Однако, хотя Уильям «неоднократно требовал от упомянутого Генри отчитаться перед ним», тот «всегда отказывался это делать», что делало Уильяма ответственным за деньги, которые должен был Генри. Генри явился защищаться, и суд постановил, что оба мужчины должны отчитаться перед двумя аудиторами, назначенными стюардом.⁹⁶ Хотя исход этого дела не указан, оно показывает, как система отчетности лорда возлагала на старших должностных лиц ответственность за поведение подчиненных, и что разногласия могли

---

⁹² Shropshire Archives (hereafter SA), P314/W/1/1/212, c.1393.

⁹³ SA, P314/W/1/1/184, 2 Dec. 1392.

⁹⁴ Harvey notes the common practice of charging reeves with the debts of their predecessors: Harvey, Oxfordshire village, p. 67, n. 8.

⁹⁵ Briggs notes the overall responsibility of demesne managers for their subordinates: Briggs, 'Monitoring demesne managers', p. 183.

⁹⁶ SA, P314/W/1/1/244, 14 May 1416.

фактически побудить первых добиваться большего сенюриального надзора за своей работой.⁹⁷

Менее явный случай произошел в 1412 году в Даунхэме, где мессор (смотритель урожая) был оштрафован на 40 пенсов за отказ засеять господские поля по требованию рива, из-за чего последнему пришлось использовать наемный труд. Вероятно, в данном случае присяжные представили дело, чтобы уберечь рива от наказания за провал его подчиненного.⁹⁸

Помимо этого давления на чиновников с целью сообщать о проступках, можно найти намеки на то, что присяжные и более широкий круг держателей представляли незаконные доходы должностных лиц как форму контроля над отдельными управляющими. Как продемонстрировал Крис Бриггс, контрольная роль арендаторов была далека от нейтральности, и они могли выбирать, выдвигать ли обвинения против чиновников, которые им не нравились.⁹⁹

В подробном обвинительном заключении 1316 года жюри присяжных Даунхема изложило ряд незаконных доходов, полученных Уильямом Персонном в качестве управляющего, на общую сумму 25 шиллингов 10 пенсов, что представляло собой ущерб для лорда.¹⁰⁰ В основном они касались использования господских ресурсов в личных целях, включая использование господских рабочих лошадей, телеги и батраков для перевозки его собственного урожая и камыша, выпас его скота на землях лорда и забор господского леса. Обвинения присяжных распространились даже на невыполнение обязанностей: они заявили, что «господская упряжка простоявала три недели подряд летом и осенью». Однако стюард заявил, что это было связано с работами для кухни епископа и не нанесло ущерба лорду.

Точно установить, почему присяжные решили представить столь исчерпывающий список злоупотреблений Персонна, невозможно. Однако интригующую возможность дает другое представление в том же списке, где утверждается, что Персонн совершил прелюбодеяние с женой Роберта Мориса. Было ли это нарушение моральной нормы причиной представления? Один из случаев, выявленных Бриггсом в соседнем Лэндбиче, касался Джона Фрера, отправлявшего торфяные дернины своей «сожительнице». Ситуация поразительно похожа, хотя, поскольку Фрер был наемным работником со стороны, приписывать ему «моральное» объяснение менее убедительно.¹⁰¹ Более того, жена Мориса отдельно упоминалась в более позднем представлении, где говорилось, что Персонн позволил ее слугам собирать хвост в манориальных болотах. Таким образом, возможно, гнев более

---

⁹⁷ Dyer notes the joint accounting practices of beadle with reeves on manors of the Bishop of Worcester: Dyer, *Lords and peasants*, p. 114.

⁹⁸ Cambridge University Library, Ely Diocesan Records (hereafter CUL, EDR), C11/2/4, m. 30, 28 Dec. 1412.

⁹⁹ Briggs, ‘Monitoring demesne managers’, pp. 190, 194–5.

¹⁰⁰ CUL, EDR, C11/1/1, m. 6, 27 Feb. 1316

¹⁰¹ Briggs, ‘Monitoring demesne managers’, p. 18.

широкого круга должностных лиц вызвало не столько то, что Персонн сам получал незаконные доходы, сколько то, что он позволял своей «сожительнице» извлекать из них выгоду. Этот аргумент потенциально может быть распространен и на случай Фрера.

Однако помимо случаев представления сведений о незаконных доходах как косвенного наказания за другие проступки, важным стимулом для должностных лиц, да и для арендаторов в целом, следить за поведением управляющих было то, что недобросовестное выполнение обязанностей могло негативно сказаться на самих арендаторах. В условиях, когда сеньориальные и крестьянские земли были перемешаны, плохое управление первыми могло нанести ущерб последним.¹⁰² В Даунхэме ривов привлекали к ответственности за плохое управление господским скотом, которое приводило к потравам крестьянских посевов, а также за невыполнение работ по очистке канав и содержанию водотоков, что вызывало затопление общих дорог.¹⁰³

Подобное дело Томаса Дженкинса показывает, как озабоченность коррупцией могла затрагивать и лорда, и арендаторов, побуждая присяжных сообщать о злоупотреблениях должностных лиц. Дженкинс служил ривом в 1402–1404 годах, но вопросы о его поведении возникли в следующем году. В июле 1405 года присяжные заявили, что Дженкинс должен отчитаться за 2 шиллинга, полученные от продажи выморочных свиней, хотя в этой записи нет указаний на нечестность. Что более важно, на той же сессии мужчины, выступавшие поручителями (мейнпернорами) арендатора господской мельницы, оплатили расследование в отношении Дженкинса. Они понесли «значительный ущерб» из-за того, что этот арендатор неожиданно бежал из района, и спрашивали, «не помогал ли [Дженкинс] каким-либо образом ... и не давал ли советов для организации бегства» арендатора. Расследование дало отрицательный вердикт, так как они «не смогли установить, что [Томас] знал о бегстве ... арендатора или был советчиком той же стороны».¹⁰⁴

На следующем заседании было проведено расследование для изучения действий Дженкинса по управлению «различными хериотами (посмертными поборами), выморочным имуществом и бесхозным скотом ... оцененными [присяжными]». Эти средства поступили к риву «во время мора ... как записано в судебных свитках», но в его отчете лорду была указана прибыль лишь в 3 шиллинга 1 пенс.¹⁰⁵ Подозрения в хищении подтвердились на последующих судебных заседаниях, которые также описали другие формы систематического мошенничества, совершенные Дженкинсом.¹⁰⁶ Они касались сделок с землей.

---

¹⁰² Evans, ‘Whose was the manor court?’, p. 161.

¹⁰³ CUL, EDR, C11/1/1, m. 7, 13 Dec. 1324; C11/1/3, m. 4, 28 Nov. 1379; C11/2/5, m. 17, 26 Jan. 1422.

¹⁰⁴ SA, P314/W/1/1/233, 1 July 1405.

¹⁰⁵ SA, P314/W/1/1/233, 28 July 1405.

¹⁰⁶ SA, P314/W/1/1/234, 10 Mar. 1406, 27 Sept. 1406.

Пока Дженкинс был «хранителем … судебных свитков под печатью … клерка лорда», он «мошенническим и обманным путем, без ведома стюарда [и клерка], снял печать и, чтобы обогатиться … изъял свиток суда, состоявшегося … 11 октября [1402 года], после … проверки отчета». Затем он внес запись о прижизненной передаче земли со штрафом в 3 шиллинга, «хотя … стюард и клерк … абсолютно ничего не знали [об этой передаче]» и «ничего из упомянутого штрафа не было передано лорду». Дженкинс совершил то же мошенничество с другой земельной сделкой, а также с денежным начетом, наложенным за поднятую против него как рива «погоню с криком» (*hue and sgu*).

Суть мошенничества заключалась в том, что Дженкинс, используя свою роль рива в Уорфилде (в присутствии которого должны были совершаться все действительные внесудебные сделки с землей, кроме случаев предсмертных распоряжений арендатора), принимал законные сделки и платежи штрафов.¹⁰⁷ Затем он скрывал эти сделки от следующего судебного заседания и из своего отчета, после чего возвращался к свитку предыдущей сессии и добавлял запись о передаче, чтобы скрыть мошенничество, оставляя штраф себе.

Это дело демонстрирует, как недобросовестный чиновник мог создавать проблемы как для лорда, так и для арендаторов. Очевидно, что коррупция, связанная с недоплатой сеньориальных сборов, таких как выморочное имущество, хериоты и бесхозный скот, была в основном проблемой для лорда. Однако присвоение штрафов за земельные сделки путем фальсификации записей затрагивало интересы и лорда, и тех, кто совершал передачу: первый был обманут финансово, а вторая сторона не получала официальной регистрации сделки, что делало ее недействительной. Маловероятно, что участвовавшие в сделке арендаторы были соучастниками обмана, поскольку у них не было очевидной причины желать, чтобы штраф достался Дженкинсу, а не лорду. Более раннее беспокойство по поводу мельника, даже если оно оказалось необоснованным, раскрывает схожее явление. В то время как уход мельника по указанию рива создавал проблемы и для лорда, и для деревни, оставшейся без его услуг, система экономических связей, представленная поручителями (которые, предположительно, согласились ручаться за мельника за плату или другую материальную выгоду), показывает, как интересы лорда и арендаторов в отношении должностных преступков снова могли пересекаться.

Помимо прямых интересов лорда, должностных лиц часто наказывали за невыполнение обязанностей, а не за чрезмерное усердие в отказе помогать арендаторам в разрешении межличностных споров, что показывает, как арендаторы и общины использовали систему должностных лиц.

Примерно в 1400 году в Уорфилде и Даунхэме ривов, бидлов и мессоров штрафовали (налагали amercimenti) за то, что они не обеспечивали явку или не налагали арест на имущество арендаторов, чтобы заставить их отвечать по гражданским искам. Это демонстрирует, насколько арендаторы зависели от

¹⁰⁷ A statement of the reeve's role in legitimating intervivos transfers is seen in an inquiry of 1404: SA, P314/W/1/1/232, 6 Apr. 1404.

эффективных чиновников для поддержания работающей местной правовой системы.¹⁰⁸ В 1418 году на бидла Уорфилда был наложен штраф в 40 пенсов под угрозой взыскания за неисполнение обязанности по сбору денег, присужденных по нескольким межличностным жалобам.¹⁰⁹

Иногда отдельные лица даже подавали межличностные иски против должностных лиц за невыполнение обязанностей. В 1324 году Климент Пивовар пожаловался, что Джон ле Эйр, «который был публично избран мессором с согласия всей общины Даунхэма для охраны урожая в полях», допустил, чтобы скот нескольких арендаторов потравил половину акра его гороха, нанеся ущерб в 40 пенсов. Дело закончилось тем, что сторонам разрешили договориться, а Джон заплатил штраф.¹¹⁰

Аналогичная попытка была предпринята в Уорфилде в 1353 году, когда Томас Эч подал иск о правонарушении (*trespass*) против Уильяма Буллока, утверждая, что когда последний был ривом, он не взыскал 10 шиллингов, которые Уильям де Эвик был должен Томасу и которые тот взыскал в суде в присутствии стюарда. Томас требовал 2 шиллинга ущерба за эту неисправность. Ответ Буллока заключался в том, что из-за «разорения» Эвика (предположительно, обнищания) он проявил снисхождение и уже отчитался по этому вопросу ранее. Этот ответ привел к тому, что Томас был оштрафован.¹¹¹

Помимо необходимости в эффективных должностных лицах для удовлетворения потребностей отдельных истцов и участников земельных сделок, от чиновников требовалось соответствовать стандартам поведения, чтобы они могли регулировать жизнь сельской общины и обеспечивать соблюдение правил, касающихся общинных земель и деревенской инфраструктуры. Это особенно очевидно на примере присяжных.

Во всех трех манорах были случаи привлечения к ответственности за невыполнение обязанностей, связанных с этой должностью. Томас Ругге был оштрафован на 2 шиллинга в 1396 году в Уорфилде «за проявление неуважения к суду и сокрытие одного представления» в качестве присяжного – сумма значительно больше, чем 8 пенсов, которые пришлось заплатить Томасу Дженкинсу за совет совершил это действие.¹¹²

Помимо предотвращения простой коррупции, ключевой целью было сохранить в тайне как обсуждения присяжных, так и разногласия между должностными лицами, предположительно, чтобы не подрывать репутацию коллегии присяжных и авторитет их решений. В 1411 году Джон Вейсе, «после того как был приведен к присяге в качестве присяжного … получил указание

¹⁰⁸ SA, P314/W/1/1/190, 1 Dec. 1394; P314/W/1/1/191, 27 Jan. 1395; P314/W/1/1/192, 20 Feb. 1395; P314/W/1/1/195, 23 Oct. 1395; P314/W/1/1/234, 27 Sept. 1406; P314/W/1/1/240, 9 Feb. 1412; P314/W/1/1/240, 1 Mar. 1412; P314/W/1/1/243, 10 Dec. 1414; CUL, EDR, C11/1/3, m. 6, 25 Sept. 1380.

¹⁰⁹ SA, P314/W/1/1/249, 13 June 1418

¹¹⁰ CUL, EDR, C11/1/1, m. 8, 28 Jan. 1326.

¹¹¹ SA, P314/W/1/1/34, 5 Aug. 1353.

¹¹² SA, P314/W/1/1/199, 6 Sept. 1396.

хранить в тайне их обсуждения … но раскрыл эти обсуждения открыто». Затем Вейсе заявил, что все присяжные лжецы, и был оштрафован на 6 пенсов.¹¹³ Аналогично, в 1455 году Джон Баксхем был оштрафован на 3 пенса не только за то, что отдался от своих коллег-присяжных и отказался выносить вердикт, но и за разглашение обсуждений других присяжных.¹¹⁴ В Хорстеде в 1429 году Джон Рив, главный поручитель, был оштрафован на 3 шиллинга 4 пенса за то, что «открыто, в полном суде, оспаривал решение своих товарищей на последнем суде лэта, проявляя неуважение к суду и подавая злонамеренный пример другим».¹¹⁵

Внимательное изучение типов служебных нарушений, зафиксированных в судебных протоколах, показывает, что принудительные системы, созданные лордами для стимулирования доносов, были лишь частью причин, по которой по которым такие доносы были сделаны. Сообщества арендаторов в значительной степени зависели от эффективных должностных лиц, которые не обогащались способами, подрывающими безопасность земельных сделок, и были добросовестны в исполнении решений по межличностным искам. Присяжные, сохранявшие авторитет своей должности, были жизненно важны для того, чтобы этот орган использовался для управления общиной в общественных целях, особенно потому, что их представления служили для контроля за действиями всех других помещичьих должностных лиц.

II

Помимо выполнения функций, полезных для общины, что приводило к заинтересованности в контроле за их работой, должностные лица также могли играть важную роль в защите арендаторов от некоторых аспектов сеньориального управления. Сопротивление иногда было незаконным и выражалось в сокрытии присяжными представлений, касающихся сеньориальных прав. Например, в Хорстеде в 1439 году и в Уорфилде в 1485 году присяжные не сообщили о браках несвободных женщин без разрешения, хотя обычно представляли сведения о платежах за разрешение на брак (мерчет).¹¹⁶ Вероятно, это лишь верхушка айсберга успешно скрытых брачных штрафов, что позволяет предположить наличие у присяжных определенной свободы усмотрения при представлении сведений о крепостных повинностях. В Даунхэме в 1332 и 1404 годах мессор также скрывал представления, хотя причина неясна.¹¹⁷

В 1408 году присяжные Колтишолла (отдельного феода, входившего в состав манора Хорстед) «скрыли и отказались сообщить», что Уильям Од нанес ущерб пастбищам и тростниковым зарослям лорда возле мельницы Хорстеда, и что двое мужчин украли рыбу из сетей мельника Хорстеда; за это

¹¹³ CUL, EDR, C11/2/4, m. 29, 14 Dec. 1411.

¹¹⁴ CUL, EDR, C11/2/6, m. 50, 20 June 1455.

¹¹⁵ King's College Archives (hereafter KCA), HOR/37, 25 Aug. 1429.

¹¹⁶ KCA, HOR/37, 11 June 1439; SA, P314/W/1/1/459, 10 Oct. 1485.

¹¹⁷ CUL, EDR, C11/1/2, m. 7, 2 Dec. 1332; C11/2/4, m. 12, 23 Sept. 1404.

присяжные были коллективно оштрафованы на 26 шиллингов 8 пенсов.¹¹⁸ Причины этого сокрытия явно не указаны, но, возможно, были связаны с напряженностью в отношениях с мельником, поскольку все держатели Колтишолла были оштрафованы в 1402 году за отказ назвать жителей Колтишолла, повредивших мельницу.¹¹⁹

Другие формы сопротивления были более активными, чем сокрытие. Интригующий пример можно видеть в Даунхэме в 1571 году в приказе о конфискации земель Томаса Оверинга, бывшего рива. Это действие было обосновано как неуплатой Томасом ренты, так и небрежным исполнением должностных обязанностей – стандартными причинами для конфискации. Однако третьей причиной стало то, что Томас «заявил в открытом суде, что лорд не собирается засчитывать в его отчете арендаторам манора их транспортные повинности, нанося тем самым лорду большое оскорбление и подавая дурной пример другим».¹²⁰ Невозможно узнать, была ли какая-либо правда в утверждении Томаса о том, что лорд не собирался регистрировать платежи, произведенные вместо оплаты труда. Безусловно, в сохранившихся реестрах нет никаких указаний на недовольство по поводу трудовых услуг, которые, по всей видимости, до сих пор не были оплачены наличными или фактически трудовыми средствами в Даунхеме. Однако эта вспышка действительно раскрывает потенциальную роль, которую ривы могли играть благодаря своей работе по управлению имением лорда и составлению отчетов: обеспечивать обычное обращение с арендаторами со стороны сеньориальной администрации и сообщать о замеченных злоупотреблениях. Томас, судя по всему, не пострадал от своего протеста в долгосрочной перспективе, продолжая фигурировать в качестве присяжного вплоть до 1578 года.¹²¹

Вариацию на эту тему можно наблюдать в Уорфилде, когда в 1528 году присяжные заявили, что Уильям Гулдон и Уильям Брадени, будучи ривами (примерно в 1470 году и 1500–1501 годах соответственно), «отремонтировали ... мост возле мельницы ... за счет средств и расходов лорда», и эти расходы были им разрешены при проверке их отчетов.¹²² Контекст этого представления неясен, его результат, по-видимому, был направлен на то, чтобы расходы по ремонту моста легли на лорда, а не на арендаторов – аргумент, который арендаторы могли привести, опираясь на знания, приобретенные ими в результате коллективного участия в управлении поместьем в качестве управляющих. Хотя Гулдон к 1528 году почти наверняка уже умер, Брадени был еще жив и присутствовал в коллегии присяжных суда лэта (если не в

---

¹¹⁸ KCA, HOR/36, 11 June 1408.

¹¹⁹ KCA, HOR/31, 11 June 1402.

¹²⁰ CUL, EDR, C11/3/11, 9 Mar. 1571.

¹²¹ CUL, EDR, C11/3/11, 12 Mar. 1578.

¹²² SA, P314/W/1/1/630, 3 Dec. 1528; P314/W/1/1/499, 10 Aug. 1500. Unfortunately, William Gyldon is described in the entry as having served 25 years before Bradeney and thus sometime in the gap in the rolls between 1466 and 1472.

коллегии, сделавшей представление) на суде лэта 1528 года.¹²³ Способность бывших должностных лиц передавать знания, приобретенные на службе, могла в будущем стать способом сопротивления сеньориальным поборам.

Присяжные также могли играть роль в обеспечении того, чтобы лорд и его высшие должностные лица соответствовали ожиданиям. Жан Биррелл недавно подчеркнула, что копиголды (записи обычного права) были важным инструментом, используемым арендаторами для ограничения требований своих лордов. Это определенно можно утверждать в отношении копиголда Уорфилда 1403 года, который был фактически выкуплен арендаторами коллективно за платеж в размере 66 фунтов 13 шиллингов 4 пенса за «доброе покровительство» Уильяма Бичемпа.¹²⁴ Этот копиголд закрепил обязанность арендаторов пользоваться господской мельницей (*mill suit*), но ясно указал, что это действует «при условии, что меры на наших ... мельницах являются законными и утвержденными ... в соответствии с тем, что необходимо ... брать, и мельник, который окажется виновным в каком-либо ... отступлении от честного ведения дел, будет наказан».¹²⁵

Манориальные присяжные взяли на себя ведущую роль в защите этих прав, привлекая мельников к ответственности как за несправедливый помол, так и за ненадлежащее содержание мельницы в исправности – последнее, предположительно, было связано как с опасениями об их ответственности за ремонтные работы, так и с необходимостью молоть свое зерно.¹²⁶ Эти представления могли быть весьма обширными.

Помимо откровенного жульничества с мерами, мельников также привлекали к ответу в 1409 и 1518 годах за содержание скота на мельнице, который поедал зерно арендаторов.¹²⁷

Аналогичную практику можно наблюдать в Хорстеде и, в меньшей степени, в Даунхэме на протяжении большей части XV века, где лорда и его бейлифа регулярно привлекали к ответственности за ненадлежащее содержание инфраструктуры, находившейся в руках лорда, или за невыполнение работ на общем водотоке.¹²⁸

---

¹²³ SA, P314/W/1/1/630, 3 Dec. 1528

¹²⁴ J. Birrell, ‘Manorial custumals reconsidered’, *Past and Present* 224 (2014), pp. 33–7; SA, P314/W/1/1/226, 25 Apr. 1403.

¹²⁵ SA, 5586/2/1/42.

¹²⁶ That customary tenants were required to repair the mill is seen in several court-roll entries ordering them to do so: SA, P314/W/1/1/371, 14 June 1475; P314/W/1/1/386, 30 May 1477; P314/W/1/1/418, 3 Apr. 1481; P314/W/1/1/560, 17 Apr. 1521; P314/W/1/1/572, 10 Aug. 1523; P314/W/1/1/506, 27 Jan. 1512; P314/W/1/1/648, 18 June 1534; P314/W/1/1/649, 29 July 1535; P314/W/1/1/773, 2 Nov. 1570.

¹²⁷ SA, P314/W/1/1/37, 21 May 1355; P314/W/1/1/200, 28 Oct. 1396; P314/W/1/1/238, 29 Oct. 1409; P314/W/1/1/544, 31 May 1518.

¹²⁸ KCA, HOR/33, 11 June 1410; 11 June 1412; HOR/34, 11 June 1413; 11 June 1414; 11 June 1415; 11 June 1420; 11 June 1421; HOR/37, 11 June 1423; 14 Sept. 1424; 11 June 1427; 11 June 1428; 11 June 1429; 11 June 1430; HOR/34, 11 June 1433; HOR/37, 11 June 1436; 11 June 1437; 11 June 1438; 11 June 1439; HOR/36, 11 June 1444; HOR/37, 18 June 1446; 25 July 1450; 11

Еще один необычный случай произошел в Даунхэме – это серия представлений, касающихся кроликов из господского заповедника (warren). В 1431 году присяжные заявили, что «кролики лорда продолжают наносить ущерб посевам арендаторов … [они] ежегодно уничтожают весь собранный урожай в пределах одного фурлонга вокруг деревни», тем самым обращая внимание на сеньориальную деятельность, наносящую ущерб общине арендаторов. Еще более примечательно, что они также сказали, «что если быстро … не будет найдено средство, они желают отказаться от своих земель, лежащих там, в пользу лорда».¹²⁹ В период, когда арендаторов не хватало, не кажется необоснованным предположить в этом заявлении скрытую угрозу. Жалоба была повторена на следующем заседании, причем было отмечено, что кролики уничтожали зерно «в течение нескольких прошедших лет», и поэтому арендаторы «не могут … обрабатывать свои земли … держания от лорда».¹³⁰ В примечании на полях указано, что это следует обсудить с лордом, и, поскольку представление больше не появляется, эта политика привлечения внимания к проблеме управления сеньорией и, возможно, подразумевающая некоторое давление, могла оказаться успешной.

Таким образом, присяжные использовали свое положение как представляющих интересы должностных лиц, чтобы акцентировать внимание на сеньориальной практике, наносящей ущерб их общине. Они также могли использовать свою ключевую функцию в администрировании манориального суда, чтобы оказывать давление на лорда с целью решения проблем арендаторов. Это видно в 1513 году, когда главные поручители в Хорстеде отказались «выносить свой вердикт до тех пор, пока лорд не представит соглашения между ним и жителями, держащими земли от лорда».¹³¹ Хотя невозможно узнать исход этого протеста или даже о чем были эти «соглашения», пометка на полях отсылает вопрос на рассмотрение совета лорда. На следующем заседании суда лэта главные поручители сделали представления, что говорит об относительно быстром разрешении ситуации.¹³²

Коллегия присяжных в Даунхэме, по причинам, которые, к сожалению, не указаны, также отказалась выносить вердикт в 1380 году и за это была подвергнута штрафу под угрозой наказания, хотя тот факт, что они впоследствии согласились сделать представления, говорит о менее успешном протесте.¹³³

Участие арендаторов через исполнение должностей в управленческой структуре манора давало им путь к смягчению сеньориальных поборов и осуществлению протестов против сеньориальной политики, которую они

June 1452; 31 July 1458; HOR/39, m. 6, 11 June 1463; m. 32, 3 Aug. 1475; CUL, EDR, C11/2/6, m. 19, 20 Mar. 1431; C11/2/6, m. 29, 4 Dec. 1439; C11/3/7, m. 20, 13 May 1472.

¹²⁹ CUL, EDR, C11/2/6, m. 19, 20 Mar. 1431.

¹³⁰ CUL, EDR, C11/2/6, m. 20, 20 Sept. 1431.

¹³¹ KCA, HOR/45, m. 5, 11 June 1513.

¹³² KCA, HOR/45, m. 7, 4 May 1514.

¹³³ CUL, EDR, C11/1/3, m. 6, 3 Aug. 1380.

считали несправедливой. Сокрытие, словесные протесты, представления и даже умеренные «забастовки» позволяли арендаторам, или по крайней мере тем, кто занимал должности, смягчать последствия сеньориальных действий для местного сообщества.

III

До сих пор мы в основном концентрировались на отношении к исполнению должностей в связи с лордом, обнаружив, что система должностей не была чисто сеньориальным навязыванием и служила для арендаторов важнейшим целям, удовлетворяя ключевые потребности в управлении и предоставляя способ смягчать и оспаривать сеньориальную политику. Однако в этом аргументе есть хронологический аспект.

Большинство приведенных выше примеров относятся к периоду до 1475 года, что позволяет предположить, что для более позднего периода этот аргумент может быть не столь убедительным. С одной стороны, это проблема, присущая работе с качественными свидетельствами: как правило, более ранние свитки содержат больше подробностей о типах правонарушений, совершенных должностными лицами, что позволяет детально анализировать мотивы, в то время как более поздние записи носят более суммарный характер. Например, в Даунхэме на рубеже XVI века должностных лиц привлекали к ответственности, если они «не исполняли [свои] обязанности», причем характер этого неисполнения не объяснялся.¹³⁴

Помимо этой оговорки, в основном хронология XIV–XV веков, вероятно, действительно отражает реальные изменения. По мере того как лорды все больше отходили от прямого земледелия к сдаче земли в аренду, попросту сокращались возможности для коррупции и плохого управления со стороны должностных лиц, которые могли бы негативно повлиять на других чиновников, лордов и арендаторов, или для возникновения напряженности между лордом и арендаторами, в которой исполнение должностей могло бы использоваться для сопротивления.¹³⁵ Аналогично, обычно считается, что межличностные тяжбы в манориальном контексте пошли на убыль с середины XV века, и с этого времени доминирующей процедурой стало представление обвинений (presentment).¹³⁶ Это устранило бы тот аспект ролей должностных лиц, в бесперебойном выполнении которого были заинтересованы арендаторы как тяжущиеся стороны. Таким образом, можно утверждать, что арендаторы были заинтересованы в эффективной системе исполнения должностей, но их вовлеченность снизилась в соответствии с ослаблением сеньориальной власти и сокращением межличностного правосудия через манориальный суд.

---

¹³⁴ CUL, EDR, C11/3/10, m. 9, 14 Sept. 1494; C11/3/10, m. 13, 23 Aug. 1498; C11/3/10, m. 17, 1 Jan. 1501; C11/3/10, m. 24, 20 Sept. 1508.

¹³⁵ B. F. Harvey, *Westminster Abbey and its estates in the middle ages* (1977), pp. 148–51; M. Bailey, ‘Rural society’, in R. Horrox (ed.), *Fifteenth-century attitudes: perceptions of society in late medieval England* (1994), pp. 152–4.

¹³⁶ C. D. Briggs, ‘Seigniorial control of villagers’ litigation beyond the manor in later medieval England’, *Hist. Research* 81 (2008), p. 421; Beckerman, ‘Procedural innovation’, pp. 243–5.

Однако до сих пор мало внимания уделялось тому, как к должностным лицам относились их собратья-арендаторы, или тому, как сами должностные лица поддерживали свой авторитет перед лицом внешнего сопротивления. Эти аспекты их ролей, вероятно, были менее подвержены влиянию изменчивой природы сеньориальных доходов с маноров или их использования для гражданских тяжб.

Свитки пестрят сообщениями о сопротивлении должностным лицам при исполнении ими обязанностей или оспаривании их решений, что позволяет проанализировать отношение к должностям со стороны тех, кем управляли, но кто в данный момент не занимал должностей. Очевидно, эти случаи проблематичны, поскольку могут представлять лишь часть случаев сопротивления. Другие формы могли быть скрытыми и потому не раскрыты; сочтены оправданными и потому не доложены; или же нарушитель мог активно или пассивно принудить должностных лиц не наказывать их. Тем не менее, даже эти частичные свидетельства, по крайней мере, позволяют мельком увидеть, как арендаторы в более широком смысле воспринимали исполнение должностей, и как должностные лица реагировали на вызовы своему авторитету.

В таблице 1 обобщено количество «актов сопротивления» против ривов (управляющих), мессоров (смотрителей урожая), бидлов (приставов) и констеблей за десятилетие для Уорфилда и Даунхэма (Хорстед исключен, поскольку на этом маноре таких должностных лиц не было).

Действия, связанные с сопротивлением, включают в себя любое зафиксированное сопротивление должностному лицу, в том числе игнорирование приказов, сопротивление аресту, сопротивление изъятию имущества, взлом кассы (если должностное лицо прямо упоминается) и нападение.

ТАБЛИЦА 1. Количество «акций сопротивления» и средний размер денежного штрафа (амерсимента) на одного правонарушителя по десятилетиям в Литл-Даунхэме и Уорфилде.

Decade	Little Downham		Worfield	
	Number of resistance actions	Mean amercent per offender	Number of resistance actions	Mean amercent per offender
1310s	0	—	N/A	—
1320s	0	—	0	—
1330s	0	—	1	3d.
1340s	N/A	—	0	—
1350s	N/A	—	2	1s. 2d.
1360s	1	4d.	1	6d.
1370s	0	—	3	6d.
1380s	1	3d.	3	2s. 5d.

1390s	1	6 <i>d.</i>	2	6 <i>d.</i>
1400s	8	8 <i>d.</i>	0	—
1410s	4	2 <i>s.</i> 5 <i>d.</i>	4	9 <i>d.</i>
1420s	3	6 <i>d.</i>	0	—
1430s	3	6 <i>d.</i>	3	7 <i>d.</i>
1440s	1	3 <i>d.</i>	1	1 <i>s.</i>
1450s	0	N/A	0	—
1460s	0	N/A	0	—
1470s	0	N/A	0	—
1480s	2	4 <i>d.</i>	0	—
1490s	2	3 <i>d.</i>	2	10 <i>d.</i>
1500s	2	6 <i>d.</i>	3	10 <i>s.</i> 3 <i>d.</i>
1510s	N/A	—	0	—
1520s	N/A	—	3	7 <i>d.</i>
1530s	N/A	—	0	—
1540s	N/A	—	2	8 <i>d.</i>
1550s	2	6 <i>d.</i>	3	8 <i>d.</i>
1560s	0	—	2	2 <i>s.</i>
1570s	0	—	1	6 <i>d.</i>
1580s	0	—	0	—
1590s	N/A	—	0	—

Notes: N/A refers to decades for which no rolls survive.

Sources: Little Downham, CUL, EDR, C11/1/1-3, C11/2/4-6, C11/3/7-10; Worfield SA, P314/W/1/1-840.

Наиболее поразительной особенностью в обоих манорах является общее отсутствие свидетельств сопротивления должностным лицам при исполнении ими обязанностей. Хотя случаи сопротивления, безусловно, всегда имели место, также были десятилетия, иногда подряд, в течение которых не было зафиксировано ни одного инцидента. Эти цифры кажутся низкими даже по сравнению с данными Макинтош по нападениям в маноре Хаверинг, где она предположила, что в среднем 0,5 случаев в год на протяжении большей части XV века указывает на то, что «уровень физической агрессии в отношении судебных должностных лиц был низким».¹³⁷ Это еще более поразительно, если учесть, что Макинтош включает в свой расчет только нападения, а не все «акты сопротивления». Более того, не наблюдается особой хронологической закономерности, и период после Черной смерти не выделяется как эпоха напряженности, хотя в обоих манорах наблюдался рост в конце XIV – начале XV века.

Это говорит о том, что должностные лица не сталкивались с чрезмерно трудным положением в условиях экономических изменений после чумы, что

¹³⁷ M. K. McIntosh, *Autonomy and community: the royal manor of Havering, 1200–1500*, (1986), Table 13, pp. 211–5.

ставит под сомнение представление о том, что эти личности оказались зажаты в тисках между лордом и их собратьями-арендаторами, и означает, что сопротивление должностным лицам нельзя рассматривать просто в контексте этих отношений.

С другой стороны, тот факт, что нападения фиксировались в протоколах, показывает, что должностные лица – как действующие, так и присяжные, ответственные за представление обвинений, — хотели защитить управляющих и обеспечить им возможность выполнять свою роль. Как показывает Таблица 1, наказания, как правило, не превышали шиллинга, что соответствует типичному диапазону денежных взысканий (амерсментов) за большинство правонарушений в маноре.

Однако в четыре десятилетия средняя сумма значительно возрастила, во всех случаях из-за одного необычно крупного штрафа. Рассматривая эти случаи, можно понять, какие именно вызовы должностным лицам воспринимались как особо вопиющие.

В 1352 году, когда Томас де ле Хез был оштрафован на 2 шиллинга за сопротивление риву (управляющему), трудно понять причину такого строгого наказания.¹³⁸ Томас совершил и другие правонарушения, за которые был оштрафован отдельно, что, возможно, объясняет повышенную строгость, хотя в похожих случаях в Уорфилде правонарушители не наказывались жестче.

В двух других случаях причина суворости более очевидна и указывает на то, что судебная система продолжала защищать должностных лиц от нападений, позволяя им выполнять свою работу. В Даунхэме в 1411 году крупный штраф в 10 шиллингов, наложенный на Джона Клемента за увод скота из-под стражи рива, мог быть связан с его статусом пришлого из Или, а также с тем, что он забрал трех бесхозных животных, представлявших значительную ценность для лорда.¹³⁹

Именно насилие в отношении рива, вероятно, стало причиной ситуации, когда Уильям Булвардин был оштрафован на 20 шиллингов в Уорфилде в 1501 году. Хотя Уильям, вероятно, также был пришлым, будучи «уроженцем Клаверли», в представлении подробно описано, как он вместе со своими сообщниками явился «с силой и оружием, а именно дубинами и ножами», чтобы напасть на рива и забрать лошадь, которую чиновник арестовал «за различные ранее совершенные правонарушения и наложенные взыскания».¹⁴⁰ Этот необычный уровень детализации свидетельствует о серьезности инцидента и объясняет исключительно крупный штраф.

Последний инцидент с исключительно высоким штрафом произошел в Уорфилде в 1387 году, когда Джон Брадени был оштрафован на 3 шиллинга 4 пенса. Этот случай раскрывает иную форму строгости.

Последний инцидент с исключительно высоким штрафом произошел в Уорфилде в 1387 году, когда Джон Брадени был оштрафован на 3 шиллинга 4

---

¹³⁸ SA, P314/W/1/1/34, 22 May 1352

¹³⁹ CUL, EDR, C11/2/4, m. 27, 1 Apr. 1411.

¹⁴⁰ SA, P314/W/1/1/500, 13 Oct. 1501.

пенса. Этот случай раскрывает иную форму строгости. Брадени оскорбил и рива (управляющего), и бидла (пристава) «в открытом суде в присутствии стюарда и всех держателей».¹⁴¹ Проблема здесь заключалась в публичном характере прямого вызова должностным лицам – действие было не просто сопротивлением им при исполнении обязанностей в данный момент, но и более широким оспариванием их статуса и авторитета.

Такой вид сопротивления чаще всего подтверждается случаями нападок на положение присяжных и главных поручителей, которые отмечались во всех трех манорах. Иногда доступные детали лишь указывают на публичное оскорбление коллегии присяжных: в 1565 году Хамфри Рассел был оштрафован на 12 пенсов за «дурное обращение, брань и обвинение присяжных в бесчестии» – действие довольно необъяснимое, учитывая, что присяжные только что привлекли другого арендатора к ответственности за незаконное пролитие крови против того же Хамфри.¹⁴² Однако чаще в представлениях конкретно указывается, что присяжных называли «лжецами» или «клятвопреступниками», либо оспаривались их обсуждения, и такая лексика использовалась во всех рассматриваемых случаях.¹⁴³

Эти нападки существенно отличаются от описанных выше действий против должностных лиц при исполнении ими обязанностей. Если первые препятствовали чиновникам выполнять свою роль, то называние присяжных «лжецами» было прямой атакой на их способность управлять общиной и, как следствие, каралось немедленным наказанием. В одном случае потенциально подстрекательский характер оспаривания решения присяжных прямо указан: в 1447 году три арендатора в Хорстеде были оштрафованы каждый на 12 пенсов за то, что называли присяжных «лжецами», «подавая дурной пример другим».¹⁴⁴ Аналогично, в Даунхэме запись 1413 года подробно описывает, как Роберт Уолшем выдвигал обвинения «открыто в суде», а представление 1439 года сообщает, как Томас, сын Стефана, посягнул на присяжных, «публично называя их лжецами».¹⁴⁵

Представление этих правонарушений преследовало цель не просто наказать отдельного виновника. Оно также было направлено на то, чтобы мнения, противоречащие решениям присяжных, не распространялись публично, и тем самым играло важную роль в поддержании авторитета присяжных.

Эта власть распространялась за пределы самого суда: о правонарушениях, совершенных вне этого контекста, также сообщалось и

---

¹⁴¹ SA, P314/W/1/1/162, 15 July 1387

¹⁴² SA, P314/W/1/1/758, 16 Oct. 1565.

¹⁴³ SA, P314/W/1/1/199, 6 Sept. 1396; KCA, HOR/33, 2 Aug. 1409; HOR/37, 6 Jan. 1447; HOR/40, m. 1, 4 Nov. 1483; CUL, EDR, C11/2/4, m. 7, 7 Mar. 1402; C11/2/5, m. 1, 22 Dec. 1413; C11/2/5, m. 7, 12 Jan. 1417; C11/2/6, m. 4, 14 Jan. 1424; C11/2/6, m. 29, 4 Dec. 1439; C11/2/6, m. 32, 13 Dec. 1440; C11/3/10, 7 Jan. 1562

¹⁴⁴ KCA, HOR/37, 6 Jan. 1447.

¹⁴⁵ CUL, EDR, C11/2/5, m. 1, 22 Dec. 1413; C11/2/6, m. 29, 4 Dec. 1439.

наказывалось. В 1409 году в Хорстеде неизвестное лицо, описанное как «один из людей Уолтера де Суэнтона», было привлечено к ответственности за «оспаривание решения главных поручителей»; отсутствие имени предполагает, что этот спор произошел не в суде.¹⁴⁶

В Даунхеме это ясно видно в представлении 1444 года. Джон Мор, который прямо назван «крепостным лорда», «открыто в таверне оскорблял различными злонамеренными словами арендаторов и заемщиков, предъявивших залог за различные недостатки».¹⁴⁷ Очевидно, действия Мора все же были публичным актом, но произошли в иной публичной среде – таверне, демонстрируя, как должностные лица работали над поддержанием своего авторитета в общине даже вне судебных заседаний.

Это представление 1444 года также связывает нападки на главных поручителей с нападками на арендаторов в более широком смысле, предполагая, что действие, подрывающее доверие к первым, имело аналогичный эффект и для вторых. Подобная связь наблюдается в Хорстеде в 1483 году, когда Николас и Томас Алейн «проявили неуважение как к лорду, так и к арендаторам … порицая и называя лжецами, а также называя этих арендаторов негодяями и блудницами за их вердикт, вынесенный в суде по различным правонарушениям», совершенным теми же Алейнами. Алейны также угрожали арендаторам «как в открытом суде, так и вне суда» в разных местах и в разное время.¹⁴⁸⁹⁰ Упоминание о «вердикте, вынесенном в суде» предполагает, что оскорбление было потенциально направлено конкретно на присяжных, но запись использует язык общей общины «арендаторов», чтобы создать впечатление ущерба для сообщества в целом.

Эти представления раскрывают активную роль должностных лиц в поддержании своего авторитета и предполагают, что система была далека от упадка или от положения, при котором отдельные лица оказывались в неловкой ситуации между лордом и соседями-арендаторами. Те, кто занимал должности, решительно реагировали на нападки, подрывающие доверие к их представлениям и решениям, а следовательно, и на вызовы их способности управлять, защищая легитимность системы исполнения должностей.

Однако также важно учитывать мотивы и статус тех, кто совершал эти нападки. Многие медиевисты предполагают, что занятие манориальных должностей в некоторой степени было олигархическим, с сосредоточением службы в руках группы более видных арендаторов.¹⁴⁹ В какой степени

¹⁴⁶ KCA, HOR/33, 2 Aug. 1409.

¹⁴⁷ CUL, EDR, C11/2/6, m. 37, 20 Nov. 1444.

¹⁴⁸ KCA, HOR/40, m. 1, 4 Nov. 1483.

¹⁴⁹ E. Britton, *The community of the vill: a study in the history of the family and village life in fourteenth-century England* (1977), pp. 44–9, 104–5; Z. Razi, *Life, marriage and death in a medieval parish: economy, society and demography in Halesowen, 1270–1400* (1980), pp. 76–7; C. C. Dyer, ‘Power and conflict in the medieval English village’, in C. C. Dyer, *Everyday life in medieval England* (1994), p. 7; id., ‘Political life’, pp. 142–3; M. Spufford, ‘Puritanism and social control?’, in A. J. Fletcher and J. Stevenson (eds), *Order and disorder in early modern England* (1985), pp. 49–50; R. M. Smith, ‘Contrasting susceptibility to famine in early fourteenth- and late

сообщения о злоупотреблениях в отношении должностных лиц можно рассматривать как сопротивление исключенной группы правящей группе? К сожалению, прямые заявления о мотивах редко фиксируются в такого рода записях. В случае с Джоном Мором обвинение во лжи, согласно записи, напрямую вытекало из представлений, выдвинутых против правонарушителя в суде, как и в случае с Алейнами.¹⁵⁰ В 1413 году Роберт Уолшем был оштрафован на 40 пенсов за жалобу на то, что присяжные «создали ложные постановления и обычаи».¹⁵¹ Эти заявления, по всей видимости, стали результатом ощущения несправедливого обращения со стороны группы офицеров, хотя неясно, были ли это действия обиженных лиц или же они являлись симптомом более общего скрытого течения враждебности по отношению к правящей группе.

Одним из источников для изучения того, в какой степени возражения были протестами исключенной группы, является анализ личностей протестующих, чтобы выяснить, находились ли они вне группы занимавших должности. В Уорфилде есть некоторые доказательства, подтверждающие эту позицию. Из 36 лиц, идентифицированных как протестовавших против должностных лиц, 78% не обнаруживаются на какой-либо должности.¹⁵²

Однако это оставляет значительное меньшинство, которые и служили на должностях, и протестовали. В Даунхэме цифры менее убедительны: из 33 лиц только 45% не обнаруживаются на должностях, таким образом, большинство протестов было совершено фигурами, которые так или иначе являются «своими» (инсайдерами). Аналогично, из пяти мужчин, о которых сообщалось в Хорстеде, четверо зафиксированы как занимавшие должности.

Следовательно, трудно интерпретировать протесты против должностных лиц в этих манорах как возражения подчиненной группы против доминирующей. Это не может опровергнуть стратификацию. Судебные свитки могут попросту не фиксировать протесты подчиненной группы, которые, если они были скрытыми, могли быть направлены на избежание представления и наказания. Однако это позволяет предположить, что целью должностных лиц при отслеживании и представлении случаев сопротивления было поддержание своего авторитета против протестующих лиц, которые, как правило, происходили из той же группы, что и сами действующие должностные лица. Во многом аналогично контролю за злоупотреблениями со стороны служащих

---

sixteenth-century England: the significance of late medieval rural social structural and village governmental changes', in M. J. Braddick and P. Withington (eds), *Popular culture and political agency in early modern England and Ireland: essays in honour of John Walter* (2017), p. 49.

¹⁵⁰ CUL, EDR, C11/2/6, m. 37, 20 Nov. 1444; KCA, HOR/40, m. 1, 4 Nov. 1483.

¹⁵¹ CUL, EDR, C11/2/5, m. 1, 22 Dec. 1413.

¹⁵² The names of all individuals making a protest against officers were compared with a comprehensive list of all office-holders at these manors generated by the author. If the name of an office-holder was found to appear within five years of a protester with the same name (either before or after the individual's protest), these individuals were identified as the same person. For more detail on this methodology see S. Gibbs, 'Manorial Officeholding in Late Medieval and Early Modern England, 1300–1600' (unpubl. PhD thesis, University of Cambridge, 2019), pp. 262–4.

чиновников, это было направлено на защиту авторитета системы исполнения должностей от подрыва ее же собственными участниками.

IV

Анализ отношения к должностям показал, что привилегированная группа, занимавшая эти посты, была глубоко заинтересована в успехе системы исполнения должностей. Ее представители стремились обеспечить, чтобы чиновники эффективно и в соответствии с принятым стандартом выполняли свои обязанности, а также чтобы авторитет должностных лиц сохранялся перед лицом физического и словесного несогласия. Это усложняет модели, согласно которым должностные лица выступали исключительно посредниками между лордами и арендаторами или были вынуждены выбирать между работой на лорда или на общину.

Безусловно, управляющие могли оказаться между двумя противодействующими силами – «сверху» и «снизу», и в некоторых поместьях после Черной смерти, например у епископа Даремского, такая картина представляется наиболее точной. Однако, исследуя более длительный период и фокусируясь на аспектах ролей должностных лиц, выходящих за рамки управления доменом (путем изучения присяжных и главных поручителей наряду с ривами и хейвардами), становится ясно, что восприятие лорда и основной массы арендаторов как противоположных полюсов дает одномерную картину более сложного явления.

Хотя у арендаторов и присяжных могла отсутствовать мотивация сообщать о незаконных доходах, полученных с использованием сеньориальных ресурсов или прав, невыполнение обязанностей и злоупотребления во многих других аспектах работы чиновников – таких как содержание сеньориальных водотоков и канав, фальсификация записей о прижизненных сделках и неисполнение решений по межличностным искам – также могли негативно сказаться на арендаторах. Контроль за поведением должностных лиц и наказание за несогласие с их решениями обеспечивали сохранение авторитета этих управляющих, что было жизненно важно для использования их в регулировании общинных ресурсов.

Интеграция арендаторов в управление лорда манором позволяла протестовать против определенных аспектов сеньориального управления. Этот подход объясняет, почему в целом было так мало атак на систему исполнения должностей в форме злоупотреблений в отношении управляющих.

Данный анализ имеет два важных следствия. Во-первых, он поддерживает позицию исследователей раннего Нового времени, которые утверждают значимость манориальных судов в местном самоуправлении вплоть до постсредневекового периода. Однако этот пункт требует оговорок. Важно отметить, что арендаторам по-прежнему требовалась поддержка сеньора для использования судов в общинных целях, поскольку только лорд мог созвать манориальный суд. Некоторые лорды, такие как семья Верни, явно противились институту, который мог угрожать их доминированию в

поместьях, что привело к прекращению деятельности судов на их манорах.¹⁵³ Однако другие лорды, вероятно, видели косвенные выгоды от разрешения судам решать общинные вопросы среди своих арендаторов и поэтому продолжали созывать эти органы, даже если они не осуществляли через этот институт прямые аспекты сеньориальной власти, как их предшественники.

Более того, этот аргумент не следует трактовать как поддержку модели неизменного состояния. Роли манориальных должностных лиц явно менялись со временем. Например, по мере того как ривы все больше превращались из управляющих доменом в сборщиков ренты, их способность служить инструментом сопротивления сеньориальному давлению ослабевала. Однако другие должностные лица, такие как присяжные и главные поручители, по-прежнему могли представлять широкий круг вопросов и, следовательно, могли выполнять важные функции даже после ослабления сеньориальной власти.

Более значимый вопрос заключается в том, насколько широко применима эта модель позитивного отношения, ведущего к активному использованию арендаторами манориальных структур, для большего разнообразия маноров. Все три изученных манора проводили суды лэтов, что позволяло им контролировать мелкие проступки, но это не было характерно для большинства английских манориальных судов. Это могло ограничивать их полезность для общин арендаторов. Кроме того, данное исследование потребовало отбора маноров с хорошими записями за XVI век, что явно могло сместить выводы в сторону активных, а не пришедших в упадок манориальных судов. Таким образом, представленные свидетельства не следует трактовать как указание на то, что все манориальные суды сохранялись после 1500 года благодаря арендаторам, заинтересованным в их бесперебойной работе. Однако они предоставляют механизм, объясняющий, как могло продолжаться их использование на определенных манорах.

Вторым и более значимым следствием данного анализа является поддержка более позитивного взгляда на отношения между лордом и арендаторами, характерного для ревизионистских подходов. И лорд, и арендаторы были кровно заинтересованы в системе исполнения должностей. Контроль за должностными лицами мог обеспечивать лорда и арендаторов общей целью. Даже роль должностных лиц в сопротивлении определенным аспектам сеньориального управления можно рассматривать как фактор, улучшавший отношения между лордом и арендаторами, поскольку она служила «предохранительным клапаном», позволявшим арендаторам мирно противостоять отдельным проявлениям сеньориальной власти. Такой взгляд решительно отвергает представление о преимущественно конфликтных отношениях даже до 1349 года и дополнительно усиливает аргументы против «феодальной реакции» после Черной смерти.

Конечно, утверждение, что исполнение должностей обязательно шло на пользу всем арендаторам, вероятно, является излишне благожелательным.

---

¹⁵³ J. Broad, *Transforming English rural society: the Verneys and the Claydons, 1600–1820* (2004), pp. 50–2.

Поддерживая систему должностей и авторитет должностных лиц, «элитные» арендаторы, занимавшие посты, сохраняли как свой собственный статус и способность управлять деревней, так и положение всей общины арендаторов. Как утверждал Брюс Кэмпбелл, состоятельные арендаторы, служившие должностными лицами, «поддерживая манориальный статус-кво ... служили как своим собственным интересам, так и интересам лордов».¹⁵⁴ Таким образом, свидетельства об отношении к должностям позволяют предположить, что манориальная система в позднесредневековой Англии поддерживалась благодаря сотрудничеству местных элит с лордами, а не просто за счет принудительной власти сеньории.

Перевод Оксаны Дудченко

Выходные данные статьи:

Gibbs, Spike (2019) Lords, tenants and attitudes to manorial office-holding, c.1300–c.1600, *Agricultural History Review*, Vol. 67, No. 2, pp. 155-174.

---

¹⁵⁴ Campbell, ‘The land’, p. 224.

ОТ ТОРГОВЦА ДО ФЕРМЕРСКОГО КООПЕРАТИВА: ЖИВОТНОВОДЧЕСКИЕ ЯРМАРКИ И БАЗАРЫ НА СЕВЕРО- ВОСТОКЕ ШОТЛАНДИИ С 1800 Г. ПО 1900 Г.*

Ричард Перрен

Аннотация. В 1800 г. местные животноводческие ярмарки и рынки на северо-востоке Шотландии были традиционными открытыми площадками, проводившимися в определенное время года. В первой половине XIX в. их количество увеличилось по мере развития мясной промышленности региона, что позволило удовлетворить растущий спрос на шотландском и английском рынках. После 1850 г. и появления железных дорог количество рынков сбыта скота еще больше выросло, и населенные пункты начали конкурировать друг с другом, иногда ожесточенно, чтобы воспользоваться преимуществами нового рынка сбыта скота. На этих рынках, где сделки заключались частным образом между частными лицами, доминировали местные мясники и торговцы домашним скотом. С 1870 г. ситуация изменилась, поскольку открытые рынки уступили место регулярным аукционам домашнего скота, проводимым профессиональными аукционистами. Фермеры считали, что аукционы отвечают их интересам лучше, чем открытые рынки, поскольку продажи проводятся быстро и с большим комфортом, а также они могут судить о том, честно ли конкурируют покупатели. Фермеры с северо-востока с таким энтузиазмом восприняли эту форму продажи, чтобы воспользовались законами о компаниях девятнадцатого века, чтобы создать свои собственные акционерные аукционные компании с ограниченной ответственностью, а также захватить некоторые из существующих семейных рынков, торгующих домашним скотом. Несмотря на некоторое противодействие мясников и торговцев скотом, аукционные рынки пользовались большим успехом и к 1900 г. в значительной степени заменили традиционные ярмарки и базары сбыта.

Шотландия в 1500 г. была бедной страной с небольшим населением и отсталой, слаборазвитой экономикой. Хотя в XVI и XVII вв. в сельском хозяйстве не было полного застоя, темпы изменений в сельском хозяйстве были медленными. Транспортные ограничения привели к тому, что элементы коммерческого земледелия были наиболее заметны вблизи крупнейших городов или в пределах досягаемости каботажных судов¹⁵⁵. Дальнейшее развитие сельского хозяйства на равнинах Шотландии ускорилось после 1760

---

* Выражаю благодарность сотрудникам городского архива Абердина и отдела специальных коллекций библиотеки Абердинского университета за их неоценимую помощь, а также двум анонимным рецензентам и г-ну Р. Э. Тайсону за их щедрые и полезные замечания.

¹⁵⁵ Ian Whyte and Kathleen Whyte, *The changing Scottish landscape, 1500–1800* (1991), pp. 1–27; Ian Whyte, *Agriculture and society in seventeenth-century Scotland* (1979); id., *Scotland's society and economy in transition, c.1500–c.1760* (1997).

г. Оставшиеся элементы натурального хозяйства пришли в упадок к 1820 г.¹⁵⁶ Новые методы, как правило, пропагандировались прогрессивными землевладельцами и внедрялись коммерчески ориентированными арендаторами¹⁵⁷. На северо-востоке Шотландии это включало консолидацию и расширение ферм, а также использование костной муки для увеличения производства корнеплодов и увеличения количества кормов для животных, этот процесс позволил увеличить поголовье овец и крупного рогатого скота, чтобы удовлетворить растущий спрос на мясо в городах¹⁵⁸. В Шотландии в целом рынок продовольствия рос по мере увеличения населения с 1,6 до 4,4 миллионов человек в период с 1800 г. по 1900 г. Но специализированные производители говядины с северо-востока также поставляли говядину на более крупный и процветающий английский рынок, особенно в Лондон¹⁵⁹. Однако в этих исследованиях мало говорится о том, как изменилась структура сбыта животноводческой продукции на северо-востоке Шотландии в ответ на резкое расширение мясной и животноводческой промышленности региона. Данная статья представляет собой попытку восполнить этот пробел и связать его с факторами, стоящими за этим ростом.

I

Система государственного маркетинга для фермеров северо-востока, продающих свой скот, прошла через три этапа в период с 1800 г. по 1900 г. Первым был период «переворота», когда доминирующую роль играли мясники и торговцы скотом, которые вели бизнес либо на фермах, либо на периодических ярмарках скота¹⁶⁰. Второй этап пришелся на период после 1800 г., когда количество рынков скота увеличилось и они стали более частыми, особенно после того, как примерно в 1850 г. появились железные дороги. Третий этап пришелся на 1870-е гг., когда аукционы становились все более распространенными. К 1900 г. эта форма сбыта скота в значительной степени заменила старые ярмарки и новые рынки.

В XVIII в. торговцы домашним скотом либо посещали фермы, чтобы приобрести животных непосредственно у фермеров, либо приобретали животных у фермеров и друг у друга на различных временных ярмарках и рынках, которые проводились в определенные дни в определенное время года. Ян Уайт назвал их «периодическими» рынками¹⁶¹. В конце XVIII в.

¹⁵⁶ T. M. Devine, ‘The transformation of agriculture: cultivation and clearance’, in T. M. Devine, C. H. Lee and G. C. Peden (eds), *The transformation of Scotland: the economy since 1700* (2005), pp. 77–84; M. Gray, ‘Scottish emigration: the social impact of agrarian change in the rural lowlands, 1775–1815’, *Perspectives in American Hist.* 7 (1973), pp. 113–31.

¹⁵⁷ T. C. Smout, ‘A new look at the Scottish improvers’, *Scottish Hist. Rev.* 91 (2012), pp. 125–49.

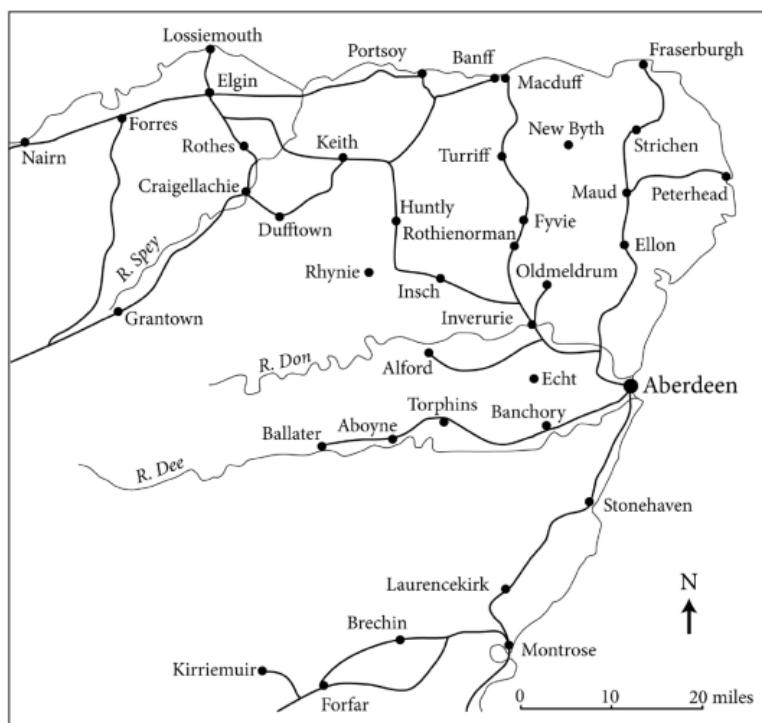
¹⁵⁸ Robert Hay, ‘Crops and livestock in the improvement era’, in A. Fenton and K. Veitch (eds), *Scottish life and society, a compendium of Scottish ethnology*, II, *Farming and the land* (2011), pp. 244–66.

¹⁵⁹ J. H. Smith, ‘The cattle trade of Aberdeenshire in the nineteenth century’, *AgHR* 3 (1955), pp. 114–18; G. Channon, ‘The Aberdeen beef trade with London, a study in steamship and railway competition, 1850–69’, *Transport Hist.* 2 (1969), pp. 1–24.

¹⁶⁰ Coup (шотл.) – покупать, обменивать; couper (шотл.) – торговец, посредник, перекупщик, дилер.

¹⁶¹ I. D. Whyte, ‘The growth of periodic market centres in Scotland, 1600–1707’, *Scottish Geographical Magazine* 95 (1979), pp. 13–26.

большинство периодических животноводческих базаров на северо-востоке Шотландии были сезонными ярмарками по продаже домашних животных, где их покупали и собирали в стада странствующие торговцы, которые отправляли их на другие ярмарки южнее, такие как Фолкеркские ярмарки свиданий и рынки Всех святых в Эдинбурге. Затем крупный рогатый скот был в основном перевезен в Англию на откорм¹⁶². В 1800 г. универсальным видом продажи на этих ярмарках был местный «открытый рынок»¹⁶³. Там фермеры и торговцы встречались на участке земли, удобно расположенным рядом с городами или деревнями, а часто и рядом с гостиницами. За животных, заходящих на стоянку, взималась небольшая таможенная пошлина, и, когда они входили, животных помечали ярким цветом, чтобы показать, что они были оплачены. Сделки заключались индивидуально между покупателем и продавцом. Как только цена была согласована, продавец часто возвращал небольшую сумму покупателю в качестве «пенни на удачу», чтобы пожелать ему удачи в долгом путешествии на любой другой рынок, куда он мог бы их отвезти. Хотя традиционные ярмарки были временными мероприятиями без стационарных зданий, они все же могли быть довольно изысканными, с палатками банкиров и закусочными, а также с «судьей рынка» для разрешения споров¹⁶⁴.

MAP 1: North-east Scotland sites of livestock markets and railways, c.1900

¹⁶² A. R. B. Haldane, *The drove roads of Scotland* (1973), pp. 204–22.

¹⁶³ Highland and Agricultural Society, *Report on the present state of the agriculture of Scotland*, Edinburgh (1878), p. 200.

¹⁶⁴ *Aberdeen Journal* (hereafter AJ), 2 Oct. 1850, p. 4b; 30 Oct. 1850, p. 4b; *Banffshire Journal* (hereafter BJ), 23 Oct. 1858, p. 6e; W. Alexander, *Sketches of Life Among My Ain Folk* (1875), pp. 101–4; I. Carter, *Rural life in Victorian Aberdeenshire* (1992), pp. 147–9.

Продажа с публичных аукционов в Шотландии называлась *roups*¹⁶⁵. Скот продавался четырьмя видами, и все они были зарезервированы для особых случаев. В первом случае арендатор покидал ферму и занимался сельским хозяйством, и весь его скот, инвентарь, урожай, а иногда даже мебель для фермерского дома распродавались профессиональным лицензированным аукционистом, специально нанятым для проведения аукциона. Это была демонстрация. Во-вторых, продавались большие партии животных, обычно в магазинах, с высокой чистой стоимостью, собранные дилером вместе. Третий случай произошел, когда на ферме была продана особо ценная партия животных хорошего качества, либо с домашней фермы в поместье, либо часть стада у животновода. Наконец, все сельскохозяйственные животные, изъятые за долги, должны были быть проданы с аукциона. Но организация выставок была дорогостоящей, и ее необходимо было широко рекламировать, чтобы привлечь как можно больше покупателей и окупить затраты.

Закон, касающийся продажи скота на аукционе, в Шотландии был таким же, как и в Англии¹⁶⁶. В 1777 г., во времена правления северной администрации, на имущество, продаваемое на аукционе, был наложен акциз, который должен был выплачиваться аукционистом. Несмотря на то, что аукционы по продаже менее ценных сельскохозяйственных животных часто обходились без акцизов и были осложнены различными льготами, бюрократия и расходы препятствовали проведению аукционов. Бюджет Пиля 1845 г. отменил акцизы, и вместо этого все аукционисты платили ежегодный лицензионный сбор в размере 10 ф. ст. Но хотя это упрощение сделало обычные аукционы по продаже скота проще и дешевле, поскольку традиционная продажа на открытом рынке была хорошо зарекомендовавшей себя и все еще могла развиваться, как до, так и после того, как железная дорога достигла Абердина в 1850 г., серьезных попыток заменить ее не предпринималось вплоть до 1870 г.

II

В первые годы девятнадцатого века количество рынков увеличилось за счет увеличения частоты проведения существовавших и создания совершенно новых рынков. В некоторых случаях рынки и ярмарки скота были частью новых запланированных деревень, основанных в 1750-х гг. прогрессивными землевладельцами на северо-востоке Шотландии для обеспечения экономического развития. В период с 1750 г. по 1850 г. на северо-востоке было запланировано строительство 98 деревень, в дюжине из которых, упомянутых в этой статье, в той или иной форме проводились ярмарки или рынки скота¹⁶⁷. Фермеры, землевладельцы и горожане стремились привлечь больше бизнеса в свою местность и делали все возможное, чтобы стимулировать торговлю

¹⁶⁵ Roup (шотл.) – продажа или сдача в аренду с публичного аукциона.

¹⁶⁶ Stephen Dowell, *A history of taxation and taxes in England* (3 vols, 1888), III, pp. 19–21, 141–3.

¹⁶⁷ Это Баллатер, Даффтаун, Эллон, Грантаун, Хантли, Кит, Лоренскирк, Нью-Байт, Райни, Ротс, Стришен, Террифф. Douglas G. Lockhart, *Scottish planned villages* (Scottish Hist. Soc., 16, 2012), pp. 18, 21, 257–59.

скотом, размещая рекламу в местной прессе. В 1805 г. герцог Гордон, который планировал построить деревню в Райни, в 12 милях к югу от Инверури, объявил, что новый рынок будет проводиться четыре раза в год в Мьюир-офф-Райни¹⁶⁸. В качестве стимула для фермеров выводить своих животных на новые рынки было обещано, что они останутся беспошлинными в течение нескольких последующих лет. В рамках запланированного развития деревни Баллатер в Аппер-Дисайде владелец Уильям Фаркухарсон с гордостью объявил в марте 1809 г., что там будет проводиться еженедельный рынок, а также два новых двухдневных сезонных рынка домашнего скота в мае и сентябре каждого года, на которых в первый день будут продаваться овцы, а крупный рогатый скот и лошадей – на второй, обещая, что «в первые три года никакие обычаи соблюдаться не будут»¹⁶⁹. Но такое расширение рынков ни в коем случае не ограничивалось запланированными деревнями. В 1803 г. древний королевский город Инверури добавил еще два ежегодных рынка в своем «Борроумюре» к четырем, которые там уже проводились. В Олдмелдруме, баронском городке с 1672 г., в 1810 г. владелец Джеймс Уркхарт полагал, что проводимые раз в две недели зимние и весенние ярмарки настолько хорошо посещаются, что торговля скотом и лошадьми будет достаточно обширной, чтобы оправдать проведение ежемесячных летних ярмарок¹⁷⁰. В 1827 г., «после просьб ряда уважаемых фермеров и торговцев скотом», владелец гостиницы «Mason Lodge inn», Гленкинди, решил проводить на этом месте четыре новых свидания в год, «без таможенных пошлин в течение нескольких лет»¹⁷¹.

Этот устойчивый рост числа животноводческих рынков в деревнях и небольших городах региона до 1850 г. не затрагивал город Абердин. В отличие от Глазго и Эдинбурга, в нем были скотобойни, но не было постоянного животноводческого рынка в черте города. Поскольку большая часть крупного рогатого скота вывозилась из округа для дальнейшего откорма, количество жирных животных, необходимых для снабжения самого города, было невелико, и для их продажи в Абердине не требовалось большой инфраструктуры. Небольшие запасы, необходимые для того, чтобы прокормить город, обеспечивались несколькими рынками, расположенными на его окраинах¹⁷². В 1841 г. население Абердина составляло всего около 40 тысяч человек, и поэтому спрос на свежее мясо был ограничен. В начале века количество жирных животных, продаваемых для местного потребления, было очень небольшим, и редко на распродажах рекламировалось более 20 штук¹⁷³.

С 1829 г., когда начался вывоз крупного рогатого скота из порта Абердин на пароходах, в город было завезено еще больше животных. Но это было доступно только для членов корпорации «Flesher Incorporation», и животные

¹⁶⁸ AJ, 23 Mar. 1803, p. 2a; 22 May 1805, p. 4c.

¹⁶⁹ AJ, 29 Mar. 1809, p. 1b.

¹⁷⁰ AJ, 1 Nov. 1809, p. 4d; 2 May 1810, p. 1c.

¹⁷¹ AJ, 14 Mar. 1827, p. 2e; 28 Mar. 1827, p. 1a.

¹⁷² AJ, 11 Aug. 1800, p. 4d; *New Statistical Account of Scotland* [hereafter NSA], (15 vols, 1834–1845), XII, p. 102.

¹⁷³ AJ, 20 Apr. 1803, p. 4c; 18 Apr. 1821, p. 2f; 27 Feb. 1822, p. 2f.

приобретались либо на фермах, либо на растущем числе рынков в окрестных деревнях и небольших городах региона. К 1849 г. в городе Хантли, который был баронским городком, но после 1769 г. был преобразован в деревню по плану герцога Гордона, насчитывалось 15 рынков, а в Инверури – 19¹⁷⁴. Необходимость в рынке в самом Абердине возникла только после того, как железная дорога превратила его в центр покупки и продажи домашнего скота. Железная дорога «достигла» Абердина в марте 1850 г., но остановилась к югу от центра города: станция в самом Абердине была окончательно открыта только в августе 1854 г.¹⁷⁵ Но начиная с 1853 г. строительство сети железнодорожных веток на северо-востоке Шотландии способствовало дальнейшему развитию региона¹⁷⁶. Это позволило местным городам и деревням увеличиться в размерах, развить некоторые местные отрасли промышленности, улучшить сельское хозяйство, а также увеличить количество и усилить важность постоянных рынков животноводческой продукции, проводимых рядом с местной железнодорожной станцией.

TABLE 1: North-eastern livestock fairs and markets between 1797 and 1902

	1797	1829	1850	1860	1870	1880	1890	1902
January	10	17	45	42	45	50	42	15
February	15	14	41	55	50	58	56	18
March	15	25	47	47	63	59	48	12
April	13	29	49	52	60	64	59	19
May	28	53	68	71	79	66	65	19
June	33	28	49	56	61	55	48	20
July	19	33	54	76	67	64	53	28
August	22	31	65	73	59	62	52	25
September	19	41	44	47	54	51	41	14
October	16	43	66	71	67	64	51	25
November	21	39	53	68	79	54	49	10
December	18	27	36	39	55	54	51	14
Total	229	380	617	697	739	701	615	219

Note: The areas covered are the old Scottish counties of Aberdeen, Banff, Moray and Nairn, Kincardine, and Angus, which was called Forfar up to 1928.

Sources: For 1797, J. Chalmers, *Aberdeen Almanack for the Year 1797* (1796); for 1829, 1860, 1870, 1880, 1890, 1902, *Aberdeen Journal*.

TABLE 2: Sheep and cattle in north-east Scotland, 1870–1910

Year	Sheep and lambs	Cows and heifers in milk or in calf	Other cattle two years of age and above	Other cattle under two years of age	Total cattle
1870	457,678	83,670	74,114	139,365	297,149
1880	414,294	80,913	67,306	143,641	291,860
1890	529,989	85,399	84,158	148,389	317,946
1900	592,659	85,580	72,597	162,567	320,744
1910	584,542	81,176	79,541	152,572	313,289

Note: North-east Scotland is defined as the counties of Aberdeen, Banff, Elgin or Moray, Forfar (Angus), Kincardine, Nairn.

Source: Agricultural Returns.

Но на этих новых сельских и городских рынках по-прежнему доминировали мясники и торговцы домашним скотом, и все сделки,

¹⁷⁴ 20 AJ, 3 Jan. 1849, p. 7e.

¹⁷⁵ J. J. Waterman, The coming of the railway to Aberdeen in the 1840s (1976), pp. 23–6; J. S. Smith, ‘The growth of the city’, in W. H. Fraser and C. H. Lee (eds), *Aberdeen, 1800–2000: a new history* (2000), pp. 38–9.

¹⁷⁶ W. M. Acworth, *The railways of Scotland: their present position, with a glance at their past and a forecast of their future* (1890), pp. 116–17, 139–42; S. Wood and J. Patrick, *History in the Grampian landscape* (1982), pp. 28, 64–8; R. H. Campbell and T. M. Devine ‘The rural experience’, in W. H. Fraser and R. J. Morris (eds), *People and society in Scotland, II, 1830–1914* (1990), pp. 48–9; T. M. Devine, *The Scottish nation, 1700–2000* (1999), pp. 451–2.

совершаемые там, оставались личными сделками между продавцом и покупателем. Только после 1870 г. аукционисты по продаже домашнего скота открыли свои собственные постоянные рынки, где они взяли под свой контроль все официальные сделки. Между этими способами продажи не было четкого хронологического разделения, и на протяжении всего девятнадцатого века они сосуществовали. Но к 1900 г. большая часть домашнего скота покинула ферму для продажи на аукционах, и этот переход к аукционам стал переменой, которая началась как в Абердине, так и в его окрестностях. Частично это видно из таблицы 1, которая показывает более чем трехкратный рост числа рекламируемых ярмарок и рынков в регионе в период с 1797 г. по 1870 г., а затем снижение. Это снижение не было вызвано каким-либо сокращением поголовья скота в регионе (см. таблицу 2), а было вызвано переводом торговли на регулярные еженедельные, а также специальные аукционы по продаже скота, которые никогда не включались в эти ежемесячные списки. К 1902 г., последнему году, когда списки рынков и ярмарок регулярно публиковались в «*Aberdeen Journal*», их количество было очень близко к показателям 1797 г. Однако это не обязательно означало, что на протяжении целого столетия сохранялось большое количество традиционных мест сбыта скота, поскольку некоторые из ранее открытых мест перестали существовать, а те, которые все еще существовали, утратили свое значение.

III

Когда в 1850 г. железнодорожная компания Абердина соединила город с югом, компания предоставила место для первого рынка скота на своей территории к югу от реки Ди. Это было сделано в ответ на письмо от 188 фермеров, мясников и торговцев скотом с просьбой организовать рынок сбыта¹⁷⁷. Но это соглашение не устраивало фермеров и торговцев, которые привозили скот, предназначенный для отправки на юг в качестве мертвого мяса, в город с севера, поскольку город и все его бойни находились к северу от реки. Кроме того, большая часть скота откармливалась к северу от города. Поэтому в Абердине был необходим рынок, и в августе 1851 г. еще одна депутация обратилась в городской совет с просьбой о его создании¹⁷⁸.

Несколько недель спустя муниципальный совет приобрел подходящее помещение на Кинг-стрит, примерно в миле к северу от главного делового центра. Они полагали, что это не только поможет фермерам и мясникам продолжать свою торговлю, но и даст городу дополнительный источник дохода. Он открылся в среду, 17 декабря 1851 г., и первоначально планировалось, что по средам будет проводиться еженедельный рынок, на тот момент свободный от обычай¹⁷⁹. Первоначально город представлял собой просто огороженный открытый участок площадью около акра, но по мере того, как он становился все более популярным, городской совет пристроил к нему

¹⁷⁷ AJ, 6 Nov. 1850, p. 4d.

¹⁷⁸ Aberdeen Town House, Aberdeen City Council Registers (hereafter CA) /1/1/79, p. 145.

¹⁷⁹ CA/1/1/79, p. 152; AJ, 8 Oct. 1851, p. 6c; 29 Oct. 1851, p. 1c; 19 Nov. 1851, p. 1b; 3 Dec. 1851, p. 1c.

деревянное здание, где можно было с большим комфортом вести дела и подавать прохладительные напитки¹⁸⁰. После медленного старта в первые несколько недель бизнес на новом рынке начал набирать обороты. В первые два года своего существования, как показано в таблице 3, оно содержало в среднем около 9000 голов крупного рогатого скота, а с учетом небольшого поголовья овец, ягнят, телят и нескольких свиней, более 17 000 голов проходило через рынок в течение первых двух лет.

Мгновенного превращения этого рынка из открытого в аукционный не произошло. Вместо этого он прошел через длительный переходный этап, длившийся с 1860 г. по 1884 г., когда его обычные рынки по средам были открытыми, но в то же время некоторые продавцы проводили аукционы товаров, которые были либо проданы фермерами, либо собраны на самих сельских рынках. Первым, кто модернизировал продажи таким образом, был Александр Лайон, продавец крупного рогатого скота и шкур, который в апреле 1860 г. опубликовал рекламу, в которой перечислял поддержку 88 мясников и предлагал тем, у кого есть овцы и крупный рогатый скот на продажу, возможность «выставить их на продажу в частном порядке или на публичном конкурсе»¹⁸¹. Благодаря поддержке многих местных мясников Лайон стал ведущим продавцом на рынке. Была отмечена скорость продажи на публичных торгах, и в январе 1861 г. рыночный репортер отметил, что «С тех пор, как был принят этот способ продажи, на рынке произошло заметное улучшение»¹⁸².

TABLE 3: Livestock exposed for sale at the King Street Cattle Market in 1852 and 1853

	<i>Cattle</i>	<i>Sheep</i>	<i>Lambs</i>	<i>Calves</i>	<i>Swine</i>	<i>Total</i>
1852	9265	7253	114	21	42	17,695
1853	9054	7321	744	39	90	17,239

Sources: For 1852 *Montrose, Arbroath and Brechin Review*, 24 Dec. 1852, p. 7c; for 1853, *Aberdeen Journal*, 21 Dec. 1853, p. 5b.

В 1867 г. Алекс Лайон отказался от торговли домашним скотом, и его место на рынке в Абердине занял Джон Дункан, который в 1869 г. стал его единственным арендатором за годовую арендную плату в размере 90 ф. ст. и получил эксклюзивное право продавать животных на аукционе¹⁸³. Но когда в 1871 г. мясники Абердина пожаловались на нехватку мест на рынке по средам, чтобы справиться со всеми поставляемыми в город жирами и припасами для скота, Дункан согласился открывать рынок с 8 до 12 часов по субботам для проведения своих собственных аукционов, которые становятся все более популярными¹⁸⁴. Обычный бизнес на рынках по средам сократился до

¹⁸⁰ CA/1/1/79, p. 189; AJ, 14 Jan. 1852, p. 4d.

¹⁸¹ AJ, 18 Apr. 1860, p. 1c; 28 Sept. 1906, p. 10h.

¹⁸² *Aberdeen Herald* (hereafter AH), 10 Nov. 1860, p. 7e; AJ, 2 Jan. 1861, p. 7f.

¹⁸³ CA/1/1/87, pp. 22–5; 50–1.

¹⁸⁴ CA/1/1/88, pp. 214–15; AJ, 4 Oct. 1871, p. 6b.

небольшого числа традиционных открытых распродаж между фермерами, дилерами и мясниками, которые составляли около 100 голов крупного рогатого скота и несколько свиней и овец в неделю, в то время как публичные аукционы Дункана, проводимые в другое время, выросли настолько, что в 1880 г. он смог позволить себе организовать собственный аукционный зал на участке на Кинг-стрит¹⁸⁵. В 1884 г. он наконец смог выкупить весь участок у совета Абердина за 1850 ф. ст., когда ветеринарный департамент Тайного совета потребовал от города уложить бетон, чтобы облегчить дезинфекцию для борьбы с болезнями. Вместо того, чтобы взять на себя расходы, город продал весь рынок Дункану, который оплатил работу, и открытые продажи скота на Кинг-стрит прекратились¹⁸⁶.

В то же время быстро растущий спрос на более вместительные рынки в городе позволил к 1883 г. открыть еще три постоянных аукционных зала. Они находились в паре миль к северу от заведения Дункана и недалеко от станции Киттибрустер. Это была главная станция Великой железной дороги Северной Шотландии, и именно здесь выгружалась большая часть скота, доставлявшегося в город. Два из них были частными семейными фирмами. Первой была «Belmont Mart» Александра Миддлтона, а второй – «Kittybrewster Mart», принадлежащая партнерству Роберта Райта и Роберта Дж. Андерсон¹⁸⁷. Третьей была Абердинская ассоциация скотоводов и производителей сельскохозяйственной продукции (Aberdeen Cattle and Farm Produce Association, ACFPA), созданная как фермерский кооператив в июне 1882 г. с номинальным капиталом в 25 000 ф. ст. и акциями по 1 фунту каждая. Ее основание стало реакцией на падение цен на скот после 1873 г.¹⁸⁸ Согласно проспекту, она должна была стать организацией прямых продаж, которая будет действовать в обход посредников – то есть других аукционистов и торговцев скотом, – чья промежуточная прибыль будет сохранена и направлена на увеличение доходов фермеров. Планировалось также, что любая дополнительная прибыль, превышающая 7 с половиной процентов, выплачиваемая акционерам, будет «распределяться пропорционально между грузоотправителями [sic] в соответствии со стоимостью их соответствующих продаж через ассоциацию»¹⁸⁹.

IV

Строительство железной дороги выявило необходимость в расширении возможностей по сбыту скота в Абердине, что также способствовало увеличению пропускной способности местных рынков. Рынки, которые открылись в первой половине века, были добавлены к ранее существовавшей

¹⁸⁵ AJ, 18 Dec. 1880, p. 4c.

¹⁸⁶ Aberdeen University Library, (Lf Per Aa H5 Min), City of Aberdeen, Minutes and Proceedings of the Town Council (1883–4), pp. 172–3, 202.

¹⁸⁷ AJ, 20 May 1874, p. 4b; 15 July 1874, p. 4c.

¹⁸⁸ T. W. Fletcher, ‘The Great Depression of English agriculture, 1873–96’, EcHR 13 (1961), pp. 417–32; R. Perren, Agriculture in depression, 1870–1940 (1995), pp. 7–16.

¹⁸⁹ Каталог перепечатан в AJ, 19 July 1882, p. 1c.

системе ярмарок, унаследованной от XVIII в. Поскольку в период с 1850 г. по 1866 г. местные железные дороги постепенно расширялись по всему региону, возникла необходимость добавить еще больше рынков, расположенных на местных железнодорожных станциях или очень близко к ним, где торговцы и мясники могли бы быстро переходить от своих вагонов к торговым кольцам и не искать транспорт, который доставил бы их еще на три-четыре мили до какого-либо из рыночных пунктов (см. карту 1). После совершения покупок на железнодорожных станциях им было гораздо проще отправить их прямо к месту назначения по железной дороге, чем искать местных погонщиков, которые отвезли бы их на машине до ближайшей станции. Поскольку не все фермеры и торговцы, придерживавшиеся старых взглядов, сразу же захотели переехать поближе к станции, железные дороги привели к дальнейшему дублированию рынков и большим спорам.

В конце 1859 г. в прессе Абердина остро встал вопрос о ярмарках и базарах. В некоторых случаях на владельцев оказывалось давление, чтобы они перенесли свои рынки поближе к железнодорожной станции. В других случаях высказывались опасения по поводу проведения рынков в непосредственной близости друг от друга в один и тот же день. Ведущую роль в этих дебатах сыграли Свободная церковь и либеральная *Aberdeen Free Press*, которые в ноябре 1859 г. опубликовали обширную редакционную статью под названием «Реорганизация наших рынков скота». Его редактор Уильям Мак-Комби предположил, что необходима тщательная рационализация, которая привела бы к переводу рынков старого образца, которые были установлены в соответствии с юлианским календарем, на современный календарь и включала бы «перенос рынков, которые сейчас находятся в неудобных местах, в район ближайшей железнодорожной станции»¹⁹⁰.

Первый отклик поступил от однофамильца и двоюродного брата редактора, одного из ведущих скотоводов региона, Уильяма Мак-Комби из Тиллифора, недалеко от Элфорда¹⁹¹. Он утверждал, что мясники Абердина, как основные покупатели жирного скота на всех местных ярмарках и рынках, были единственной группой, достаточно могущественной, чтобы навязать какие-либо реформы. Хотя он не использовал этот термин, он считал, что они являются маркетмейкерами, обладающими властью определять форму региональной сети сбыта животноводческой продукции¹⁹². Этот вопрос был вновь поднят в июле 1860 г. корреспондентом *«Journal»*, который изложил сокращенный график проведения рынков скота и ярмарок. Но не все были сторонниками рационализации, и две недели спустя *«Фермер из Гариока»* фактически выступил за продолжение организованных ярмарок, мотивируя это «уважением ко всему древнему»¹⁹³. Как видно из таблицы 1,

¹⁹⁰ *Aberdeen Free Press* (hereafter AFP), 18 Nov. 1859, p. 5a; also substantially reprinted in the *Nairnshire Telegraph*, 23 Nov. 1859, p. 4a-b.

¹⁹¹ T. G. Otte and Paul Readman (eds), *By-elections in British Politics, 1832–1914* (2013), p. 284.

¹⁹² AFP, 18 Nov. 1859, p. 5a. This letter was also reprinted in the *AJ*, 30 Nov. 1859, p. 7c-d and the *Montrose, Arbroath and Brechin Review* (hereafter MABR), 2 Dec. 1859, p. 6e.

¹⁹³ *AJ*, 18 July 1860, p. 8e; 1 Aug. 1860, p. 5d.

рационализации в одночасье не произошло, и благодаря расширению сети железных дорог количество рынков сбыта скота продолжало увеличиваться вплоть до 1870 г., как и споры о них.

Там, где, по их мнению, у них были достаточно веские аргументы, мясники Абердина при поддержке местных торговцев и фермеров обратились к землевладельцам с просьбой внести изменения. Эта практика была особенно распространена в 1860-х гг.¹⁹⁴ Дилеры и мясники, действуя сообща, никогда не принимали официальных решений о бойкоте неподходящих мест, но на владельцев оказывалось сильное давление с целью их улучшения или изменения неподходящих рыночных дней. В конце 1859 г. 60 мясников, 20 торговцев скотом и 15 других лиц, подлинность подписей которых была засвидетельствована абердинской корпорации «Flesher Incorporation», обратились к Уильяму Космо Гордону из Файви с просьбой проводить ярмарки Файви во второй понедельник каждого второго месяца в течение всего года. В качестве поощрения они пообещали, что «мы посетим их, если такие изменения произойдут». Они не сказали, что они будут делать, если этого не произойдет, но повод так и не представился, поскольку Гордон немедленно согласился на изменения, начиная с января 1860 г. Аналогичный подход был применен к графу Файфу, чтобы изменить дни работы рынков в Терриффе на вторую и четвертую среду каждого месяца, с чем он также согласился. Но не все владельцы рынков были готовы к тому, чтобы петиционеры таким образом давили на них. Роберт Лесли, владелец рынка Ротиенорман, сказал им, что он не склонен вносить какие-либо изменения, поскольку дни проведения его рынков подходят его арендаторам и «большому району страны»¹⁹⁵.

V

Ускоренное сокращение числа сельских рынков в 1880-х гг. и их крах после 1890 г. были вызваны тем, что аукционные рынки заняли место как старых ярмарок домашнего скота, так и многих новых рынков, созданных после 1800 г., что было тепло встречено фермерами¹⁹⁶. Все началось с того, что аукционисты проводили распродажи специальных партий животных на площадках существующих рынков. Еще в 1847 г. Алекс Чисхолм, аукционист из Терриффа, продавал «короткорогих быков и саут-даунских тупиц» на ярмарке в Терриффе в «день Кованской ярмарки», а в 1849 г. он снова использовал позицию Терриффа в рыночный день, чтобы продать «чистокровных короткорогих быков» и «три мула». В мае 1849 г. аукционист Томас Филип продал 40 голов крупного рогатого скота и «несколько овец» на Нью-Байтском рынке, расположенному на полпути между Террифом и Стришеном¹⁹⁷. Иногда это делалось довольно осторожно, как, например, когда

¹⁹⁴ Elgin Courier (hereafter EC), 20 Dec. 1861, p.7e; BJ, 28 Mar. 1865, p. 1e; 27 June 1865, p. 1f; 15 Dec. 1868, p. 8f.

¹⁹⁵ AJ, 28 Dec. 1859, p. 1e.

¹⁹⁶ I. Riddell and K. Walker, 'Crops and livestock in the modern era', in Fenton and Veitch (eds), *Farming and the land*, p. 268.

¹⁹⁷ AJ, 22 Sept. 1847, p. 1d; 13 Oct. 1849, p. 1e; BJ, 24 Apr. 1849, p. 1c.

15 коров айрширской породы обещали выставить на аукцион в «Лоурине» (или Лоуренсе). Ярмарка в Олд-Райне, в десяти милях к северо-западу от Инверури, в августе 1852 г., устроенная аукционистом, который не указал своего имени в объявлении. Более открытыми были Джон Томсон, торговец скотом из Эхта, расположенного в 12 милях к югу от Инверури, который пообещал выставить на аукцион от 40 до 50 магазинов в Росс-Шире в Эхте в 1853 г., и Джеймс Барри из Стонхейвена, продавший пять быков породы шортхорн в Хантли в 1854 г.¹⁹⁸. Другим примером в этом десятилетии был торговец скотом из Лоренсекирка Джеймс Молисон, который в период с 1852 г. по 1859 г. рекламировал регулярные октябрьские перегоны скота на рынок Лоренсекирка в Кинкардиншире, в 30 милях к юго-западу от Абердина¹⁹⁹.

Эти нечастые примеры «всплывающих аукционов» были связаны с тем, что дилеры проверяли местный спрос на периодические распродажи на свежих рынках вдали от фермы, возможно, надеясь найти дополнительных покупателей на традиционных рынках. Но это не были попытки заменить их. Во всех приведенных выше случаях распродажи проводились во второй половине дня, чтобы не мешать основной работе рынков, которая начиналась утром. Возможно, они даже помогали рынкам, удерживая дилеров на месте, а не заставляя их уходить после обеда.

К 1860-м гг. практика аукционистов, использующих рыночные позиции в рыночные дни, стала более распространенной, и, хотя количество проданных таким образом животных было по-прежнему невелико, качество предлагаемых животных оставалось высоким, в основном от известных фермеров. В марте 1860 г. Джон Томсон из Эхта объявил, что ему поручено продать на рынке в Инверури излишки чистокровных быков и телок породы шортхорн, принадлежащих Уильяму Гибсону из Кинмунди, расположенного в десяти милях к юго-востоку от Инверури²⁰⁰. В феврале 1862 г. Томсон продал на рынке Эхт трех чистокровных короткошерстных быков «с хорошей родословной», а в январе 1863 г. четырех быков и четырех телят, «заслуживающих внимания первоклассных заводчиков», также на рынке Эхт²⁰¹. В апреле 1867 г. Алекс Рассел провел аукционную продажу десяти голов крупного рогатого скота «высшего качества» в базарный день на рынке Инш, начав ее «через полчаса после полудня»²⁰². Еще в сентябре 1862 г. есть запись о том, что Джеймс Хендри выставил на аукцион шесть племенных бычков Джеймса Ламсдена из Брако на ярмарке в канун лета в Ките, где-то между двумя и тремя часами, и на ярмарке

¹⁹⁸ AJ, 11 Aug. 1852, p. 1f; 4 May 1853, p. 6c; 18 Mar. 1854, p. 5b; BJ, 2 May 1854, p. 3f.

¹⁹⁹ MABR, 8 Oct. 1852, p. 1c; 21 Oct. 1853, p. 4b; 6 Oct. 1854, p. 4a; 28 Sept. 1855, p. 4b; 10 Oct. 1856, p. 1e; 25 Sept. 1857, p. 4b; 24 Sept. 1858, p. 4a; 30 Sept. 1859, p. 1c.

²⁰⁰ AJ, 7 Mar. 1860, p. 1e; 14 Mar. 1860, p. 1e. Кинмунди представлял собой небольшое поместье площадью 440 акров, расположенное в шести милях к северо-западу от Абердина, с арендной платой в размере 700 фунтов стерлингов в год. AJ, 7 Mar. 1866, p. 2c.

²⁰¹ AJ, 5 Feb. 1862, p. 1e; 21 Jan. 1863, p. 1e.

²⁰² BJ, 16 Apr. 1867, p. 5b.

присутствовало большинство фермеров и покупателей²⁰³. Но к 1868 г. Хенди осмелел и продал скот, принадлежавший Уильяму Огилви, на маркет-грин в Ките в день проведения Китского рынка, начинавшего работать в два часа²⁰⁴. Но первые регулярные ежемесячные аукционы, проводившиеся на Кит Маркет Грин, были проведены аукционистом Гордоном Робертсоном, который провел восемь аукционов в период с ноября 1870 г. по июнь 1871 г., начиная с полудня, опять же, чтобы не совпадать с началом рынка²⁰⁵.

Большинство из этих примеров, за исключением последнего, все еще были нерегулярными, случайными распродажами, как в 1850-х гг., и большая часть работы этих аукционистов по-прежнему заключалась в демонстрации и продаже излишков товара на фермах.

Более настойчивая попытка организовать аукционы в рыночные дни была предпринята в Лоренсекирке. В ноябре 1864 г. Джеймс Мак-Грегор, аукционист из Лоренсекирка, объявил, что начиная с 12 часов дня он будет продавать 24 жирных коровы, 2 дойные коровы и 70 племенных овец на следующем двухнедельном деревенском рынке, и к апрелю 1865 г. это стало его «обычной двухнедельной распродажей упитанного скота»²⁰⁶. Но хотя его аукционы в течение нескольких лет стали довольно регулярной частью рынка, в некоторых случаях он прибегал к частным сделкам, если не мог продать всех животных на аукционе²⁰⁷. Он продолжал продавать таким образом до 1871 г., когда объявил, что будет проводить свои двухнедельные распродажи в рыночные дни на улице, а не внутри рынка²⁰⁸. Он был не одинок в этом, поскольку в 1870-х годах другие аукционные фирмы также проводили конкурирующие распродажи в непосредственной близости от рынка²⁰⁹. Но эта форма прямой конкуренции не оказала большого влияния на двухнедельные рынки. Совет Лоренсекирка владел рыночной территорией, где они ставили лицензированные закусочные и бизнес-киоски. Право на их эксплуатацию ежегодно продавалось местным фирмам, которые предоставляли услуги для рынка, и не было никаких разногласий в ходе торгов за них или за право взимать рыночные пошлины, которые также ежегодно выставлялись на аукцион²¹⁰. В качестве стратегии защиты городского рынка, которая проводилась раз в две недели, это имело некоторый успех, и бесплатные аукционы, проводимые в близлежащих местах, оставались относительно редкими.

²⁰³ Elgin Courant and Morayshire Advertiser, 19 Sept. 1862, p. 8e–f. Джеймс Ламсден был видным заводчиком шортхорнов и занимался фермерством в Брако-Грейндже в Банфшире, в четырех милях к юго-востоку от Кита. AJ, 1 Nov. 1877, p. 4g.

²⁰⁴ BJ, 19 May 1868, p. 1b; 26 May 1868, p. 1f.

²⁰⁵ BJ, 15 Nov. 1870, p. 4b; 6 June 1871, p. 4b.

²⁰⁶ MABR, 18 Nov. 1864, Stonehaven Journal (hereafter SJ), 27 Apr. 1865, p. 3e.

²⁰⁷ SJ, 13 Apr. 1865, p. 3e; 11 May 1865, p. 3e; 11 Oct. 1866, p. 3c; MABR, 12 Oct. 1866, p. 5a; 26 Oct. 1866, p. 5a; 28 Dec. 1866, p. 1b; SJ, 3 Jan. 1867, p. 3d; 25 Feb. 1869, p. 3c; 28 Mar. 1867, p. 3e; DC, 13 Dec. 1870, p. 3e.

²⁰⁸ MABR, 26 Jan. 1871, p. 3d; 27 Jan. 1871, p. 4f.

²⁰⁹ DC, 5 Mar. 1872, p. 2a; 29 Oct. 1872, p. 2a; 12 May 1875, p. 4a; 14 May 1874, p. 7e; 10 June 1875, p. 3f; 25 Apr. 1876, p. 4b.

²¹⁰ DC, 28 Apr. 1866, p. 2h; SJ, 7 May 1868, p. 3f; 6 May 1869, p. 3d; 4 May 1871, p. 2f; DC, 25 Apr. 1873, p. 4c; 2 May 1874, p. 3c; 25 Apr. 1876, p. 4b; 22 Apr. 1879, p. 5f.

В отличие от Лоренсекирка, до которого железная дорога была проведена в 1849 г., планируемая деревня Форрес в Моришире была соединена с Абердином веткой Великой Северо-Шотландской железной дороги еще в 1858 г., и прямого сообщения с севером и югом не было, пока в 1863 г. в город не пришла железная дорога Инвернесса и Перта²¹¹. Это объясняет, почему в 1850-х гг. потребовалось больше времени, чтобы стать центром торговли домашним скотом, и не было местных аукционистов, которые использовали бы его позицию на «зеленом рынке» для случайных распродаж. В 1850 г. в городе было всего восемь распродаж крупного рогатого скота, и он был несколько затенен расположенным неподалеку древним городом Элгин, в котором было 11²¹². Расширение городских рынков скота произошло только после того, как в 1863 г. была построена усовершенствованная железнодорожная станция, когда в ноябре того же года городской совет объявил, что здесь будут проводиться ежемесячные ярмарки, а также поискать новую локацию поближе к железнодорожному вокзалу²¹³. Хотя ни одна из них так и не была найден, ежемесячные рынки в течение нескольких лет росли, поскольку железная дорога доставляла в город больше скота и торговцев, этому процессу способствовало открытие отеля «Station» в июле 1865 г.²¹⁴ Но в 1867 г. несколько наиболее состоятельных фермеров графства, которые входили в клуб крупного рогатого скота «Forres and Northern Fat Cattle», основанный двумя годами ранее, образовали акционерное общество, чтобы построить сельскохозяйственный зал для проведения своих декабрьских выставок в закрытом помещении от метелей, с которыми иногда приходится сталкиваться на маркет-грин. Кроме того, он был расположен ближе к железнодорожной станции, чем маркет-грин²¹⁵. Зал сразу же приобрел успех, и к середине 1870-х гг. в нем время от времени проводились аукционы крупного рогатого скота и овец, а также выставки клуба любителей крупного рогатого скота. Кроме того, в 1877 г. фирмой местных аукционистов, господ Росса и Макферсона, было открыто отдельное здание под названием «Мориширский аукционный рынок», которое использовалось для проведения конкурирующих распродаж в «Маркет грин» и «Сельскохозяйственном зале»²¹⁶. К 1879 г. в городе еженедельно проводились аукционы, и когда они совпадали с ежемесячными распродажами, и владельцы непроданных товаров на последних распродажах нередко забирали их с рынка, чтобы попытать счастья либо в сельскохозяйственном отделе, либо на торговой площадке²¹⁷.

К 1884 г. ежемесячные рынки Форреса были в таком плачевном состоянии, что городской совет не смог найти никого, кто согласился бы платить ежегодную арендную плату за проезд по рынку. Он даже запросил

²¹¹ H. A. Vallance, *The Great North of Scotland Railway* (1989), pp. 31–5.

²¹² Russel's Morayshire Register and Elgin and Forres Directory 1850, pp. 187, 218; EC, 29 Mar. 1850, p. 4f.

²¹³ BJ, 10 Nov. 1863, pp. 4b and 6d; Inverness Courier (hereafter IC), 10 Dec. 1863, p. 6b.

²¹⁴ IC, 18 Feb. 1864, p. 7d; 4 Aug. 1864, p. 7e; EC, 14 July 1865, p. 8b–c.

²¹⁵ EC, 2 June 1865, p. 8b–c; 22 Nov. 1867, p. 8b.

²¹⁶ AJ, 12 Dec. 1877, p. 2b; 30 Jan. 1878, p. 7g.

²¹⁷ AJ, 29 Oct. 1879, p. 3b; 16 Feb. 1881, p. 3c–d; 19 Apr. 1882, p. 3d; 8 July 1882, p. 7g; AFP, 17 Mar. 1880, p. 3f; 20 Feb. 1884, p. 7d.

мнение юрисконсульта о том, может ли он взимать таможенные пошлины с животных, продаваемых на аукционах, но ему было отказано²¹⁸. Последние данные о какой-либо активности на ежемесячных ярмарках были получены в апреле 1885 г., но к тому времени выставок животных было слишком мало, чтобы можно было назвать какие-либо цены, в то же время на аукционе были хорошо представлены все классы акций, а торговля была оживленной²¹⁹. После этого Мориширский аукционный рынок стал главным рынком сбыта домашнего скота в городе.

VI

Если рассматривать вопрос о происхождении и собственности, то можно сказать, что в 1870-х гг., как и у господ Росса и Макферсона в Форресе, ярмарки-аукционы скота за пределами Абердина начинались как частные семейные фирмы, но в 1896 г. они стали публичными компаниями с ограниченной ответственностью²²⁰. К 1900 г. многие другие были преобразованы в публичные компании с ограниченной ответственностью, или начали как таковые, как ACFPA в Абердине, воспользовавшись Законом о компаниях 1856 г. и последующими изменениями в корпоративном законодательстве. Окончательный результат этого процесса представлен в таблице 4, из которой видно, что к 1900 г. только девять из 34 торговых точек региона все еще управлялись как семейные фирмы. Эта тенденция в пользу ограниченной ответственности соответствовала аналогичному развитию более широких деловых кругов Великобритании и Шотландии²²¹.

Хороший пример можно найти в городке Стонхейвен в графстве Кинкардиншир, расположенном примерно в 14 милях к югу от Абердина. С 1875 г. аукционисты Джон Браун и Александр Мюррей, действовавшие в рамках партнерства «Браун и Мюррей», ежемесячно проводили аукционы крупного рогатого скота на рыночной площади города. В 1878 г. они приобрели помещение в черте города и в августе открыли свой «новый аукционный рынок крупного рогатого скота», увеличив объем продаж до двух недель²²². К 1880 г. их бизнес вырос до еженедельных распродаж скота, и они продолжали заниматься этим до конца 1880-х гг. Но в конце 1890 г. Джон Браун уволился из фирмы, и Александр Мюррей продолжил руководить ею вместе со своим братом Уильямом под именем А. и У. Мюрреев²²³. В начале 1892 г. партнерство и помещения перешли во владение Stonehaven Auction Company Limited. Согласно проспекту ценных бумаг, акционерный капитал компаний составлял 4000 ф. ст. в виде 4000 акций по 1 фунту каждая. Мы не знаем, сколько из этого было взято на себя, но, как говорилось в сообщениях прессы, «В состав

²¹⁸ AJ, 14 Apr. 1880, p. 3c; AFP, 13 Feb. 1884, p. 3c; AJ, 11 Feb. 1885, p. 7f.

²¹⁹ AJ, 15 Apr. 1885, p. 3c-d; Robert Douglas, *Annals of the Royal Burgh of Forres* (1934), p. 343.

²²⁰ AJ, 4 Nov. 1896, p. 3e; 14 Mar. 1900, p. 2d; 14 May 1914, p. 3f.

²²¹ L. Hannah, *The rise of the corporate economy* (1976); P. L. Payne, *The early Scottish limited liability companies 1856–1895* (1980).

²²² AJ, 13 Jan. 1875, p. 7f; 12 Dec. 1877, p. 7g; 6 Aug. 1878, p. 1d; 16 Aug. 1878, p. 2b.

²²³ AFP, 29 May 1880, p. 1g; AJ, 29 Dec. 1890, p. 7d; AFP, 2 Jan. 1891, p. 1a; 9 Jan. 1891, p. 7e.

директоров входит большинство фермеров округа», а Мюрреи остались управляющими, это, безусловно, было поглощение, финансируемое фермерами²²⁴. Увеличившийся капитал позволил фирме еще больше расшириться, открыв филиал в соседнем городе Банкори. Поскольку в этом городе не было аукционного рынка, первые продажи начались под открытым небом летом 1892 г. в олд-маркет-стейнз, где фирма впоследствии договорилась с муниципальным советом о строительстве торгового центра, который был открыт в апреле 1893 г.²²⁵ Оба магазина, по-видимому, пользовались успехом, и в 1896 г. акционеры получили необлагаемые налогом дивиденды в размере 6%, уровень которых поддерживался до конца столетия²²⁶.

Важной особенностью перехода от открытых рынков к аукционам в 1890-х гг. стал упадок семейных фирм и появление новых акционерных обществ, финансируемых местными группами фермеров, бизнесменов и землевладельцев, которые считали, что регулярные еженедельные или двухнедельные тайные распродажи дают им больший контроль над рыночной системой. В 1890 г., когда была основана аукционная компания Кинкардиншира, базирующаяся в Лоренскирке, акции были приобретены более чем 200 местными фермерами и сельскохозяйственными бизнесменами²²⁷. Другими примерами того, как финансируемые фермерами компании с ограниченной ответственностью приобретали или создавали аукционные площадки, были Стришен в феврале 1894 г., Даффтаун в октябре 1895 г. и Террифф в 1898 г.²²⁸ Что касается Стришена, то его аукционный рынок, основанный Алексом Колдером в 1882 г., был передан в ведение компании *Strichen Auction Mart*²²⁹. Аукционные продажи, первоначально проходившие под открытым небом, также были проведены Джоном Беллом-старшим в 1880-х гг., до того как в 1898 г. была образована компания «*Turriff Cattle and Auction Mart Company Limited*» с капиталом в 6000 ф. ст. в виде акций стоимостью 1 ф. ст., которая стала действующим предприятием конкурирующего частного бизнеса Александра Джонстона. Это означало, что к 1900 г. в городе было два аукционных рынка: финансируемый фермерами «*Turriff Mart*», которым по-прежнему управлял Александр Джонстон, и частный аукционный рынок «*Shire*», которым теперь управляли Джон Белл-младший и Уильям Флетт.²³⁰

---

²²⁴ AJ, 14 Jan 1892, p. 3c.

²²⁵ AFP, 3 June 1892, p. 2e; AJ, 14 Oct. 1892, p. 2c; 28 Apr. 1893, p. 3f.

²²⁶ AJ, 20 Mar. 1896, p. 3d; DC, 12 Mar. 1897, p. 3e; Dundee Advertiser, 18 Mar. 1898, p. 4f; DC, 17 Mar. 1899, p. 3a; AJ, 15 Mar. 1900, p. 6f.

²²⁷ AJ, 5 Feb. 1890, p. 7f; 19 Mar. 1890, p. 7e, DA, 25 Mar. 1890, p. 4g.

²²⁸ AJ, 6 Feb. 1894, p. 1e; 26 Oct. 1895, p. 4b; DC, 2 July 1898, p. 6b.

²²⁹ AJ, 14 Oct. 1882, p. 5d; AFP, 24 Sept. 1884, p. 1f; AJ, 14 Feb. 1894, p. 8e.

²³⁰ AJ, 10 Mar. 1888, p. 5g; AFP, 27 Sept. 1889, p. 2e; AJ, 2 Apr. 1896, p. 2f; 20 Apr. 1896, p. 7b; 29 Dec. 1897, p. 7g; 16 Aug. 1899, p. 11f; 9 Feb. 1900, p. 2b.

TABLE 4: Livestock auction markets in north-east Scotland, c.1900

Place	Name	Ownership	Ownership	No. of marts
Aberdeen	Belmont Auction Mart	Alec Middleton and Son	Family firm	
	Central Auction Mart Aberdeen	Aberdeen Cattle and Farm Produce Association Limited ^a	Farmer	4
	City Auction Mart	John Duncan	Family firm	
	Kittybrewster Auction Market	Messrs Reith and Anderson	Family firm	2
Aboyne	Aboyne Auction Company Limited	Aboyne Auction Company Limited	Farmer	
Banchory	Banchory Auction Mart	Stonehaven Auction Company Limited	Farmer	2
Brechin	The Farmers' Mart	Brechin Farmers' Mart Limited	Farmer	
Craigellachie	Craigellachie Auction Mart	Craigellachie Auction Company Limited	Farmer	
Dufftown	The Auction Company	The Dufftown Auction Company Limited	Farmer	
Elgin	Elgin Market Green Auction Co. (Ltd.)	Elgin Market Green Auction Company Limited	Farmer	
	Northern Auction Company Limited	Northern Auction Company Limited	Farmer	3
Ellon	Central Auction Mart	Central Auction Mart Company Limited	Farmer	4
	Ythanside Mart	Ythanside Farmers' Auction Company Limited	Farmer	
Forfar	Forfar Auction Market	Messrs Scott and Graham Limited	Farmer	
	Forfar Auction Mart	Strathmore Auction Company Limited	Farmer	2
Forres	Forres Auction Mart	Forres Auction Company Limited	Farmer	
Fraserburgh	Fraserburgh Auction Mart	John Bell	Family firm	2
Huntly	Northern Auction Co. Limited	Northern Auction Company Limited	Farmer	3
Insch	Northern Auction Co. Limited	Northern Auction Company Limited	Farmer	3
Kirriemuir	Kirriemuir Auction Mart	Strathmore Auction Company Limited	Farmer	2
Laurencekirk	Kincardineshire Auction Company Limited	Kincardineshire Auction Company Limited	Farmer	
Maud	Buchan Central Auction Mart	Messrs Reith and Anderson	Family firm	2
	County Auction Mart	John Bell	Family firm	2
	New Maud Auction Mart	William Findlay	Family firm	2
Montrose	Montrose Auction Company Limited	Montrose Auction Company Limited	Farmer	
Nairn	Nairnshire Auction Mart Company Limited	Nairnshire Auction Mart Company Limited	Farmer	
Oldmeldrum	Oldmeldrum Auction Mart	Oldmeldrum Auction Mart Company Limited	Farmer	

Place	Name	Ownership	Ownership	No. of marts
Peterhead	Peterhead Auction Mart	William Findlay	Family firm	2
Rothienorman	Rothienorman Auction Mart	Central Auction Mart Company Limited	Farmer	4
Stonehaven	Stonehaven Auction Company Limited.	Stonehaven Auction Company Limited.	Farmer	2
Strichen	Strichen Auction Co., Limited.	Strichen Auction Company Limited	Farmer	
Torphins	Central Mart, Torphins	Central Auction Mart Company Limited	Farmer	4
Turriff	Shire Auction Market	John Bell Jnr and William Flett	Family firm	
	Turriff Auction Mart	Turriff Auction Mart Company Limited	Farmer	

^a The marts of this company in Aberdeen, Ellon, Rothienorman and Torphins were all operated under the name of the Central Auction Mart Company Limited.

Sources: *Aberdeen Journal*, *Peterhead Sentinel*, *Dundee Courier*, 1898–1900, *passim*.

Создание множества филиалов аукционных фирм также было еще одной особенностью 1890-х гг. В 1896 г. группа местных фермеров и бизнесменов решила открыть аукционный дом в Хантли²³¹. Но еще до того, как торговый центр был построен на участке, прилегающем к железнодорожной станции, на земле, арендованной у герцога Ричмонда и Гордона (которым принадлежал город), было решено объединить концерн с аукционной торговой компанией Elgin, основанной в 1888 г., и переименовать новую фирму в Elgin and Strathbogie Auction Mart Company (ESAMC)²³². Новая компания еще больше расширилась, когда фермеры из Инша решили отказаться от своих ежемесячных рынков сбыта, создать компанию и построить собственный аукционный рынок. Но еще до того, как они назначили архитектора для разработки планов, директора ESAMC встретились и предложили объединить их с предлагаемой аукционной компанией Insch под новым названием Northern Auction Company Limited (NAC) с филиалами в Элгине, Хантли и Инше. Это предложение было одобрено всеми сторонами, и в декабре 1898 г. NAC провел свои первые рождественские распродажи на всех трех рынках²³³.

Фирмы также переезжали из Абердина, чтобы основать филиалы по всей стране и конкурировать с местными аукционистами. Уже в ноябре 1876 г. Александр Миддлтон, управлявший магазином Belmont mart в Абердине, открыл новый магазин в Ките. Вскоре у него появилась конкуренция со стороны местной фирмы Манделла и Хендри²³⁴. Аукционистом в этом партнерстве был Джордж Хендри, сын Джеймса Хендри, который с 1825 г. проводил распродажи урожая, скота и недвижимости в городе и его окрестностях, а также нерегулярные аукционы по продаже скота, посвященные положению на рынке в городе в 1860-х гг., что подробно описано

²³¹ AJ, 20 Feb. 1895, p. 6d.

²³² AJ, 18 Sept. 1888, p. 6e; 23 May 1896, p. 5c; 27 May 1896, p. 2b; 15 Aug. 1896, p. 6d; 4 Feb. 1897, p. 7f.

²³³ AJ, 25 Jan. 1898, p. 6f; 16 May 1898, p. 4g; 2 Dec. 1898, p. 1f.

²³⁴ AJ, 15 Nov. 1876, p. 4c; 13 Dec. 1876, p. 7g; 20 Dec. 1876, p. 7g.

выше, в разделе V²³⁵. Кит был необычен, поскольку он это был древний город с хартией, датируемой 1195 г., который позже был преобразован в планируемый город двумя соседними землевладельцами, графом Финдлейтером с 1750 г. и графом Файфом с 1817 г.²³⁶. Поскольку каждый из них разрешил построить торговый центр для содействия развитию своих районов города, Миддлтон и Хендри проводили свои аукционы в отдельных помещениях.

В феврале 1887 г. aberдинская фирма господ Райта и Андерсона открыла свой Центральный аукционный рынок Бьюкена в Мод²³⁷. Мод был железнодорожным узлом, где соединялись линии, ведущие в Абердин из Фрейзербурга и Питерхеда. Благодаря такому расположению он стал важным центром сбыта животноводческой продукции, и в нем уже был аукционный рынок, принадлежавший Уильяму Финдли, который с 1878 г. управлял магазинами в Мод и Питерхеде²³⁸. В 1890-х гг. он также привлек другого местного аукциониста для открытия там третьего рынка. Это был Джон Белл, который в 1878 г. основал аукционный дом во Фрейзербурге. В мае 1895 г. он основал окружной аукционный дом в Мод, не позволив ни одной из других фирм, базирующихся в Абердине, открыть там филиал²³⁹.

В 1896 г. ACFPA, единственное акционерное общество, занимающееся продажей скота на аукционах в Абердине, открыло филиал за пределами города, построив и открыв небольшой магазин в Торфинсе на Дисайде, деревне, обслуживаемой железнодорожной линией Дисайда. Когда магазин открылся в августе 1896 г., он мог вместить 150 голов крупного рогатого скота, 250 овец и 80 свиней, с торговым кругом размером 30 на 40 футов и местами для сидения и стояния 200 покупателей. До этого в деревне ежемесячно проводились ярмарки скота, но на новом рынке распродажи проводились раз в две недели²⁴⁰. В июне 1898 г. Ассоциация открыла еще один филиал в городке Эллон, в 16 милях к северу от Абердина. Обстоятельства этого были необычными, поскольку в то же время другая aberдинская фирма, Belmont Auction Mart Company Алекса Миддлтона, также открыла свой магазин в городе. Но после девяти месяцев конкурентной борьбы Миддлтон продал филиал Ellon аукционной компании фермеров Итансайда за 1150 ф. ст.²⁴¹ Эта компания была основана в марте 1899 года группой местных фермеров и бизнесменов с капиталом в 2000 ф. ст., распределенных в виде акций номиналом в один фунт, специально для покупки рынка, что снова помешало ACFPA получить местную монополию²⁴².

---

²³⁵ BJ, 16 Aug. 1870.

²³⁶ Old Statistical Account of Scotland, (21 vols, 1791– 99), V, pp. 418, 420; NSA, XIII, p. 391.

²³⁷ AJ, 10 Feb. 1887, p. 3d.

²³⁸ AJ, 20 Aug. 1878, p. 1d; 15 June 1899, p. 7d.

²³⁹ AJ, 2 Mar. 1878, p. 7b; 17 Mar. 1896, p. 1e; 19 Feb. 1902, p. 7a.

²⁴⁰ AJ, 20 Aug. 1896, p. 7b; 3 Aug. 1899, p. 3d.

²⁴¹ AJ, 7 June 1898, p. 7f; 9 June 1898, p. 7h, 14 Apr. 1899, p. 4f.

²⁴² Glasgow Herald (Hereafter GH), 31 Mar. 1899, p. 5c.

VII

Это превращение животноводческих рынков в аукционные площадки было осуществлено не без противодействия. В своем исследовании фермерского хозяйства региона Иан Картер упоминает, что мясникам не нравились аукционные рынки, и они создали картель, чтобы разрушить первый в Абердине рынок первоходцев²⁴³. Однако это чрезмерно упрощает события и не учитывает тот факт, что в трех случаях, и не только в Абердине, местные мясники пытались помешать переходу от рынков к аукционам. Неудивительно, что они так и поступили, поскольку в 1800 г. активными участниками маркетингового процесса были мясники и торговцы домашним скотом, которые ходили от фермы к ферме и с рынка на рынок, собирая свои стада. Их отношения с производителем были индивидуальными, и они были неоспоримыми посредниками в регулировании спроса, поскольку цены определялись на основе информации, которой они располагали. Это положение не претерпело существенных изменений даже со строительством железных дорог и телеграфа.

По словам Кива, телеграф часто следил за строительством железной дороги и был запущен в Абердине к 1854 г.²⁴⁴ Но ее результатом стало усиление позиций городских мясников и продавцов мяса на северо-востоке Шотландии. Слабость позиции фермеров заключалась в том, что их информация о рынках и ценах всегда была неполной, в то время как после 1854 г. абердинские продавцы и мясники, которые напрямую торговали с Англией, всегда имели самую свежую информацию о продажах скота и мяса и ценах в Лондоне и других местах от своих английских коллег. Фермеры не имели непосредственного доступа к телеграфным службам, и им не к кому было обратиться за ежедневной информацией о состоянии рынка. «*Aberdeen Journal*», хотя и издавался с 1747 г., был неадекватной заменой. Она выходила по средам и в 1850-х и 1860-х гг. все еще оставалась еженедельной. И в то время как его прямой конкурент «*Aberdeen Free Press*» выходил ежедневно с 1872 г., «*Aberdeen Journal*» стал ежедневной газетой только после мая 1876 г.²⁴⁵ Даже тогда рыночные сводки Лондона и цены, публиковавшиеся в обеих газетах с 1870-х по 1890-е гг., по-прежнему соответствовали данным за предыдущие пару дней, что означало, что дилеры всегда имели доступ к текущей информации о ценах через телеграфное отделение в Абердине, но цены, которые фермеры получали через газеты, запаздывали как минимум на 48 часов.

Аукционные площадки изменили эту ситуацию, уменьшив информационную асимметрию: мясники и дилеры, располагающие актуальной информацией о ценах, торгующиеся друг с другом, убедили

²⁴³ Ian Carter, *Farm life in northeast Scotland 1840–1914: the poor man's country* (1979), p. 49.

²⁴⁴ J. L. Kieve, *The electric telegraph: a social and economic history* (1973), pp. 44–5, 73–4, 87–9; AJ, 27 Dec. 1854, p. 5c.

²⁴⁵ W. H. Fraser, 'The Press', in Fraser and Lee, *Aberdeen*, p. 456. 92 AFP, 31 Mar. 1871, p. 1a.

фермеров в том, что цены, которые они получают, являются результатом честной конкуренции. Естественно, некоторым мясникам Абердина это изменение не понравилось. В конце марта 1871 г. в рекламе, опубликованной в «Aberdeen Free Press», 36 мясников Абердина призвали к полному отказу от торговли на рынке Джона Дункана на Кинг-стрит. Они утверждали, что продажа откормленного скота на аукционе в Абердине нарушила работу «хорошо организованных местных рынков». Они сообщили, что местные торговцы посещают фермеров и скупают скот, «занимая позицию посредника между фермером и мясником, к разочарованию тех, кто регулярно посещает различные рынки»²⁴⁶. Это письмо вызвало ожесточенные дебаты в прессе и было перепечатано в «Aberdeen Journal» и «Banffshire Journal» вместе с ответом Дункана, в котором говорилось, что большинство подписавших письмо не были покупателями на его рынке и составляли лишь треть мясников в Абердине. Он также отметил, что, хотя мясники и дилеры из Абердина также закупали скот непосредственно на фермах, а затем продавали на местных рынках, на его распродажах более трех четвертей скота по-прежнему поступало «от производителя или откормщика»²⁴⁷.

Но реклама «36 мясных лавок» была в значительной степени проигнорирована остальными торговцами, и это, а также последовавшие за этим дебаты никак не повлияли на продажи Джона Дункана на Кинг-стрит²⁴⁸. В 1881 г., спустя десять лет после его битвы с мясниками, 150 его сторонников пригласили его на публичный обед в Абердинском мюзик-холле под председательством его самого сильного защитника, землевладельца и фермера Арчера Фортескью, владельца поместья Кингкоузи в восьми милях от Абердина, на южном берегу реки Ди, который покровительствовал его продажам с самого начала. Среди собравшихся было даже несколько мясников, и их профессия была одной из тех, что предлагались в тостах в конце трапезы. Но большинство присутствующих были фермерами, землевладельцами и бизнесменами, которые предоставляли вспомогательные услуги для сельскохозяйственной отрасли, такими как банкиры, торговцы удобрениями и некоторые другие аукционисты Абердина²⁴⁹.

Спустя 12 лет была проведена вторая акция протesta против аукционов скота, но на этот раз она прошла в Ките, а не в Абердине. Расположенный в 49 милях к северо-западу от Абердина и связанный с ним железной дорогой в 1857 г., он к 1880-м гг. превратился в центр переработки мясной тушки на севере, поставляя на лондонский рынок до 250 кусков говядины в неделю²⁵⁰. С 1876 г. здесь были две аукционные площадки, описанные ранее, один из

²⁴⁶ AFP, 31 Mar. 1871, p. 1a

²⁴⁷ AJ, 29 Mar. p. 1a–b; BJ, 4 Apr. 1871, p. 1b.

²⁴⁸ AJ, 12 Apr. 1871, p. 8e; AFP, 14 Apr. 1871, p. 8c; AJ, 19 Apr. 1871, p. 8e; 26 Apr. 1871, p. 8d; 3 May 1871, p. 9a.

²⁴⁹ AJ, 4 Jan. 1881, p. 6a.

²⁵⁰ BJ, 16 Mar. 1869, p. 6a; AJ, 28 Dec. 1886, p. 7a.

которых принадлежит местному аукционисту Джорджу Хендри, а другой – Алеку Миддлтону, владельцу «Belmont Mart» в Абердине²⁵¹.

В начале 1883 г. некоторые мясники и торговцы из Кита подписали соглашение о том, что они воздержатся от покупки скота на аукционных рынках в Инвернессе, Ките, Форресе и Грантауне, заявив, что предпочитают иметь дело напрямую с фермерами либо на их фермах, либо на скотных рынках «как в старые времена», без участия продавцов скота (то есть аукционистов). Они также обвиняли фермеров, которые использовали аукционы для продажи своего скота, в том, что они завышали цену или подговаривали к этому своих друзей²⁵². В 1881 г. на ярмарке Алекса Миддлтона была предпринята подобная попытка, когда животные, совместно принадлежавшие фермеру и мяснику, были выставлены на торги мясником, который вел себя так, будто не имел никакой деловой связи ни с фермером, ни со скотом. Это заметил Миддлтон, который проигнорировал предложение мясника. Когда пострадавшие совладельцы животных подали иск в суд по мелким долгам Абердина, шериф согласился с иском Миддлтона, и истцы должны были оплатить все судебные издержки²⁵³.

На собрании фермеров, состоявшемся в Ките 20 января 1883 г. для обсуждения угрозы мясников, царило умиротворяющее настроение. Хотя об аукционных рынках ничего не говорилось, было предложено изменить график проведения городского рынка скота с ежемесячного на двухнедельный и провести еще одно собрание через неделю для принятия окончательного решения после всесторонних консультаций с фермерами, которые не присутствовали на собрании²⁵⁴. Но на их следующей встрече было решено не проводить двухнедельные ярмарки, а ограничиться ежемесячными²⁵⁵. Лондонская газета «Morning Post», комментируя деятельность дилеров и мясников Кита, сообщила, что они практически остановили следующую распродажу, которая должна была состояться в аукционном зале Кита, но не уточнил, какую именно²⁵⁶.

Трудно судить, насколько эффективной была угроза бойкотировать аукционы Кита, поскольку в течение следующих нескольких месяцев все аукционы по продаже скота и рынки на северо-востоке страны были приостановлены из-за национальной вспышки ящура и правительственный ограничений на передвижение скота²⁵⁷. До конца 1883 г. традиционные аукционы по продаже скота были приостановлены. Ярмарки в Ките проводились ежемесячно, когда позволяли правила борьбы с болезнями, но в том году больше не было записей о каких-либо аукционах²⁵⁸. Аукционы скота

²⁵¹ AJ, 28 Apr. 1877, p. 1f.

²⁵² AJ, 22 Jan. 1883, p. 2h.

²⁵³ AEE, 10 Feb. 1881, p. 2c.

²⁵⁴ AJ, 22 Jan. 1883, p. 2h; reprinted 27 Jan. 1883, p. 8a.

²⁵⁵ AJ, 10 Feb. 1883, p. 8c.

²⁵⁶ Morning Post, 13 Feb. 1883, p. 6b.

²⁵⁷ A. Woods, A manufactured plague? The history of foot-and-mouth disease in Britain (2004), pp. 1–19; AJ, 16 Feb. 1883, p. 7e–f; 10 Apr. 1883, p. 4h; 5 May 1883, p. 2g; 3 Aug. 1883, p. 7e.

²⁵⁸ AJ, 3 Mar. 1883, p. 4g; 7 Apr. 1883, p. 3g; 5 May 1883, p. 3h; 15 June 1883, p. 3e; 21 July 1883, p. 8e.

возобновились в Ките в 1884 г., но в гораздо меньших масштабах и только на одном рынке, который несколько раз переходил из рук в руки. Алек Миддлтон разочаровался в городе и решил, что будет проще сконцентрироваться на своем «Belmont Mart» в Абердине. По словам местного историка Кита, аукционный магазин Джорджа Хендри был вынужден закрыться из-за бойкота покупателей²⁵⁹. Если это было так, то он был сдан в аренду некоему мистеру У.У. Стюарту, который провел свои первые распродажи в ноябре и декабре 1884 г., а также еженедельные распродажи в 1885 г. и 1886 г.²⁶⁰ Затем он использовался различными аукционистами, пока не перешел обратно под контроль семьи Хендри, а брат Джорджа Роберт проводил еженедельные распродажи с 1891 г. по апрель 1894 г.²⁶¹ После этого у Кита не было активного аукциона домашнего скота.

Учитывая столь частую смену собственников, маловероятно, что мясные аукционы были легко подавлены одной лишь оппозицией мясников: этому способствовали и другие факторы. Кит был окружен множеством рынков, до которых было легко добраться (см. карту 1), и это вряд ли оправдывало наличие двух аукционных площадок, существовавших с 1876 г. Когда мы рассматриваем другие аукционные площадки, которые его мясники угрожали проигнорировать, – Инвернесс, Грантаун и Форрес, – мы обнаруживаем, что они не смогли остановить аукционы ни на одной из них. Те, кто жил в Грантауне и Форрессе, процветали, и, хотя Инвернесс-Март находится за пределами региона, о котором идет речь в этой статье, к 1889 г. там проводились еженедельные аукционы скота, а к 1891 г. две фирмы-аукциониста проводили еженедельные распродажи²⁶².

Третья и последняя попытка местных мясников и торговцев мясом сорвать региональные аукционы по продаже скота была предпринята в 1897 г. и имела общегосударственный масштаб. Спор начался в Глазго в июне 1896 г., когда Ассоциация защиты мясников Глазго (Glasgow Fleshers Protection Association; GFPA), группа оптовых мясников и торговцев мясом, попыталась помешать Шотландскому кооперативному оптовому обществу (Scottish Co-operative Wholesale Society; SCWS) покупать скот на городском рынке мертвчины на Мур-стрит. В последующие недели это правило распространилось и на аукционные рынки, где угрожали бойкотировать любого аукциониста или магазин, продающий скот SCWS²⁶³. В июле 1897 г. спор распространился на Абердин и северо-восток страны, когда мясники Абердина выдвинули ультиматум не иметь никаких дел с теми, кто занимается торговлей мясом и сотрудничает с Северным кооперативным обществом города (Northern Co-operative Society; NCS). Оно было основано в 1861 г. и к 1896 г. управляло 10 розничными мясными лавками в городе, в то

²⁵⁹ John W. Cowie, *Recollections of Keith, Fife-Keith and Newmill* (1928), p. 30.

²⁶⁰ AJ, 17 Nov. 1884, p. 3d; AFP, 12 Dec. 1884, p. 7b; AJ, 13 Dec. 1884, p. 8d; 22 Dec. 1884, p. 3e; 18 May 1885, p. 73; 9 Dec. 1886, p. 3f.

²⁶¹ AFP, 27 Mar. 1891, p. 2d; 24 Sept. 1892, p. 2d; 13 Jan. 1894, p. 2a; 20 Apr. 1894, p. 2g.

²⁶² Inverness County Directory, 1889, p. 118; IC, 2 Jan. 1891, p. 8e.

²⁶³ J. Kinloch and J. Butt, *History of the Scottish Cooperative Wholesale Society Limited* (1981), pp. 253–4.

время как у частных торговцев было 94²⁶⁴. Ультиматум включал не только аукционистов и других мясников, которые поставляли NCS скот или мясо, но и фермеров, которые были членами кооперативного общества и/или поставляли ему любые товары. фермерские продукты²⁶⁵. Столкнувшись с этой угрозой, aberдинские аукционисты в конце концов согласились с требованиями мясников подписать соглашение, которое, заимствуя терминологию движения за трезвость, получило название «залог», ограничить их деловые отношения с теми торговцами скотом и фермерами, которые согласились не иметь никаких дел с NCS²⁶⁶.

Хотя все четыре aberдинские фирмы были готовы удовлетворить требования мясников, аукционисты в других частях региона были менее сговорчивы. Когда фермеры, владевшие большей частью акций аукционной компании Кинкардиншира, встретились, чтобы обсудить вопрос о залоге, это было названо эгоистичной попыткой контролировать торговлю мясом по всей стране и единогласно отвергнуто, и они решили продолжить продажу тому, кто предложит самую высокую цену²⁶⁷. На важных рынках в деревне Мод, где три отдельные компании проводили аукционы, которые осуществляли большую часть торговли домашним скотом в Бьюкене и Северном Абердиншире и за их пределами, одна из тамошних семейных фирм, возглавляемая Джоном Беллом, также отказались участвовать в бойкоте²⁶⁸. В то время как две другие фирмы в Мод колебались и говорили, что подождут и посмотрят, как будет развиваться ситуация, Джон Белл с самого начала был тверд в своих намерениях, заявив репортеру «Aberdeen Journal»: «Я продам тому, кто предложит самую высокую цену, независимо от того, будет ли он сотрудничать или нет. Джон Белл все это время сам занимался продажами, и Джон Белл будет продолжать это делать, пока магазин не закроется»²⁶⁹. Но, в отличие от Джона Белла и аукционной компании Кинкардиншира, многие другие местные магазины были pragmatичны в своем подходе и решили подождать и посмотреть, как будут развиваться события, прежде чем принимать чью-либо сторону. Поскольку в городах за пределами Абердина не было кооперативных магазинов, в которых работали бы мясные лавки, вопрос о местной конкуренции с их стороны никогда не возник²⁷⁰.

Продлившийся около 12 недель бойкот прекратился, но не из-за каких-либо событий на северо-востоке, а потому, что аукционисты скота в Пертшире и Центральной Шотландии, уставшие от того, что мясники из Глазго диктуют, как им следует управлять своими фирмами, решили отказаться от этого

²⁶⁴ R. Perren, 'Survival and Decline: The Economy 1918–1970', in Fraser and Lee, Aberdeen, pp. 115–16; Aberdeen Directory, 1896–97, pp. 286, 406–7.

²⁶⁵ AJ, 24 July 1897, p. 4f; DC, 24 July 1897, p. 6c.

²⁶⁶ The Scotsman, 10 Aug. 1897, p. 7d; AJ, 10 Aug. 1897, p. 4b.

²⁶⁷ The Scotsman, 10 Aug. 1897, p. 7d–e.

²⁶⁸ AJ, 19 Aug. 1897, p. 6c–d.

²⁶⁹ AJ, 12 Aug. 1897, p. 5h.

²⁷⁰ AJ, 21 Aug. 1897, p. 6c.

обещания²⁷¹. Когда начался обвал, аукционисты в Абердине, Абойне, Стонхейвене и Мод заявили мясникам Абердина, что «после справедливого судебного разбирательства с их стороны» они также откажутся от бойкотирования и со 2 декабря возобновят нормальную практику продажи по самой высокой цене²⁷².

Бойкот провалился по разным причинам. Поначалу не все аукционисты были готовы согласиться с требованиями мясников и исключить всех участников аукциона. Аукционисты столкнулись с ожесточенными возражениями фермеров, как на национальном, так и на местном уровнях, когда те подписали соглашение с мясниками. Фермеры утверждали, что именно они наняли аукционистов и продавцов, чтобы получить лучшую цену за свой скот, и этого нельзя было бы достичь, если бы какая-либо группа платежеспособных участников торгов внезапно была отстранена от торгов. Аукционисты ответили, что они не смогут получить никаких цен для своих фермеров, если основная группа покупателей – мясники – откажется присутствовать на их распродажах. Но положение на всех аукционах было неодинаковым. Наиболее подвержены давлению мясников были городские аукционные фирмы, которые регулярно проводили крупные распродажи несколько раз в неделю. В Абердине три из четырех аукционов по продаже домашнего скота были семейными. Весь доход этих людей зависел от их бизнеса, и если их бойкотировали в течение какого-либо периода времени, они сталкивались с увольнениями персонала и закрытием своих помещений. Но аукционисты, занимающиеся сельским скотоводством, были в другом положении. Как видно из таблицы 4, здесь риски были распределены, поскольку многие сельские фирмы были акционерными обществами, в настоящее время принадлежащими местным фермерам и землевладельцам, которым принадлежала большая часть акций. Сельские аукционные фирмы с нанятым менеджером не были основным источником дохода ни для кого из этих людей, и именно они составляли основную оппозицию тем мясникам, которые хотели исключить всех кооператоров. Даже у Джона Белла, который выступал против бойкота в Мод, были другие предприятия, в том числе крупная ферма²⁷³.

Успех аукционов давал преимущества всем, кто ими пользовался. Это не всегда было очевидно дилерам и мясникам, которые покупали жирное мясо, и многие до сих пор с некоторой ностальгией вспоминали прежнюю систему открытых рынков во время конфликта 1897 г. Но в 1900 г. масштабы животноводства на северо-востоке Шотландии расширились настолько, что традиционная система сбыта перестала справляться с таким количеством задействованных животных. Если в 1800 г. северо-восточная Шотландия была главным образом экспортером крупного рогатого скота и овец, то к 1900 г. она

²⁷¹ GH, 23 Nov. 1897, p. 9b; The Scotsman, 23 Nov. 1897, p. 6h; Edinburgh Evening News, 29 Nov. 1897, p. 3a; Dundee Evening Telegraph, 29 Nov. 1897, p. 4g.

²⁷² DC, 30 Nov. 1897, p. 3e.

²⁷³ AJ, 1 Sept. 1901, p. 4f.

стала не только экспортировать большое количество жирного скота, но и импортировать значительное количество племенных животных, в основном из Ирландии. Из таблицы 3 видно, что в 1850-х гг. через единственный рынок Абердина на Кинг-стрит проходило около 9000 голов крупного рогатого скота в год, но в период с 1895 г. по 1900 г. на четырех городских рынках ежегодно обрабатывалось в среднем 58 400 голов крупного рогатого скота в год, или по 14 600 голов на каждом²⁷⁴. Кроме того, наблюдалось неизвестное, но увеличившееся поголовье мелкого рогатого скота, и маловероятно, что старая хаотичная система ярмарок и рынков могла бы эффективно справиться с таким увеличением поголовья.

Трансформация системы сбыта животноводческой продукции с открытых рынков на аукционные площадки также отразилась на росте относительной силы фермерского сообщества. Главной привлекательностью, с точки зрения более крупных и состоятельных фермеров, было то, что, будучи основной группой акционеров в акционерных магазинах животноводческой продукции, они теперь обладали большим, хотя и не полным контролем над системой сбыта животноводческой продукции. К 1900 г. большинство крупных фермеров региона были акционерами своих местных торговых точек, и, содействуя созданию ряда небольших сетей совместных торговых точек, показанных в таблице 4, они признали, что существует общность интересов в совместной работе. Это резко отличалось от 1850-х и 1860-х гг., когда увеличение числа традиционных рынков сопровождалось ожесточенным соперничеством между местными общинами, каждая из которых стремилась открыть новые рынки сбыта скота в своей местности за счет своих соседей. К 1890-м гг. процесс рационализации многих более ранних рынков, созданных до и после 1850 г., сопровождался сотрудничеством между аукционными площадками. Вместо того чтобы проводить рынки в один и тот же день, аукционисты разносили даты, и в Абердине, Элгине, Эллоне, Форфаре, Моде и Терриффе, когда в один день проводилось более одного рынка, уделялось внимание разнесению времени начала, чтобы покупатели могли беспрепятственно перейти от окончания одного рынка к началу следующего.

VIII

Все попытки местных мясников подорвать позиции новых рынков закончились неудачей, за исключением, возможно, тех, кто находились в Ките. В своем ответе 36 мясникам, угрожавшим бойкотировать его аукционы в Абердине в 1871 г., Джон Дункан пошутил, что их «затягивает в пещеру» непредставимое меньшинство недовольных²⁷⁵. Это была отсылка к национальной политике пятью годами ранее, когда Джон Брайт высмеял членов Либеральной партии, которые в марте 1866 г. сформировали недолговечную фракцию, выступавшую против законопроекта Гладстона о

²⁷⁴ Board of Agriculture, Annual Reports of Proceedings Under the Diseases of Animals Act, the Markets and Fairs (Weighing of Cattle) Acts for 1890, Cd. 535, 1901, pp. 92–3.

²⁷⁵ AFP, 31 Mar. 1871, p. 1a.

парламентской реформе²⁷⁶. И в конце их последней тщетной попытки нарушить работу аукционных площадок и диктовать свои условия в 1897 г., один из директоров ACFPA вызвал легкий смех акционеров, когда сравнил мясников, участвовавших в этом, со «старухой, пытающейся поднести Атлантику метлой»²⁷⁷. Хотя профессиональные аукционисты и не вытеснили их полностью, возможности торговцев скотом и мясников контролировать сбыт скота на северо-востоке Шотландии в 1860-х гг. к 1900 г. значительно сократились.

В заключение, из этого исследования можно сделать более общие выводы о сельском хозяйстве северо-востока в девятнадцатом веке. Во-первых, увеличение числа рынков в некоторых случаях стало дополнительным фактором в развитии запланированных деревень. Хотя на ранних этапах планирования таких деревень и небольших городов основное внимание уделялось планировке улиц и земельных участков, в некоторых случаях к ним добавлялись рынки для продажи скота, где считалось, что это может способствовать дальнейшему развитию. Но во всех случаях успех таких рынков зависел от удобного железнодорожного доступа; и это в равной степени относилось к жителям запланированных деревень, таких как Нью-Байт и Райни, чьи рынки обанкротились из-за отсутствия железнодорожного сообщения, и к уже существующим деревням, таким как Эхт, которые также были обойдены (см. карту 1). Во-вторых, превращение животноводческих рынков в преимущественно фермерские аукционные площадки – это до сих пор игнорируемая особенность коммерциализации фермерства на северо-востоке Шотландии, или капиталистического фермерства, если использовать термин Картера²⁷⁸. Если это не так, то это можно объяснить внедрением более эффективной формы маркетинга, ускоряющей процесс продажи и привлекающей большее количество участников торгов, чем традиционные рынки. Это также можно рассматривать как реакцию фермеров на давление, вызванное падением цен на сельскохозяйственную продукцию в 1880-х гг. Несмотря на трудности, это была успешная попытка фермеров вырвать контроль над значительным сектором сбыта животноводческой продукции у местных торговцев скотом и мясников. Возможно, стоит также изучить, насколько далеко зашли аналогичные изменения в других регионах.

Перевод Сергея Миронюка

Выходные данные статьи: Perren, Richard (2017) From couper to farmers' cooperative: livestock fairs and markets in north-east Scotland from 1800 to 1900. *Agricultural History Review*, Vol. 65, No. 2, pp. 213-234.

²⁷⁶ Брайт назвал их адулламитами, намекая на библейскую пещеру, в которую Давид и другие люди бежали, чтобы спрятаться от разъяренного Саула. K. Robbins, John Bright (1979), pp. 180–1; 1 Samuel xxii 2.

²⁷⁷ AJ, 20 Aug. 1898, p. 7a.

²⁷⁸ Carter, Farm life, pp. 176–84.

«БРАКОНЬЕР» ДЖОНА БРАЙТА: БРАКОНЬЕРСТВО, ПОЛИТИКА И НЕЗАКОННАЯ ТОРГОВЛЯ ЖИВОЙ ДИЧЬЮ В РАННЕЙ ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ*

Харви Осборн

Аннотация. В этой статье рассказывается о жизни и карьере Фредерика Гоуинга, которого когда-то называли «величайшим браконьером Англии». Репутация Гоуинга как профессионального браконьера привлекла к нему внимание всей страны во время руководимой Лигой против хлебных законов популистской кампании против законов об охоте 1840-х гг., когда он представил доказательства о нанесении ущерба интересам государства, в специальный комитет по законам об охоте 1845 г. Его необычайно хорошо задокументированная карьера раскрывает скрытые и неизвестные особенности коммерческого браконьерства в позднегеоргианской и ранневикторианской Англии. Несмотря на то, что Гоуинг в некотором смысле является типичным «викторианским браконьером» и «социальным преступником», его опыт в незаконной торговле дичью, который включал в себя браконьерство маточного поголовья от имени самих охотников за дичью, а также поставку на городские рынки мертвой дичи, иллюстрирует сложность индустрии браконьерства девятнадцатого века, а также ограниченное и часто неоднозначное положение браконьера в обществе. Более поздний переход Гоуинга от осужденного браконьера к респектабельной работе егеря в большом поместье в английском Мидлендсе еще раз подчеркивает двойственную, а иногда и парадоксальную взаимосвязь между браконьерством и ведением охотничьего хозяйства в Англии девятнадцатого века.

Браконьерство по-прежнему в значительной степени рассматривается как «разновидность социальной и сельской преступности», совершающейся преимущественно бедными сельскохозяйственными рабочими, стремящимися «поправить» свое тяжелое экономическое положение²⁷⁹. Это остается убедительным и репрезентативным свидетельством, особенно для тех районов аграрного юга и востока, где интенсивное сохранение дичи сельскохозяйственными землевладельцами сочетается со структурной бедностью сельских трудовых сообществ, что приводит к затяжному конфликту между браконьерами и защитниками животных, который усилился

* Это переработанная версия доклада, первоначально представленного на весенней конференции Британского общества истории сельского хозяйства в 2017 г. Я хотел бы поблагодарить присутствующих за их полезные комментарии, и особенно Джульетту Гайтон за ее последующую помощь в поиске первоисточника. Я также в долу у Вивьен Олдос, Ричарду Хойлу и Майклу Уинстенли за их советы и поддержку.

²⁷⁹ J. E. Archer, “A reckless spirit of enterprise”: Game preserving and poaching in nineteenth-century Lancashire’, in D. W. Howell and K. O. Morgan (eds), *Crime, protest and police in modern British society* (1999), p. 149. J. L. Hammond and B. Hammond, *The Village Labourer, 1760–1832* (1911), p. 186.

в позднегеоргианский период и пошел на убыль только в последние десятилетия правления Виктории²⁸⁰. В этом контексте историки смогли выявить распространенный характер как правонарушений, так и правонарушителей. Как показали исследования, проведенные Аланом Хокинсом, Тимом Шейкшеффом и Джоном Арчефом, лица, привлеченные к ответственности за нарушения законов об охоте в сельскохозяйственных районах, как правило, были местными рабочими, часто батраками на фермах, которые якобы стремились поддержать экономику домашних хозяйств²⁸¹. Относительно немногие были вовлечены в другие формы преступности. Замечание Джозефа Арча о том, что «каждый второй человек, которого вы встречали, был браконьером», подчеркивает как заурядность большинства правонарушителей, так и отсутствие стигматизации, связанной с этим видом преступлений²⁸². Близость к природе, которую обеспечивала сельская работа на самых ранних этапах, способствовала быстрому обучению способам добычи дичи и кроликов. Противодействие законам об охоте, широко распространенное среди всех слоев населения, в сочетании с тесной связью сообществ, которые, как правило, порождают правонарушителей, означало, что браконьеры, как правило, пользовались, по крайней мере, молчаливой поддержкой своих соседей, а зачастую и более активными формами помощи.

В последние десятилетия это понимание правонарушений и правонарушителей подверглось незначительному пересмотру, начиная с детального исследования Дэвида Джонса и, в частности, благодаря работе Джона Арчера²⁸³. Хотя вклад Джонса продолжал подчеркивать прозаическую натуру браконьера, ему также удалось выявить как разнообразные мотивы преступников, так и темный мир коммерческого браконьерства и профессиональных браконьеров. Огромные масштабы незаконной торговли дичью, когда в обычный сезон в Лондон доставляется более 100 000 дюжин яиц фазанов и куропаток, требовали некоторого примирения с пониманием правонарушителей, которые в основном придерживались образа деревенского рабочего, «браконьерствующего ради наживы»²⁸⁴. Более поздние работы Арчера, в частности, посвященные ранневикторианскому Ланкаширу, были направлены на дальнейшее развитие понимания коммерческого браконьерства.

²⁸⁰ P. B. Munsche, *Gentlemen and poachers. The English Game Laws, 1671–1831* (1981). H. Hopkins, ‘The long affray’: The poaching wars in Britain, 1760–1914 (1986). J. E. Archer, ‘Poachers abroad’, in G. E. Mingay (ed.), *The unquiet countryside* (1989), pp. 52–64. H. Osborne and M. Winstanley, ‘Rural and urban poaching in Victorian England’, *Rural Hist.* 7 (2006), pp. 187–212.

²⁸¹ A. Howkins, ‘Economic crime and class law: Poaching and the Game Laws, 1840–1880’, in S. B. Burman and B. E. Harrell-Bond (eds), *The imposition of law* (1979), pp. 273–88. J. E. Archer, “By a flash and a scare”: Incendiaryism, animal maiming and poaching in East Anglia, 1815–1870 (1990). T. Shakesheff, *Rural conflict, crime and protest, Herefordshire, 1800–1860* (2003).

²⁸² J. Arch, *The story of his life, told by himself* (1898), p. 13.

²⁸³ D. J. V. Jones, ‘The poacher: A study in Victorian crime and protest’, *Historical J.* 22 (1979), pp. 825–60. Archer, “A reckless spirit of enterprise”, p. 163; id., ‘Poaching gangs and violence: The urban-rural divide in nineteenth-century Lancashire’, *British J. of Criminology* 39 (1999), p. 32. See also, Osborne and Winstanley, ‘Rural and urban poaching’ and H. Osborne, “Unwomanly practices”: Poaching, crime, gender and the female offender in nineteenth-century Britain’, *Rural Hist.* 27 (2016), pp. 149–68.

²⁸⁴ Hopkins, ‘The Long Affray’, p. 88. BPP, VIII, 1828, Report from House of Lords Select Committee on the Laws relating to Game (Evidence of Mr L. M.), pp. 42–3. Archer, “A reckless spirit of enterprise”, p. 163.

Его выводы также указывают на другие возможные несоответствия с традиционным представлением о браконьеере как о законопослушном сельском работнике, чьи периодические правонарушения были вызваны соображениями выживания. В сельской местности Ланкашира браконьееры, которые больше всего беспокоили власти, были выходцами из городов и промышленных кругов и часто объединялись в банды, известные своим беззаконием и насилием. Более того, эти преступники были в высшей степени ориентированы на рынок, они «браконьеерствовали не ради собственных сиюминутных нужд... они занимались этим ради денег»²⁸⁵. Коммерческий характер браконьеерства в Ланкастере в сочетании с характером преступников, по мнению Арчера, наводил на мысль об «отклонении» от устоявшейся картины преступности в сельской местности юга и востока и вызывал более широкие вопросы. Было ли так, что при оценке браконьеерства и самих браконьееров «некоторые тонкости, нюансы и сложности были упущены или недооценены историками?»²⁸⁶.

Это исследование жизни и карьеры Фредерика Гоуинга, профессионального браконьеера из Восточной Англии, подтверждает предположение Арчера о том, что устоявшиеся представления о браконьеерстве и браконьеерах в некоторых отношениях скрывают неизбежную сложность правонарушений и отдельных правонарушителей. Хотя в некотором смысле опыт Гоуинга подтверждает некоторые традиционные интерпретации преступлений, связанных с браконьеерством, его особенно хорошо документированная карьера также освещает менее известные аспекты браконьеерской индустрии девятнадцатого века. Они включают в себя указания не только на масштабы и прибыльность коммерческого браконьеерства, особенно в охотничьих угодьях Восточной Англии, но и на то, как браконьеерство для продажи часто скрывалось, не в последнюю очередь от более поздних историков. Карьера Гоуинга в сфере незаконной торговли дичью также включала в себя поставку живых птиц и животных, и этот аспект его деятельности подчеркивает участие егерей и хранителей дичи в преступной торговле, которую они якобы намеревались пресечь. Именно этот аспект преступлений, связанных с браконьеерством, привлек внимание общественности после того, как в 1840-х гг. Гоуинг был привлечен к участию в кампании Лиги против хлебных законов, направленной против законов об охоте, и участвовал в качестве свидетеля в работе специального комитета 1845 г. по разработке законов об охоте. По показаниям Гоуинга комитету в качестве сельского поставщика мертвой и живой дичи городским потребителям из среднего класса и землевладельцам браконьееры не только часто действовали на границах нескольких разных миров, но и пересекали более неопределенные границы охотничьего конфликта. Рассмотрение истории жизни таких людей, а не разделение их на отдельные группы, основанные на каком-то одном событии или жизненном этапе, также подчеркивает потенциальную текучесть и эластичность границ между браконьеером и хранителем. Гоуинг, как и многие

---

²⁸⁵ Archer, “A reckless spirit of enterprise”, p. 163.

²⁸⁶ Ibid., p. 148.

другие ему подобные, не поддавался простой классификации и воплощал популярную идиому «браконьер превратился в егеря».

I

Фредерик Гоунинг, человек, которого Джон Брайт позже назвал «величайшим браконьером Англии», родился в марте 1804 г. в прибрежном приходе Олдрингем-кам-Торп, недалеко от города Олдборо в Восточном Саффолке²⁸⁷. Его отец Томас умер в возрасте 30 лет в 1809 г., когда Фредерику было всего пять лет, оставив мальчика с матерью Мэри и младшей сестрой Шебой. Незадолго до смерти Томаса Гоунинга, или, что более вероятно, сразу после нее, семья переехала в деревушку Айкен, расположенную примерно в девяти милях по дороге, в приходе, примыкающем к приливной реке Альд, опять же недалеко от побережья Саффолка. Все это известно потому, что в 1814 г. овдовевшая Мэри Гоунинг и ее дети были высланы по закону о бедных из Икена обратно в их родной приход Олдрингем-кам-Торп²⁸⁸. Однако в годы, предшествовавшие переселению, Фредерик Гоунинг, будучи маленьким мальчиком, работал помощником «убийцы кроликов» у егерей в поместье Садбурн, которое входило в приход Айкен²⁸⁹. Этот опыт оказался формирующим для последующей жизни и трудоустройства Гоунинга. Позже Гоунинг утверждал, что в условиях, когда дичи было «так много, что вместо того, чтобы уступать им дорогу, приходилось уступать их дорогу... мальчики начинали осваивать дичь так же естественно, как и игру в шарики, не в силах точно сказать, как они этому научились»²⁹⁰. Как свидетельствуют автобиографические данные девятнадцатого века, опыт работы и игр, особенно у маленьких мальчиков, связан с влиянием старших членов семьи и соседей, это послужило ранним знакомством с миром природы и с охотой как обрядом посвящения²⁹¹. Как заметил тюремный инспектор в 1845 г., «у мальчиков есть естественное желание охотиться на птиц и зайцев, особенно когда им предоставляется такая хорошая возможность – пугать ворон или собирать камни в поле»²⁹².

Даже после того, как Гоунинг покинул Айкен, он возвращался в поместье Садбурн, чтобы поохотиться на дичь, к этому времени вооружившись пневматическим или кремневым ружьем. Именно тогда, в подростковом возрасте, началась его «работа» в качестве браконьера²⁹³. Сохранившиеся источники не позволяют точно объяснить, как он установил связь или,

²⁸⁷ G. M. Trevelyan, *Life of John Bright* (1913), pp. 92–7.

²⁸⁸ Suffolk Record Office (hereafter SRO), FC161/ G12/31, Poor Law removal order: Mary Gowing, widow, with Frederick and Sheba her children, Iken to Thorpe, 18 Nov. 1814.

²⁸⁹ Помимо Айкена, поместье включало в себя множество других приходов, в том числе Чиллесфорд, Садборн, части Снейпа, Батли, Танстолл и, что особенно важно, небольшой избирательный округ Орфорд, который до 1832 г. избирал двух представителей в парламент.

²⁹⁰ An interview with the King of the Poachers', Reynolds's Newspaper, 4 May 1873. BPP, 1846, IX, Report from the Select Committee on the Game Laws, Part I, Session 1845, Evidence of Frederick Gowing, p. 628.

²⁹¹ J. Holcombe, *The autobiography of an Exmoor poacher*, edited by Caractacus (F. Snell) (1901). L. R. Haggard, *I walked by night, being the life and history of the king of the Norfolk Poachers* (1935).

²⁹² BPP, IX, 1846, Evidence of W. J. Williams, p. 317.

²⁹³ Ibid., Evidence of Frederick Gowing, p. 634.

возможно, как кто-то сделал это за него, но Гоуинг продал то, что он подстрелил, торговцу в Ипсуиче, у которого были связи в Колчестере, Челмсфорде и, в конечном счете, в Лондоне²⁹⁴. Примерно в это же время Гоуинг также занялся другой карьерой – морской. По его собственным словам, примерно с 1817 г. по 1827 г. он работал моряком в прибрежной торговле, в основном перевозя уголь вдоль восточного побережья между «Лондоном и севером» и через другие порты восточного побережья²⁹⁵. В 1841 г., когда проводилась перепись населения, он все еще называл себя моряком²⁹⁶. Арчер подчеркивал связь, которая иногда существовала между сезонными морскими промыслами и браконьерством в Восточной Англии, но приверженность Гоуинга браконьерству была более последовательной. В равной степени, возможно, в его карьере моряка было нечто большее, чем показывает перепись населения²⁹⁷. Некоторые более поздние наблюдатели намекали, что Гоуинг на самом деле был контрабандистом; это обвинение он опроверг, хотя и не совсем убедительно. Сам Гоуинг признавал, что какое-то время он занимался тем, что он называл «голландской торговлей», что иногда являлось эвфемизмом для незаконного ввоза голландского джина беспошлинно²⁹⁸.

Снейп, деревня и небольшой порт на реке Альд в Восточном Саффолке, где с 1820-х гг. находился Гоуинг, безусловно, пользовался заслуженной репутацией деревни контрабандистов²⁹⁹. Кроме того, это был типичный открытый приход. Несмотря на то, что это был небольшой порт, значение которого росло, и который был окружен поместьями пэров, в географическом и административном отношении это было пограничное место. Большая часть территории прихода состояла из вересковых пустошей, болот и солончаков. Землевладение было разделено между мелкими арендаторами, и доминирующего землевладельца не было. В начале девятнадцатого века здесь почти не было надзора или власти со стороны центра. Это было сообщество, напоминающее о вымышленном месте в произведении Томаса Харди «Миксен-лейн», «убежище тех, кто был в бедственном положении, в долгах и всевозможных неприятностях»³⁰⁰. В 1835 г. помощник комиссара по делам бедных Джеймс Кей описал этот приход как «самый неорганизованный и неуправляемый приход», населенный «беззаконным населением, состоящим

²⁹⁴ SRO, 47515, John Glyde (ed.), ‘Autobiography of a Suffolk labourer’, *Suffolk Times and Mercury*, 2 Nov. 1894 to 16 Aug. 1895. Глайд идентифицировал этого человека как Тома Миклфилда, «торговца», работавшего на Нью-стрит в Ипсвиче, но в своей статье в газете Рейнольдса от 4 мая 1873 г. Гоуинг упоминает только мистера Б., купца, имевшего офисы в Ипсуиче, Колчестере и Челмсфорде. О Миклфилде я ничего не нашел, но, вероятно, Гоуинг имел в виду Генри и Джорджа Бейлсов, торговцев дичью и оружейников из Корнхилла, Ипсвич, которые были родом из Лондона и имели офисы в Колчестере, а также слуг в своем доме в Ипсвиче из приходов, расположенных недалеко от Снейпа. *Whites Directory of Suffolk*, 1844 (repr. 1970), pp. 105–12.

²⁹⁵ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, pp. 628, 633.

²⁹⁶ Census and BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, pp. 628, 633.

²⁹⁷ Archer, “By a flash and a scare”, p. 236.

²⁹⁸ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 633.

²⁹⁹ Оба бывших прихода, где жил Гоуинг, также были связаны с контрабандой. Айкен граничил со Снейпом на берегу устья реки Альде, а Олдрингем-кам-Торп был прибрежным приходом, охватывавшим печально известный контрабандный маршрут в Сайзвелл-Гэп.

³⁰⁰ T. Hardy, *The Mayor of Casterbridge* (1886). Jones, ‘Poacher’, p. 840.

из нищих, распущенных контрабандистов и браконьеров»³⁰¹. Кей был не одинок среди современников в выявлении взаимосвязи между открытыми приходами и браконьерством. Как заметил один фермер из Саффолка, браконьеры часто появляются «в приходах, где свободные земли разделены ... где они могут находиться, не будучи выселенными из своего жилья каким-либо крупным землевладельцем... и они проживают в непосредственной близости от крупных охотничих угодий; не на территории, а в непосредственной близости от крупных охотничих угодий»³⁰².

Возможно, неудивительно, что Снейп был одним из нескольких приходов в Саффолке, которые Николас Эдсолл и другие назвали передовыми в сопротивлении новому закону о бедных в 1835–1836 гг.³⁰³ Обстоятельства одного из таких инцидентов передают атмосферу этого места. 19 декабря 1835 г. окружные магистраты предоставили приходскому надзирателю и замещающему его должностному лицу охрану из трех приходских и двух специальных констеблей после того, как они предоставили информацию против группы нищих в связи с обвинениями в нападении и жестоком обращении. После того, как полицейские сопроводили их обратно в приход и благополучно развезли по домам, группа констеблей остановилась на ночлег в «Краун Инн», главной гостинице Снейпа, хозяином которой был Джон Фейрвэзер. Констебль Роберт Барнс позже описал, как вскоре после их прибытия гостиница наполнилась нищими, «вызванными выстрелом из ружья, который мы услышали при въезде в деревню». Барнс продолжал описывать беспокойную ночную жизнь, подчеркивая это тем, что «под окнами гостиницы стреляли из огнестрельного оружия, по-видимому, охотничьего...». Позже Барнс также засвидетельствовал, что Роберт Кук, представитель снейповских нищих, предупредил его, «что если я хочу уйти целым и невредимым, то мне лучше не забирать ни одного человека, поскольку они не собирались забирать одного человека из прихода». Позже Барнс описал Снейпа как «населенного в основном браконьерами» и продолжил: «Я сознательно придерживаясь мнения, что в этом приходе насчитывается восемьдесят или сто единиц огнестрельного оружия, включая пневматические ружья, стрельба по дичи и браконьерство на территории джентльменов более распространены в этом приходе, чем в любой другой части графства»³⁰⁴. Попытки разместить в деревне полицейский участок после создания в 1840 г. полиции Восточного Саффолка также натолкнулись на решительное сопротивление. Джон Хаттон, главный констебль, позже вспоминал, как «браконьеры косвенно дали мне понять... что если я пошлю туда полицейского, они его застрелят»³⁰⁵. Хаттон продолжал действовать, несмотря ни на что, и приставил к Снейпу двух полицейских, хотя на одном этапе они были временно отозваны из-за

³⁰¹ Second Annual Report of the Poor Law Commissioners for England and Wales (1836), App. B, ‘Reports to Central Board from Assistant Commissioners’, p. 148.

³⁰² BPP, IX, 1846, Evidence of J. W. Cooper, p. 475.

³⁰³ N. Edsall, The Anti-Poor law movement, 1834–44 (1971), p. 36. Archer, “By A flash and a scare”, p. 104.

³⁰⁴ Second Annual Report of the Poor Law Commissioners, p. 149.

³⁰⁵ BPP, IX, 1846, Evidence of John Hatton, p. 498.

заявлений о физическом запугивании, и «пока полицейские были на ночном дежурстве, двери и окна их резиденции разбивали»³⁰⁶.

Из множества источников становится очевидным, что Фредерик Гоунг был в авангарде местного сопротивления внешнему вмешательству, а также тесно связан с некоторыми из тех, кого назвал констебль Барнс. Наряду с регулярными столкновениями с новой полицией, Гоунг сыграл ведущую роль, за что был обвинен и арестован, когда жители деревни Снейп яростно защищали приходскую общину от сторонних лиц, решивших заявить свои права на ее территорию, что подтверждает предположение Джонса о том, что браконьеры часто были «среди лидеров народных протестов против нового закона о бедных, огораживания земель, выселений и прав на сбор урожая»³⁰⁷. Гоунг, как минимум, один раз был осужден за браконьерство вместе с Робертом Куком³⁰⁸. В 1841 г. его подельником по обвинению в нападении на полицейского был Джон Фейрвезер, хозяин гостиницы «Краун Инн» и человек, который после своей женитьбы на дочери Фэйруэзера Элизабет в 1848 г. также приходился тестем Гоунгу³⁰⁹. Из показаний главного констебля Хаттона также очевидно, что решение разместить полицейский участок в Снейпе было принято в первую очередь отчасти это было вызвано опасениями по поводу влияния там человека, которого Хаттон назвал «очень известным браконьером»³¹⁰. Это, без сомнения, было намеком на Гоунга. Хотя первые сельские полицейские часто целенаправленно сопротивлялись вмешательству в охотничий конфликт из-за боязни настроить против себя представителей среднего класса, существование банд браконьеров и сочетание ночного браконьерства с другими видами преступлений часто служили стимулом для вмешательства и позволяли полиции публично согласовывать преследование браконьеров со своими обязанностями перед обществом в целом. Хаттон признал, что в Саффолке, после введения в 1840 г. полиции, он «сначала строго запретил сельской полиции каким бы то ни было образом вмешиваться в законы об охоте», но впоследствии решил «вмешаться» в деятельность Гоунга в Снейпе, решив, что «было бы желательно максимально пресекать ночное браконьерство... и полностью примирить с этим многих налогоплательщиков»³¹¹. Здесь прослеживаются прямые параллели с Ланкаширом 1840-х гг., где Арчер утверждал, что реальная и риторическая угроза организованной банды браконьеров выполняла «полезную функцию для полицейских властей», обеспечивая оправдание спорному в остальном участию малочисленных сельских констеблей в охотничьем конфликте³¹². Угроза, исходящая от «вооруженной» банды, действующей по ночам, будет

³⁰⁶ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 641.

³⁰⁷ Ipswich J., 29 May 1841. BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, pp. 641–2.

³⁰⁸ Ipswich J., 27 Jan. 1841.

³⁰⁹ Ipswich J., 29 May 1841. TNA, HO 27/65, 30 June 1841, p. 175. Ipswich J., 22 July 1848, сообщается, что Фредерик Гоунг женился на Элизабет («Элизе») Фэйрвезер 19 июля 1848 г. во Фрамлингеме, графство Саффолк.

³¹⁰ BPP, IX, 1846, Evidence of John Hatton, p. 498.

³¹¹ Ibid., pp. 497–8.

³¹² Archer, ‘Poaching Gangs and Violence’, p. 32. Archer, “A reckless spirit of enterprise”, pp. 164–5.

вновь активизирована десятилетия спустя для поддержки принятия Закона о предотвращении браконьерства 1862 г. и последующего более регулярного участия полиции в «браконьерских войнах»³¹³.

Примерно с 1827 г. Гоунинг занимался браконьерством как своим «основным занятием», так и специализированным коммерческим предприятием³¹⁴. Рядом с его базой в Снейпе, графство Саффолк, находились одни из лучших охотничьих угодий в Англии того времени. Главным из них было обширное поместье Садборн, площадью более 11 000 акров, в центре которого находился Садборн-холл. Несмотря на то, что Садборн частично обрабатывался, это было в первую очередь охотниче поместье, изобилующее кроликами, зайцами, фазанами, куропатками и дичью. Говорили, что однажды в его окрестностях за один день было убито 1400 кроликов. В другом случае менее чем за неделю было убито 3000 зайцев, и все же, несмотря на это, по сообщениям, после забоя на одном поле было насчитано «еще двести сорок живых и голодных»³¹⁵. Во времена Гоунинга второй маркиз Хартфорд, Фрэнсис Ингрэм-Сеймур-Конвей, и, в частности, после 1822 г. третий маркиз, Фрэнсис Чарльз-Сеймур-Конвей, использовали поместье для проведения охотничьих вечеринок несколько раз в сезон. Для таких случаев не жалели денег на консервацию дичи, и при третьем маркизе Садборн регулярно принимал Георга IV, принца Фредерика, герцога Йоркского и Олбани, и герцога Веллингтона³¹⁶. По словам Гоунинга, маркиз не был частым участником сражений, предпочитая охотиться в поместье в одиночку, часто добывая необычную добычу: в одном случае домашнего осла арендатора, а в другом – корову³¹⁷. К поместью Садборн примыкало поместье семьи Теллусон площадью 17 000 акров с центром в Рендлшем-Холле. Во времена Гоунинга поместьем владели Джон, Уильям, а позднее Фредерик Теллусон, второй, третий и четвертый бароны Рендлшем соответственно. Как и в Садборне, спортивные аттракционы поместья Рендлшем пользовались покровительством «не только многих представителей высшей знати, но и нескольких ветвей королевской семьи»³¹⁸. Даже в начале 1800-х гг. Рендлшем был поместьем, где

³¹³ BPP, XLV, 1862, Memorial to Secretary of State, December 1861, by Chief Constables of counties in England and Wales, on Game Laws. R. Muge, ‘Poverty, protest and sport: Poaching in the East Midlands, c.1820–1900’ (Unpublished PhD thesis, University of Nottingham, 2017), pp. 107, 182–92.

³¹⁴ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 634.

³¹⁵ Glyde, ‘Autobiography of a Suffolk labourer’. W. Morfey, Painting the day: Thomas Churchyard of Woodbridge (1986), p. 30.

³¹⁶ Morfey, Painting the day, p. 30. При третьем маркизе Хартфорде, Фрэнсисе Чарльзе Сеймуре-Конвеи, Садборн-холл был местом интриг торийской партии. Сеймур-Конвей, как утверждается, послужил прототипом для лорда Монмута в романе Дизраэли «Конингсби» (1844) и лорда Стейна в «Ярмарке тщеславия» Теккерея (1847–1848). Говорят, что в последние годы жизни он жил в окружении проституток. Чарльз Гревилл заметил, что «насколько мне известно, не было другого примера неприкрытого разврата, подобного тому, что демонстрировал миру лорд Хартфорд». E. Pearce (ed.), The diaries of Charles Greville (2005), p. 210.

³¹⁷ Reynolds’s Newspaper, 4 May 1873. Здесь Гоунинг приписал эти привычки «старому маркизу», добавив: «Я служил у него еще мальчиком». Хронологически это предполагает Фрэнсиса Ингрэма-Сеймура-Конвея, 2-го маркиза Хартфорда, но остается вероятность, что он имел в виду третьего маркиза.

³¹⁸ Morfey, Painting the day, p. 30.

за неделю можно было убить более 1000 голов дичи³¹⁹. К западу от этих двух крупных спортивных владений в Восточном Саффолке располагались другие, в том числе поместье Кэмпси-Эш площадью 7000 акров, принадлежащее семье Шепперд, и 5000 акров в Саффолке, принадлежащее герцогу Гамильтону. В нескольких милях к северо-востоку от базы Гоуинга преподобный Ланселот Браун в Келсейле сохранил за собой 1000 акров земли, а за ними лежали земли графа Стадбруока. Все они были известны Гоингу, хотя, по его собственным словам, он сосредоточил свои усилия на Садбурне и Рендлшеме.

Гоинг обычно браконьерствовал в одиночку или с одним-двумя постоянными партнерами, включая вышеупомянутого Джона Фейрвэзера, хозяина гостиницы «Краун Инн» в Снейпе, а также других прихожан Эдгара и Роберта Уайтов. Однако, помимо этого, Гоинг также возглавлял крупную, слабо организованную браконьерскую организацию. В осенние и зимние месяцы он фактически нанимал в качестве субподрядчиков значительное количество местных рабочих-браконьеров, которые помогали выполнять «заказы» на добычу дичи. Гоинг утверждал, что «в зависимости от сезона» он мог бы найти «возможно, от 50 до 60» работников в Снейпе и прилегающих к нему приходах, готовых работать на него, возможно, «после сбора урожая 100 бедняков». Гоинг иногда снабжал их снаряжением, иногда даже ружьями, но в основном он гарантировал покупку дичи, которую они привозили, платя «головой или тушей за то, что они добыли», сумма варьировалась в зависимости от места добычи и «от того, были ли заказы на живую или мертвую добычу»³²⁰. Для посторонних не было заметной связи между Гоингом и этими людьми, даже несмотря на то, что, как утверждается, они пользовались защитой «общества взаимных гарантий... для оплаты услуг адвоката в случае, если кто-либо из них был задержан»³²¹. Это подчеркивает трудность, с которой часто сталкиваются историки, пытаясь провести различие между преступниками, которых бедность подтолкнула к браконьерству, и теми, кто занимался коммерческим браконьерством. Хотя Арчер утверждал, что «разделительная линия между случайным оппортунистом и профессионалом часто была размыта», временами даже это разделение было иллюзорным, и его невозможно было определить по свидетельским показаниям в зале суда, которые обычно оставлялись историкам³²². Большинство из тех, кто браконьерствовал от имени Гоинга, были «бездомными бедняками», мотивированными необходимостью сводить концы с концами и решившими избежать работного дома³²³. В случае поимки и судебного преследования, они, возможно, повсюду любят преступников, они, скорее всего, подчеркнут это перед судьями, чем раскроют свое участие в организованном преступном сговоре. Вознаграждение для всех

³¹⁹ Lord Walsingham and Sir R. Payne-Gallwey, *Shooting, field and covert* (1895), p. 16. В последнюю неделю охотничьего сезона в январе 1807 г. на территории поместья было убито 1000 диких птиц и зайцев.

³²⁰ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 629.

³²¹ Hansard, House of Commons, 1845, Third Ser. 78, 27 Feb. 1845, Game Laws, Bright, p. 72.

³²² Archer, 'Poachers Abroad', p. 58.

³²³ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 629.

заинтересованных лиц было потенциально выгодным. По сообщениям, самый крупный улов фазанов, добытый Гоингом за одну ночь, составил 150 птиц. Данные, полученные на лондонском рынке Лиденхолл в конце 1820-х и в 1840-х гг., подтверждают, что один фазан мог продаваться в розницу по цене от 2 ф. ст. и 5 пенсов, в зависимости от сезона и состояния³²⁴. Как утверждал Гоинг, любой человек, «знающий свое дело», мог «заработать соверен за полчаса»³²⁵. В контексте уровня заработной платы сельских рабочих в этой части Англии, который вряд ли превышал 26-35 ф. ст. в год, потенциальная привлекательность охотничьих угодий очевидна. Гоинг, безусловно, получал значительный доход от браконьерства, до такой степени, что к своим сорока годам он был описан как «довольно состоятельный человек»³²⁶. К 1830-м гг. у него было четыре коттеджа в Снейпе, в одном из которых он жил; остальные он сдавал в аренду³²⁷.

Тем не менее, Гоинг неоднократно успешно привлекался к ответственности и, по его собственным словам, отбыл от шести до семи коротких тюремных сроков³²⁸. Тем не менее, по большей части ему удавалось избегать тюрьмы. Этому есть несколько объяснений. Гоинг браконьерствовал днем и ночью, хотя и заявлял, что предпочитает нападать днем, обоснованно утверждая, что наказание в случае поимки значительно меньше, заявляя, что «днем мы не так сильно возражали против того, чтобы нас схватили, потому что могли за это заплатить»³²⁹. Он также утверждал, что избегает конфронтации с егерями и «ночными работниками», и утверждал, что аналогичным образом направлял тех, кто браконьерствовал от его имени, давая им «указания, как двигаться без дубинок и как можно меньшей группой, а в случае нападения егерей – как бежать и скрыться»³³⁰. Такие чувства, возможно, и были искренними, но они не должны скрывать тот факт, что насилие было обычным явлением и глубоко укоренилось в охотничьем конфликте, в котором Гоинг был всего лишь одним из участников. Гоинг и его сообщники были судимы за нападения на егерей и полицейских, а также становились жертвами насилия при столкновениях с местными егерями. Однажды во время ночной браконьерской охоты на Гоинга напали из засады трое егерей маркиза Хартфорда и избили его до потери сознания. Его собака была застрелена сторожами, и «они прибили его шкуру к верхней перекладине перелаза, ведущего в лес», в качестве предупреждения другим злоумышленникам, проникшим на территорию поместья³³¹. В то время как Арчер стремился

³²⁴ BPP, VIII, 1828, Report from House of Lords Select Committee on the laws relating to Game, Evidence of Mr A. B. and Mr C. D., pp. 13–18. BPP, IX, 1846, Evidence of George Brooke, pp. 478–9.

³²⁵ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 629.

³²⁶ BPP, IX, 1846, Observation of Grantley Berkeley, p. 637.

³²⁷ SCRO, FC123/F1/1–7, Snape Poor Rate Books, 1838–51. В период с 1838 г. по 1851 г. Гоинг владел четырьмя коттеджами. К сожалению, налоговые книги за 1851–1861 гг. не сохранились. К 1862 г., когда возобновилось ведение налоговых книг, недвижимость уже не принадлежала Гоингу. Арендаторы Гоинга иногда выступали в качестве свидетелей защиты в его защиту. Ipswich J., 7 Dec. 1839.

³²⁸ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 628. Glyde, ‘Autobiography of a Suffolk labourer’.

³²⁹ Reynolds’s Newspaper, 4 May 1873.

³³⁰ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 632.

³³¹ Reynolds’s Newspaper, 4 May 1873. TNA, HO 27/65, p. 175. Ipswich J., 24 Mar. 1832.

подчеркнуть «особый» уровень насилия, связанный с браконьерством в северных «промышленных» округах, важно не проводить слишком резкого контраста между опытом разных регионов, основанного на дилеммии «сельская местность-город» или «север-юг»³³². Реальное и символическое насилие было неотъемлемой частью охотничьего конфликта в каждой области, даже если такие профессионалы из Восточной Англии, как Гоунинг, часто публично избегают этого.

У Гоунинга было более ощутимое преимущество в его попытках избежать тюрьмы, поскольку в течение длительного времени он пользовался услугами адвоката Томаса Черчьярда из Вудбриджа, который защищал его и его сообщников в охотничьих делах. Черчьярд, которого больше помнят как художника-пейзажиста, чем за его юридическую практику, сделал законы о дичи своей специализацией и так часто защищал в делах о браконьерстве, что его стали называть «адвокатом браконьера». Хорошо знакомый с законами, касающимися охоты, Черчьярд, как говорили, был «опасен в плохом деле и неотразим в хорошем... способен выявить самые неожиданные недостатки в обвинительном заключении»³³³. Он успешно оспорил по меньшей мере два судебных процесса против Гоунинга и смягчил многие другие, пока в какой-то момент в начале 1840-х гг. местные землевладельцы не объединились, чтобы привлечь его «на свою сторону». Согласно одному из источников, маркиз Хартфорд «был вынужден через своего агента предложить Черчьярду постоянную плату за ведение всех дел, связанных с охотой», которые рассматривались местными судьями³³⁴. Эта потеря, возможно, стала серьезной неудачей для Гоунинга и его партнеров, хотя позже он принял обдуманное решение, размыкая о том, что «возможно, они заплатили ему (церковному двору) больше денег»³³⁵. Эти детали наводят на мысль о доходах, которые Гоунинг потенциально получал от своего браконьерского бизнеса, достигшего своего пика в конце 1820-х и 1830-х гг. и начале 1840-х гг. К 1845 г. он утверждал, что за предыдущие 18 лет заплатил штрафов на сумму более 250 ф. ст., признавая при этом, что «может быть, и больше, я не вел учет ... Я недооцениваю ситуацию». Более поздние комментаторы утверждали, что к концу браконьерской карьеры Гоунинга эта цифра приблизилась к 300 ф. ст.³³⁶.

Была и еще одна причина, по которой Гоунинг часто избегал тюрьмы, что не отражало его приверженности коммерческому браконьерству. Он играл с законом в свои собственные игры. В 1831 г. законы об охоте были пересмотрены. Имущественный ценз, лежавший в основе правил охоты с 1671 г., был отменен и заменен системой лицензирования. Годовая стоимость лицензии на охоту в 2 ф. ст. была недоступна многим сельским работникам, но

³³² Archer, 'Poaching gangs and violence', p. 57.

³³³ Glyde, 'Autobiography of a Suffolk labourer', p. 104.

³³⁴ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 640. Ipswich J., 7 Dec. 1839. Glyde, 'Autobiography of a Suffolk labourer', p. 104. Morfei, Painting the day, p. 133. Морфи утверждает, что Глайд ошибался в этом незначительном пункте, и что именно лорд Рендлшем был ответственен за привлечение Черчьярда в состав охотничьих хозяйств, а не 3-й маркиз, умерший в 1842 г.

³³⁵ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 632.

³³⁶ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 634. Glyde, 'Autobiography of a Suffolk labourer', p. 6.

не всем. Каждый год он покупал лицензию. Одна только лицензия не давала человеку права убивать дичь; это по-прежнему зависело от прав собственности и дополнительных ограничений законов об охоте на общих землях или дорогах общего пользования, но в остальном это позволяло частному лицу иметь в своем распоряжении мертвую или живую дичь. Гоунинг назвал эту потенциальную лазейку «величайшей возможностью в мире для любого человека»³³⁷. Это позволяло частному лицу иметь в своем распоряжении, а также свободно перевозить любое количество убитой и живой дичи, не опасаясь судебного преследования, по крайней мере, в тех случаях, когда невозможно было доказать ее потенциально незаконное происхождение. Гоунинга часто останавливали и допрашивали, когда он перевозил дичь на своем пони и тележке, но, как он подчеркнул, даже если обнаруживалось, что он перевозил большое количество куропаток, фазанов и зайцев, судебное преследование обычно прекращалось: «Сертификат разрешает мне иметь при себе дичь», «это моя дичь; кто может сказать это принадлежит им»³³⁸.

II

Тот факт, что можно проследить так много подробностей браконьерской карьеры Гоунинга, в какой-то мере связан с сохранением записей, которые обычно используются для реконструкции прошлых правонарушений. Время от времени он появлялся в суде, о некоторых из них сообщалось в провинциальной прессе, а некоторые также можно найти в сохранившихся судебных протоколах³³⁹. Гоунинг и его соратники также с определенной регулярностью фигурируют в отчетах о переписи населения. Дурная слава Гоунинга также привела к более широкому признанию в его округе, и поздневикторианские писатели, с ностальгией вспоминая прошлое, прославляли его репутацию³⁴⁰. Тем не менее, без одного публичного упоминания исторических фактов, Гоунинг оставался бы относительно неизвестным и непознаваем. Причина, по которой можно что-то знать о Гоунинге или, по крайней мере, о его версии, заключается в том, что его репутация была укреплена выступлением в июне 1845 г. перед специальным комитетом Палаты общин по законам об охоте. То, что преступник, по крайней мере в глазах закона, оказался в столь почитаемом окружении, все еще в некотором роде примечательно, и то, как именно это произошло, интригует. Однако происхождение самого специального комитета достаточно прозрачно и является результатом усилий Джона Брайта, одного из ведущих парламентских представителей Лиги против хлебных законов³⁴¹.

---

³³⁷ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 637. Bury and Norwich Post, 23 Oct. 1833, 29 Oct. 1834, 16 Sept. 1835, 28 Sept. 1836, 8 Nov. 1837 and 24 Oct. 1838.

³³⁸ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, pp. 634–7. Reynolds's Newspaper, 4 May 1873.

³³⁹ Ipswich J., 3 May, 17 May 1828, 17 Mar., 24 Mar., 20 Oct. 1832, 12 Nov. 1836, 1 Nov. 1845, 29 Dec. 1842. TNA, HO 27/48, p. 222.

³⁴⁰ Glyde, ‘Autobiography of a Suffolk labourer’. Ipswich J., 16 Apr. 1870.

³⁴¹ W. Robertson, *The life and times of John Bright* (1912), p. 114.

В 1843 г. Брайт присоединился к Ричарду Кобдену в качестве одного из представителей Лиги в парламенте после его избрания депутатом от Дарема. Несмотря на это, перспективы отмены хлебных законов, по-видимому, ухудшились после возвращения еще более сильного протекционистского большинства после победы консерваторов на выборах в 1841 г. В 1842 г. только 90 членов поддержали ежегодное предложение об отмене закона Чарльза Вильерса, депутата от Вулверхэмптона и ветерана кампании против хлебного закона, по сравнению со 177 в 1840 г. Тем не менее, и отчасти из-за этого, Кобден и Брайт возобновили внепарламентскую кампанию за отмену закона, и с 1843 г. они все больше сосредотачивали свои усилия на сельском населении. Вместе с другими спикерами Лиги, оба они совершили поездку по сельской местности, критикуя разработанные Кобденом хлебные законы, в которых подчеркивалось, что фермеры-арендаторы теряют преимущества протекционизма из-за повышения арендной платы и того, что высокие цены на пшеницу потенциально искажают структуру потребления продовольствия, что не приносит пользы производителям³⁴². В анализе Кобдена, протекционизм также в конечном счете действовал против долгосрочных интересов сельскохозяйственного сектора, препятствуя инвестициям и инновациям и, таким образом, препятствуя повышению эффективности, которое могло бы гарантировать будущее процветание сельского хозяйства в условиях свободной торговли. Подрывая лояльность фермеров-арендаторов к хлебным законам, сельская миссия Лиги, в конечном счете, стремилась мобилизовать их избирательную силу против кандидатов-протекционистов на выборах в округах; – это было ключевое поле битвы, на котором можно было выиграть отмену³⁴³.

С начала 1844 г., при поддержке Лиги, Брайт начал уделять особое внимание законам об охоте не только потому, что они давали потенциальную возможность дискредитировать интересы землевладельцев, но и в рамках интеллектуальной атаки на хлебные законы³⁴⁴. Брайт утверждал, что продуктивность сельского хозяйства была значительно снижена из-за того, что он тщательно охранял дичь и в 1844 г. и начале 1845 г. и потратил месяцы на сбор соответствующих доказательств. В течение этого периода он беседовал с фермерами, птицеводами, торговцами дичью и всеми, кто был связан с «проблемой охоты», и, как говорили, получал «от тридцати до шестидесяти писем в день на тему законов об охоте» и отвечал на них. Он провел эксперименты, чтобы продемонстрировать, что «четыре с половиной кролика потребляли столько же пищи, сколько овца», и на основании этих расчетов

³⁴² N. McCord, *The Anti-Corn Law League, 1838–1846* (1968), p. 143. K. Robbins, John Bright (1979), pp. 53–5. Trevelyan, *Life of John Bright*, pp. 92–7. E. Newman, ‘The Anti-Corn Law League and the Wiltshire labourer’, in B. A. Holderness and M. Turner (eds), *Land, labour and agriculture, 1700–1920* (1991), p. 92. M. Turner, ‘The “Bonaparte of Free Trade” and the Anti-Corn Law League’, *Historical J.* 41 (1998), p. 1017.

³⁴³ H. Jordan, ‘The political methods of the Anti-Corn Law League’, *Political Science Q.* 42 (1927), pp. 58–76.

³⁴⁴ C. Kirby, ‘The attack on the English Game Laws in the Forties’, *J. Modern Hist.* 4 (1932), p. 24.

утверждал, что за период 1839–1842 гг. дичь поглотила «столько же урожая, сколько было импортировано из-за границы»³⁴⁵.

27 февраля 1845 г. в ходе двухчасовой речи, которой предшествовало представление петиций от фермеров-арендаторов со всей страны, Брайт призвал к созданию специального комитета по разработке законов об охоте. Выступая в комитете, Брайт привел множество примеров ущерба, наносимого урожаю арендаторов из-за дичи, которую хранили их арендодатели. Он также предположил, что, поскольку многие члены Палаты общин являются землевладельцами, они должны испытывать «очень сильную симпатию к тем, кто возделывает землю», и «не должно быть возражений против рассмотрения этой части вопроса». Брайт также обратил внимание на другие социальные проблемы, связанные с масштабным сохранением дичи и законами об охоте, утверждая, что сотни и тысячи бедняков были оштрафованы и заключены в тюрьму... имели место самые жестокие бесчинства, самые страшные и свирепые столкновения между егерями и браконьерами, нередко заканчивавшиеся смертью той или иной стороны³⁴⁶.

Взвешенная и обстоятельная речь Брайта вызвала много похвал даже у политических противников. Министр внутренних дел сэр Джеймс Грэм, отвечая на ходатайство, заявил, что «у меня нет никаких претензий ни к тону, ни к характеру его речи». Премьер-министр Роберт Пил последовал его примеру, признавшись, что он «не ожидал... столь сдержанной речи от достопочтенного члена парламента от Дарема, какую он произнес». Эдмонд Вудхаус, член парламента от Восточного Норфорка, также признал, что «проявленная им сдержанность сильно контрастировала с тем темпераментом, который он (Брайт) проявлял в предыдущих случаях». Вудхаус добавил, что «он и его друзья не возражали против этого расследования» и что «Ничто... не окажется более беспочвенным, чем заявления, которые ежедневно делают некоторые достопочтенные джентльмены напротив, о том, что домовладельцы – эгоисты, заботящиеся только о себе, а не о своих арендаторах»³⁴⁷. Позднее Кобден рассуждал, что Брайт превосходно справился со своей работой и завоевал положительные отзывы всех людей. Его речь застала сквайров врасплох. Это поставило Брайта в правильное положение, показало, что у него есть власть, и это привлечет симпатии фермеров к Лиге. Последнее убеждение, по-видимому, сильно тяготило сквайров³⁴⁸.

Пил обошел стороной основное обоснование Брайта для комитета, заявив, что «свидетельства растущего браконьерства и очевидная связь преступности с законами об охотниччьем хозяйстве являются уважительной причиной» для его создания. В то же время он сообщил, что было бы «неразумно питать... надежды... на какие-либо изменения» в законах об охоте, и далее утверждал, что «предубеждения против законов об охоте возникли из-

³⁴⁵ Trevelyan, *Life of John Bright*, pp. 125–6.

³⁴⁶ Hansard, House of Commons, 1845, Third Ser. 78, 27 Feb. 1845, Game Laws, Bright, p. 55.

³⁴⁷ Ibid., Graham, p. 80; Wodehouse, p. 116 and Peel, pp. 116–17.

³⁴⁸ Trevelyan, *Life of John Bright*, p. 127.

за чрезмерного сохранения дичи в определенных районах». Там, где «охота существовала в умеренных масштабах», — продолжил Пил, — «не было большого количества преступлений, и существующие законы об охоте работали хорошо». Премьер-министр также опроверг утверждение Ричарда Кобдена о том, что именно из-за «атмосферы, созданной на улице» кампанией Лиги по вынесению вопроса на рассмотрение Палаты общин, «правительство было вынуждено неохотно создать этот комитет». Пил, как он сообщил Палате общин, воспользовался «возможностью посовещаться в тот же день с очень значительной частью членов сельскохозяйственной палаты и другими представителями министерской фракции Палаты, и было единодушное мнение, что расследованию не следует препятствовать»³⁴⁹. Это было не совсем то же самое, что поддержка, но элементы реакции Пила на предложение Брайта потенциально соответствовали как его постоянной заботе о «предусмотрительных мерах предосторожности против взрывов общественных чувств», так и его непоколебимой решимости публично не уступать свою роль внешнему давлению, в данном случае, конкретно Лигой, в формировании парламентской повестки дня³⁵⁰.

Брайт отказался от обычной привилегии возглавлять специальный комитет в пользу члена правительства Джона Мэннерс-Сэттона, заместителя министра внутренних дел. В остальном комитет из 15 человек был разделен поровну между сторонниками и противниками сохранения дичи³⁵¹. Критики ее состава обвинили Брайта в выдвижении «шести влиятельных и активных противников хлебного закона»; но формально союзниками Брайта в комитете были также радикалы и виги, выступающие за свободную торговлю, а также члены парламента от Лиги³⁵². Например, Джон Трелони, депутат от Тавистока и противник церковных пошлин, Ральф Этуолл, джентльмен-радикал и депутат от Андовера, Джордж Кавендиш, депутат от Северного Дербишира, и Эдвард Плейделл-Бувери, член парламента от Килмарнока. Чарльз Пелхэм Вильерс, ветеран кампании против хлебного закона, также был включен в список участников. Так же, как и другой известный член «Лиги», Томас Милнер-Гибсон, который, наряду с производителем хлопка Марком Филипсом, был одним из двух членов «Лиги Манчестера». В комитет по охране дичи входил Грантли Беркли, депутат от Глостершира и предполагаемый наследник замка Беркли, который со временем стал самым активным и воинственным членом команды защитников. Беркли был яркой личностью даже по меркам консервативной партии того времени. У него была репутация человека с «грубыми и распутными манерами», не говоря уже о том, что он был капризной и временами склонной к насилию личностью. В 1836 г. Беркли был осужден за жестокое избиение Джеймса Фрейзера, издателя и владельца журнала «Fraser's Magazine», после критической рецензии на его

³⁴⁹ Hansard, House of Commons, 1845, Third Ser., 78, 27 Feb. 1845, Game Laws, Cobden, p. 115. Peel, pp. 116–17. The Times, 11 Dec. 1858.

³⁵⁰ E. Cardwell and Earl Stanhope (eds), *Memoirs by the Right Honourable Sir Robert Peel, Part I* (1857), p. 116.

³⁵¹ Hopkins, 'The Long Affray', p. 217.

³⁵² Hansard, House of Commons, 1845, Third Ser. 78, 10 Mar. 1845, Game Laws, C. Berkeley, p. 625.

исторический роман «Замок Беркли». Через несколько дней после нападения на Фрейзера Беркли устроил дуэль с самим рецензентом, доктором Уильямом Магином, также редактором журнала «Fraser's Magazine», на уединенном лугу недалеко от Харроу-роуд. Это были не единичные случаи. Позже Беркли был привлечен к ответственности за нападение на соседа во время охотничьего спора, а в другой раз предстал перед мировыми судьями по обвинению в петушиных боях³⁵³. Он представлял собой разительный контраст со своим противником-квакером. Другими защитниками законов об охоте в комитете были члены консервативной партии лорд Джордж Бентинк, Уильям Форбс Маккензи, Уильям Криппс, Генри Берроуз и пэр, лорд Клайв³⁵⁴.

Комитет приступил к заслушиванию свидетельских показаний 16 апреля 1845 г. и в течение следующих трех месяцев заслушивал показания более 30 свидетелей, в основном фермеров-арендаторов, вызванных Джоном Брайтом и Томасом Милнером-Гибсоном. Комитет заслушал целый ряд жалоб на ограничения в отношении структуры посевов, ограничительные соглашения об аренде, влияние надзора со стороны егерей и потерю ценных сотрудников из-за незначительных нарушений законов об охоте. Однако главная проблема, которая возникла из свидетельств фермеров, заключалась в ущербе, наносимом дичью и кроликами посевам и пастбищам. Джордж Хейворд из Маресфилда в Сассексе, арендатор фермы площадью 200 акров, за которую он платил 150 ф. ст. в год, рассказал об ущербе, нанесенном его урожаю в 1844 г., который был независимо оценен в 128 ф. ст., и о целых полях корнеплодов, опустошенных зайцами и кроликами³⁵⁵. Джон Белл из Солсбери оценил ежегодный ущерб, причиненный ферме, которую он арендовал за 620 ф. ст. у графини и графа Нельсонов, причем последний был сторонником протекционизма в Палате лордов, в 416 ф. ст.³⁵⁶ Джеймс Ноулсон, фермер-арендатор и сельскохозяйственный эксперт из Хартфордшира, сообщалось об ущербе в размере от 2 до 6 ф. ст. за акр, а также о целых полях пшеницы, уничтоженных дичью³⁵⁷. Некоторые фермеры признались, что закрывали глаза на браконьерство. Другие признались, что оказывали практическую поддержку браконьерам в сокращении популяции крылатой и мохнатой дичи, охотящейся на их посевы. Как выразился Уильям Блэтч, фермер-арендатор и оценщик земель из Хэмпшира, браконьер – «единственный друг, который у него (фермера) есть, чтобы избавиться от дичи»³⁵⁸.

³⁵³ ODNB, ‘Berkeley, (George Charles) Grantley Fitzhardinge (1800–81)’.

³⁵⁴ Клайв, унаследовавший графский титул Поус в 1839 г., умер в 1848 г. в результате несчастного случая на охоте в своем поместье Поус-Касл. ODNB, ‘Herbert, Edward, second earl of Powis (1785–1848)’.

³⁵⁵ BPP, IX, 1846, Evidence of George Hayward, pp. 105–28.

³⁵⁶ BPP, IX, 1846, Evidence of John Bell, p. 169.

³⁵⁷ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 628.

³⁵⁸ BPP, IX, 1846, Evidence of William Blatch, p. 193.

III

На этом фоне Фредерик Гоунинг предстал перед комитетом 25 июня 1845 г. Участие осужденного браконьера в судебном разбирательстве вызвало небольшую сенсацию, хотя Гоунинг не стал неожиданностью для Брайта. Они встретились примерно за шесть месяцев до этого, когда Брайт готовил свои аргументы для создания комитета³⁵⁹. Однако некоторые аспекты появления Гоунинга в Палате общин были необычными. В отличие от большинства свидетелей, он не требовал никаких расходов ни на дорогу, ни на ночлег в Лондоне, которых, по-видимому, требовало его присутствие. Тем не менее, Гоунинг не был новичком в этом городе. Он был постоянным гостем столицы, по крайней мере, с начала 1830-х гг. и, как уже упоминалось, посетил Лондон незадолго до февраля 1845 г. для первой встречи с Брайтом. Показания Гоунинга перед комитетом были обширными, подробными и частично биографическими. Защитники законов об охоте в комитете, в частности Грантли Беркли, пытались подорвать доверие к нему как к свидетелю, выдвигая на первый план как подозрения относительно истинной природы ранней карьеры Гоунинга в море, так и его более поздних столкновений с полицией, но даже эти разговоры были смягчены дискуссиями, которые выявили общие интересы браконьера и охотника-хранителя в разведении и отстреле дичи³⁶⁰.

Показания Гоунинга подтвердили то, что уже было предоставлено комитету в отношении ущерба, который дичь наносила посевам, и сообщества, существовавшего между фермерами-арендаторами и браконьерами, «друзьями фермера». В других ответах Гоунинг выделил ряд точек зрения на правонарушения, которые стали известны историкам. Он сослался на низкие ожидания браконьеров от системы правосудия, когда дела на небольших заседаниях обычно рассматривались мировыми судьями, занимающимися охраной дичи. Он подчеркнул поддержку сообщества, которой обычно пользуются браконьеры, и привел убедительные аргументы в пользу того, что браконьерство ни в коем случае не является преступлением: «браконьер – это не вор... вор – это не браконьер, а браконьерство – это не воровство». Гоунинг также указал на роль низкой заработной платы и безработицы в мотивации фермерских работников к совершению правонарушений и в связи с этим утверждал, что новый закон о бедных и, в частности, строгое применение теста на работу в работном доме повысили готовность женатых работников прибегать к сезонному браконьерству, поскольку семьи стремились избежать поступления в «Бастилию». В этом контексте Гоунинг выделил потенциально интересную гендерную динамику правонарушений или, по крайней мере, раскрыл свои собственные гендерные предположения, утверждая, что, хотя работающие мужчины потенциально более приспособлены к периодам временного заключения в работном доме или тюрьме, прием и разделение целых семей в работном доме часто невыносимы

³⁵⁹ Trevelyan, *Life of John Bright*, p. 126.

³⁶⁰ Hopkins, ‘The Long Affray’, p. 223. BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 637.

для жен и матерей. Гоуинг утверждал, что, когда выдавался приказ о приеме, «жены обычно отказывались идти», а мужья прибегали к браконьерству, чтобы избежать страданий и унижения, связанных с разделением семьи в работном доме³⁶¹.

Некоторые из этих идей и взглядов, возможно, были знакомы современникам. Они также подкрепляют некоторые из существующих у историков представлений о браконьерстве. Однако другие части показаний Гоуинга были необычными и потенциально взрывоопасными, учитывая политический контекст, в котором находился комитет 1845 г. Они также помогают расширить наше понимание правонарушений, особенно в отношении многогранной природы черного рынка дичи и неоднозначных и противоречивых отношений, которые иногда существуют между браконьерами и хранителями. В свидетельствах о торговле мертввой дичью, убиваемой в сезон для употребления в пищу, было мало такого, на что ранее специальные комитеты не обращали внимания, – о том, как браконьерская дичь попадала в городские центры на юге и востоке Англии³⁶². Гоуинг описал развитую индустрию черного рынка, которая эффективно распределяла огромное количество мертвых фазанов, куропаток, зайцев и кроликов, часто используя существующую сеть торговцев свиньями, домашней птицей и дичью, на провинциальные рынки и главный лондонский рынок Лиденхолл. Однако показания, которые дал Гоуинг о черном рынке живой дичи, были совершенно новыми и потенциально ставящими в неловкое положение интересы землевладельцев. То, что он описал, было незаконной торговлей живой птицей, зайчатиной и яйцами, в которой зачастую были замешаны егеря и землевладельцы, занимающиеся охраной дичи.

Вскоре после окончания охотничьего сезона, в конце зимы, землевладельцы решили увеличить запасы дичи в своих поместьях, и, по словам Гоуинга, несмотря на обычную вражду, существовавшую между охотниками и браконьерами, именно к браконьерскому сообществу обычно обращались за поставками дичи. Как выразился Гоуинг, «как только закончится сезон “мертвой дичи”, я получу заказы на “живую”»³⁶³. Другие свидетели, присутствовавшие на заседании комитета, подтвердили описание Гоуингом противоречивой и двусмысленной взаимосвязи, которая часто существовала между браконьерством и сохранением дичи, сообщив, что владельцы обычно покупали «яйца или дичь у браконьеров с целью создания запасов»³⁶⁴. В письменных показаниях комитету священник Норвичской тюрьмы утверждал, что «есть основания полагать, что некоторые из наших егерей имеют привычку поощрять браконьеров». Капитан Уильям Уильямс, тюремный инспектор, засвидетельствовал, что владельцы «часто обращались к браконьерам за яйцами и птицами для заготовки своих консервов всякий раз, когда падеж дичи

³⁶¹ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, pp. 629–30.

³⁶² BPP, VIII, 1828, (Evidence of Mr A. B. and Mr C. D.), pp. 17–22.

³⁶³ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 630.

³⁶⁴ BPP, IX, 1846, Evidence of William Blatch, p. 234.

прекращался»³⁶⁵. Часть этого бизнеса была организована на местном уровне, но незаконная торговля живой дичью, как и торговля мертвой, также велась на региональном и национальном уровнях. Опрошенные комитетом торговцы дичью сообщили, что живые фазаны и куропатки вместе с яйцами и зайчатиной доставлялись в Лондон «с целью снабжения поместий джентльменов». Говорилось, что эта торговля, в которой было «сделано очень много», за «почти без исключения» осуществлялась браконьерами. Живая дичь поставляется теми же торговыми сетями, что и мертвая, и часто доставляется теми, «кто регулярно торгует живой птицей», при этом значительная часть бизнеса ведется на лондонских рынках Лиденхолл и Ньюгейт. Торговля в «живой диче», по-видимому, была еще более тайной, чем в «мертвой», и один дилер сообщил, что «в этом есть какая-то тайна, причем во всех ее проявлениях; вы почти ничего не видите». Сообщалось, что большая часть живой дичи и яиц, поступавших в Лондон, происходила из Восточной Англии, а «огромное количество» поставлялось из Саффолка³⁶⁶.

Это свидетельство подкрепило утверждения Гоуинга о масштабах торговли, которая предвещала появление коммерческого охотничьего хозяйства. Птицы и яйца часто добывались браконьерским путем непосредственно в одном заповедном поместье, чтобы удовлетворить потребности другого, хотя Гоуинг также выращивал живую дичь в специально построенных сарайах на своей базе в Саффолке³⁶⁷. По крайней мере, однажды, после того как местный судья стал свидетелем того, как он загружал корзину с живыми фазанами и куропатками в дилижанс, направлявшийся в Лондон, Гоуинг успешно избежал судебного преследования за незаконное хранение дичи после того, как представил свидетелей, которые показали, что фазаны и куропатки содержались у него на территории в состоянии «одомашнивания» в течение многих лет. У Гоуинга, возможно, был доступ к нескольким участкам для содержания и разведения дичи в непосредственной близости от него, за пределами ограниченного пространства, сада его коттеджа. Возможно, еще более важным было то, что дело было выиграно только после того, как местные магистраты обратились за советом к известному королевскому адвокату, который указал, что осуждение Гоуинга потенциально приведет к тому, что если любой «знатный человек будет перевозить ручных фазанов из одного загородного поместья в другое, то он будет подлежать наказанию», Гоуинг создал прецедент защиты в случае поимки с добычей живой дичи³⁶⁸. В сочетании браконьерства и разведения дичи Гоуинг был новатором, но не уникальным³⁶⁹. Однако масштабы деятельности Гоуинга, по-видимому, были значительными. Он утверждал, что сам запасся «большим количеством

³⁶⁵ BPP, IX, 1846, Evidence of W. J. Williams, pp. 308–19.

³⁶⁶ BPP, IX, 1846, Evidence of George Brooke, p. 481.

³⁶⁷ Ipswich J., 7 Dec. 1839. See also Ipswich J., 3, 17 May 1828. BPP, IX, 1846, Evidence of John Hatton, p. 498.

³⁶⁸ Ipswich J., 7 Dec. 1839, ruling of Fitzroy Edward Kelly KC. SRO, IR 29/33/358, Tithe apportionment of Snape, Suffolk, holdings of Frederick Gowing and John Fairweather. BPP, IX, 1846, Evidence of William Storey, p. 634.

³⁶⁹ BPP, IX, 1846, Evidence of William Storey, pp. 380–1.

эссеекской дичи» и разослал «браконьерскую» живую дичь по поместьям по всей Британии, вплоть до Ирландии и Шотландии³⁷⁰.

Движущие силы, стоящие за торговлей живой дичью, в конечном счете, были теми, кто способствовал возникновению самого охотничьего конфликта. Для землевладельцев охота была культурной навязчивой идеей. Спорт, который она обеспечивала, и статус, который она придавала, имели взаимоусиливающее значение. Как однажды заметил Коббетт, охота была не только «важным занятием в сельской местности», но и «основой общей культуры, связывающей аристократию с землевладельцами»³⁷¹. Более того, в 1820–50-е гг. произошел ряд взаимосвязанных изменений в области охоты на дичь и ее сохранения, что совпало с браконьерством Гоуинга карьера, которая, несомненно, стимулировала торговлю живой дичью и яйцами; распространение охотничьей системы баттю, растущая страсть к большим сумкам и все более широкое распространение фазана, который начал вытеснять местную куропатку в качестве вездесущей «британской» охотничьей птицы³⁷². Количество дичи, убиваемой в охотничьих угодьях, значительно возросло в период между окончанием наполеоновских войн и началом Второй мировой войны. 1840-е гг., десятилетие спустя, были названы поздневикторианскими спортивными писателями периодом, когда «дни тяжелых сумок» стали более распространенным явлением даже за пределами модных поместий Восточной Англии, таких как Рендлшем, Садборн или Холкхэм³⁷³. Свидетели, присутствовавшие на заседании специального комитета в 1845 г., рассказывали о провинциальных поместьях, где ежедневно убивалось по 350 голов³⁷⁴. Увеличение добычи, естественно, требовало увеличения численности дичи, и такое расширение требовало разведения большего количества птиц для увеличения тщательно выращиваемых диких племенных популяций. Стремительно растущие популяции безжалостно сохраняемых фазанов, куропаток и зайцев привлекали в лесные массивы браконьеров, но искусвенное поддержание высокой популяции дичи также оказывало все большее давление на часто порицаемого сельского работника – егеря. Хотя профессия егеря была относительно «привилегированной» и хорошо оплачиваемой, особенно после «введения строгого режима охраны дичи», она также была весьма рискованной, если не добывалось достаточное количество птицы для ружей³⁷⁵. В этих обстоятельствах неудивительно, что егеря, стремящиеся сохранить растущие запасы дичи, были втянуты в тайные сделки с братством браконьеров. Как сообщил один из свидетелей специального комитета, «когда наблюдается очевидное снижение количества дичи... и привратник находится под руководством хозяина, который возлагает на него ответственность за поддержание количества дичи на прежнем уровне...

³⁷⁰ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, pp. 630–1.

³⁷¹ Hopkins, ‘The Long Affray’, pp. 94, 163.

³⁷² Walsingham and Payne-Gallwey, Shooting, pp. 17–18.

³⁷³ Ibid., pp. 12–17.

³⁷⁴ BPP, IX, 1846, Evidence of John Blatch and Robert Richardson, pp. 101, 733.

³⁷⁵ P. B. Munsche, ‘The gamekeeper and English rural society’, J. British Studies 20 (1981), pp. 101–03.

привратник, вместо того чтобы подвергать себя порицанию или увольнению, прибегает к этим средствам для восполнения дефицита»³⁷⁶.

Для Джона Брайта, который организовал выступление Фредерика Гоуинга перед специальным комитетом 1845 г., самым важным элементом в разоблачениях браконьера из Саффолка о подпольных сделках с живой дичью были личности тех, кто в конечном счете руководил этой преступной торговлей. По словам Гоуинга, главными его клиентами были « знать, члены парламента, священнослужители, судьи и другие состоятельные господа». Гоуинг сообщал, что иногда имел дело непосредственно с такими «дженрльменами», хотя чаще всего организация доставки и оплата осуществлялись через егерей, камердинеров и других слуг. Гоуинг засвидетельствовал, что «почти вся» живая дичь досталась знати и другим землевладельцам, поскольку «бедняки не могут позволить себе ее покупать»³⁷⁷. Эти утверждения были поддержаны торговцем дичью из Лиденхолла, который заявил, что «я боюсь, что в большинстве случаев именно знатные люди являются причиной нарушения закона, поскольку, если бы они не покупали живую дичь и охотничьи яйца, браконьерство, конечно, не распространялось бы в такой степени, как сейчас»³⁷⁸. Во время заседания комитета Беркли попросил Гоуинга назвать имена некоторых аристократов, с которыми он непосредственно имел дело в сфере живой дичи. В ответ он назвал имена двух пэров, оба покойные, чьи имена были вычеркнуты из протокола специального комитета. При дальнейшем допросе он назвал другого «дженрльмена», также покойного, чье поместье, по словам Гоуинга, было полностью укомплектовано, поскольку «когда я (в первый раз) туда зашел, там не было никакой дичи». Тех, кто все еще жив, он отказался назвать публично, хотя и предложил опознать некоторых из своих клиентов «одному из дженрльменов из комитета, конфиденциально и наедине». На этом этапе разбирательства Гоуингу было приказано удалиться из зала заседаний комитета, и через некоторое время он был отозван. Беркли повторил просьбу комитета «узнать названия партий... знатных людей, членов парламента, магистратов и священнослужителей», на которую ссылался Гоуинг. Во второй раз Гоуинг отказался, мотивируя это тем, что

предположим, что вы, например, являетесь одной из сторон или любым другим дженрльменом в этом комитете, они не хотели бы, чтобы я их разоблачал... и, следовательно, я не думаю, что был прав, поступая так; и поэтому я прошу сказать, что мне не следует рассказывать³⁷⁹.

Специальный комитет Брайта по разработке законов об охоте заслушал еще десять свидетелей до окончания парламентской сессии 1845 г., а в период с февраля по май 1846 г. последовали дальнейшие слушания, на которых были допрошены еще тридцать человек. Наконец, в августе 1846 г. комитет

³⁷⁶ BPP, IX, 1846, Evidence of W. J. Williams, p. 309.

³⁷⁷ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, p. 638

³⁷⁸ BPP, IX, 1846, Evidence of George Brooke, p. 486.

³⁷⁹ BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, pp. 631–8.

опубликовал свои рекомендации и отчет, сопроводив их двумя томами доказательств. Несмотря на подтверждение как ущерба, нанесенного сельскому хозяйству дичью, так и социальных последствий охотничьего конфликта, существенных изменений в законе не предвиделось, как и предсказывал Пил полтора года назад. Помимо незначительных рекомендаций, в том числе об отмене совокупных штрафов за браконьерство, отчет подтвердил статус-кво или просто констатировал очевидное. Было признано, что кролики и зайчики наносят больший ущерб сельскохозяйственным культурам, чем крылатая дичь. В отчете также делается вывод о том, что «по-прежнему существуют отличные возможности для утилизации украденной дичи». Используя легковерие в противоположном направлении, комитет пришел к выводу, что «арендатор (фермер) всегда имеет право ограничить добычу для себя» или, в качестве альтернативы, «отказаться от аренды, если владелец земель настаивает на том, чтобы дичь была зарезервирована»³⁸⁰. В первом пункте не учитывался тот факт, что большинство арендодателей прямо закрепляют «права на охоту» в договорах аренды. Второй просто рассказал арендаторам-фермерам, что они могут сделать, если им это не понравится. Более широкое влияние специального комитета на непосредственную судьбу Лиги против хлебных законов также было минимальным, хотя утверждалось, что агитация Лиги против законов об охоте заставляла «аристократию защищаться в критический момент» и, таким образом, способствовала более широкой агитации против протекционизма. Также было высказано предположение, что «кампания Брайта по борьбе с охотничими нарушениями заставила фермеров-арендаторов с большей вероятностью прислушаться к его призывам к свободной торговле», хотя, к собственному разочарованию Брайта, естественную связь между фермерами и землевладельцами оказалось трудно разрушить³⁸¹. Несколько лет спустя, в марте 1848 г., Брайт попытался внес частный законопроект об отмене законов об охоте, но это ни к чему не привело. Фермерам-арендаторам пришлось дождаться принятия Закона о наземной охоте 1882 г., прежде чем законодательно были предоставлены ограниченные права на контроль за дичью, охотящейся на их посевы³⁸². Хотя он продолжал выступать за полную отмену законов об охоте до конца своей парламентской карьеры, Брайт был раздражен тем, что он воспринимал как политическую робость о фермерах-арендаторах после заседания комитета, обратил «свое внимание на другие вопросы ... оставив... отмену законов об охоте до наступления какого-нибудь катализма»³⁸³.

---

³⁸⁰ BPP, IX, 1846, Report from the Select Committee on the Game Laws, Part II, pp. iii–v.

³⁸¹ Kirby, ‘Attack on the English Game Laws’, p. 36.

³⁸² J. H. Porter, ‘Tenant right: Devonshire and the 1880 Ground Game Act’, AgHR 34 (1986), pp. 188–97. J. Fisher, ‘Property rights in pheasants: Landlords, farmers and the Game Laws, 1860–1880’, Rural Hist., 11 (2000), pp. 165–80.

³⁸³ Брайт даже профинансировал публикацию краткого изложения выводов Комитета для всеобщего ознакомления. R. G. Welford, *The influences of the Game Laws, being classified abstracts of the evidence taken by the Committee of the Game Laws, with observations and notes* (1846). H. J. Leech (ed.), *The public letters of the Rt. Hon. John Bright* (1895), p. 200.

IV

После своего выступления перед специальным комитетом по изучению законов об охотниччьем хозяйстве Фредрик Гоунинг вернулся домой в Саффолк и, как свидетельствуют несколько выступлений в суде, занялся браконьерским бизнесом³⁸⁴. Однако то, что в конечном итоге произошло с Гоунингом спустя годы после его краткого появления в центре внимания всей страны в 1845 г., проясняет ситуацию. Информация, полученная из результатов переписи населения, подтверждает, что Гоунинг оставался в деревне Снейп в Саффолке еще десять лет. Например, в 1849 г. его жена Элизабет родила второго ребенка, сына по имени Томас, родившегося в Снейпе. В 1851 г. у него родился еще один сын, Фредерик, также родившийся в Снейпе. Три года спустя за ним последовал еще один сын, Чарльз, родившийся в конце 1854 г., опять же в Снейпе. Чарльз был крещен в Снейпе на следующий год, 1 апреля 1855 г., одновременно со своими двумя старшими братьями и сестрой Элизабет³⁸⁵. Однако эти коллективные крещения ознаменовали отход семьи от Снейпа. Сразу после этого они далеко уехали из Саффолка, направившись на северо-запад, в Уорикшир³⁸⁶. Время и направление этой миграции можно определить с уверенностью. В 1857 г. у Фредерика и Элизабет Гоунинг родился еще один сын, Джон. На этот раз местом рождения был приход Сниттерфилд в графстве Уорикшир. К 1859 г. в семье появился еще один сын, Джордж, также родившийся в Сниттерфилде. Более того, Фредерик Гоунинг, которого когда-то называли «величайшим браконьером Англии», теперь был егерем. Ближайшие соседи Гоунингов по Сниттерфилду также были, в буквальном смысле слова, знакомы. Это были Генри Фэйрвэзер, также ныне егерь, и его жена Лидия, оба ранее жили в Снейпе в Саффолке³⁸⁷. Генри Фэйрвэзер был сыном Джона Фэйрвэзера, ранее владельца гостиницы «Краун Инн» в Снейпе, и тестя Гоунинга, бывшего сообщника браконьеров. Действительно, сам Джон Фэйрвэзер также позже присоединился к своему сыну и старому партнеру по браконьерству в Сниттерфилде на короткое время перед своей смертью в ноябре 1879 г.³⁸⁸ С апреля 1855 г. Фредерик Гоунинг был егерем в Уорикшире, работая и живя бок о бок со своим шурином, который также стал егерем.

---

³⁸⁴ Ipswich J., 2 Jan., 20 Jan. 1847. После осуждения Эдгара Уайта за ночную браконьерскую охоту в поместье Садборн, Фредерик Гоунинг предстал перед магистратами, заявив, что Уайт был осужден несправедливо и что именно его (а не Уайта) видели егеря в ту ночь. Томас Черчьярд представлял интересы маркиза Хартфорда. SCRO, A609/11, Ipswich Gaol Book, p. 19. В ноябре 1850 г. Гоунинг был заключен в тюрьму на 3 месяца после того, как был признан виновным в ночной браконьерской охоте.

³⁸⁵ C. D. Rogers, *The family tree detective: A manual for analysing and solving genealogical problems in England and Wales, 1538 to the Present Day* (1983), p. 66. Коллективные крещения обычно проводились, когда семья переезжала в другой приход.

³⁸⁶ SCRO, FC 123/D1/6, Snape Parish Register of Baptisms 1813–93.

³⁸⁷ Генри Фэйрвэзер родился в Уактоне, графство Норфолк, в 1830 г. и вскоре после этого переехал со своей семьей в Снейп, графство Саффолк. Лидия Фэйрвэзер (урожденная Тейлор) родилась в Снейпе в 1828 г.

³⁸⁸ Warwickshire County Record Office (WCRO), DR 264/7, Snitterfield Parish Register of Burials, 1868–1930, p. 21. По всей видимости, Джон Фэйрвэзер оставался в Снейпе, графство Саффолк, до смерти своей жены Марии в начале 1879 г. Он умер в Сниттерфилде, графство Уорикшир, в ноябре 1879 г.

Гоуинг перешел на другую сторону в охотниччьем конфликте, и Генри Фейрвезер совершил аналогичный переход³⁸⁹.

Браконьеры, ставшие егерями, не были редкостью. Как заметил Мюнше, «грань между егерем и браконьером действительно была тонкой»³⁹⁰. Охотники за дичью часто сознательно нанимали людей, имевших опыт совершения правонарушений, исходя из предположения, что такие люди обладают полезными знаниями о привычках браконьеров и, таким образом, «заставляют вора ловить вора»³⁹¹. Сам Гоуинг подчеркивал это явление в своих показаниях перед специальным комитетом в 1845 г., отвечая на вопросы о сговоре между двумя группами³⁹². Другие свидетели также отмечали текучесть и взаимосвязь между профессиями браконьера и егеря. Джон Хоутон, фермер и земельный агент, владеющий недвижимостью в Беркшире, Бакингемшире, Мидлсексе, а также в Донегале в Ирландии, утверждал, что «вообще говоря, егеря – это люди, которые были браконьерами»³⁹³. Джон Блэтч, фермер из Хэмпшира и специалист по оценке земель, отметил, что «потому что самые лучшие браконьеры зарабатывают больше, чем лучшие сторожа; их обычно нанимают в качестве сторожей». Далее он сообщил, что его собственные сельскохозяйственные угодья в настоящее время охраняются «самым известным браконьером, который занимается этим уже много лет»³⁹⁴. Частота, с которой браконьеры нанимались на работу в качестве егерей, свидетельствует о том, что у этих двух групп были одинаковые необходимые навыки и понимание привычек охоты и управления ею. Кроме того, помимо «сходства между деятельностью егерей и браконьеров», существовали и другие культурные параллели между этими двумя профессиями. Как егеря, так и профессиональные браконьеры действовали на задворках общества, часто как физически, так иfigурально обособляясь от общества в целом и от обычных ежедневных ритмов трудовой деятельности.

Таким образом, переход Гоуинга на должность егеря был более показательным, чем может показаться. Однако личность человека, который нанял его, заслуживает внимания и является показательной. Сниттерфилд был ядром расширяющегося поместья в Уорикшире, центром которого вскоре стал Уэлкомб-хаус Марка Филипса, торговца хлопком и фабриканта. Он был одним из первых двух членов парламента от Манчестера после принятия Закона о реформе 1832 г. и видным сторонником Лиги против хлебных законов³⁹⁵.

³⁸⁹ До переезда в Уорикшир Генри Фэйрвезер в переписи 1851 г. был указан как «торговец». В 1856 г. в Саффолке он женился на Лидии (урожденной Тейлор), что может указывать на то, что он и его новая жена последовали за семьей Гоуинг в Сниттерфилд, а не сопровождали ее, или что он временно вернулся в Саффолк, чтобы жениться.

³⁹⁰ Munsche, ‘Gamekeeper’, p. 101.

³⁹¹ BPP, IX, 1846, Evidence of George Brooke, p. 485. Munsche, ‘Gamekeeper’, p. 102.

³⁹² BPP, IX, 1846, Evidence of Frederick Gowing, pp. 631–2.

³⁹³ BPP, IX, 1846, Evidence of John Houghton, p. 95.

³⁹⁴ BPP, IX, 1846, Evidence of William Blatch, p. 222.

³⁹⁵ J. R. Hodges, *Welcombe House: The story of a Victorian calendar house* (2016), p. 56. Семья Филипс приобрела поместье Сниттерфилд в 1815 г. Марк Филипс унаследовал эту собственность после смерти своего отца в 1845 г. и в том же году купил соседнее поместье Уэлкомб. Филипс проживал в Парк-Хаусе, Сниттерфилд, до завершения строительства Уэлкомб-Хауса на соседнем участке в 1870 г.

Коллегой Филипса в Манчестере на протяжении большей части этого времени, как в качестве представителя парламента, так и в качестве «свободного торговца», был Томас Милнер-Гибсон, который представлял город вместе с Филипсом после 1841 г. Милнер-Гибсон также работал вместе с Джоном Брайтом в специальном комитете по разработке законов об охоте в 1845–1846 гг. Тесное сотрудничество между Филипсом, Брайтом и Милнер-Гибсоном продолжалось еще долгое время после отмены хлебного закона. Когда в 1847 г. Марк Филипс сложил с себя полномочия одного из членов манчестерской организации «свободная торговля» и удалился в свое поместье в Уорикшире, на его место был выбран Брайт. Вскоре после этого Брайт и Милнер-Гибсон были избраны и, в случае последнего, переизбраны на второй срок от города, не встретив сопротивления. Более того, как подтверждают сохранившиеся дневники Марка Филипса, в течение десяти лет после его ухода из Палаты общин он продолжал регулярно встречаться как с Брайтом, так и с Милнер-Гибсоном, часто вместе обедая в Манчестере или Лондоне³⁹⁶.

Фредерик Гоунинг встретился с Марком Филипсом в Сниттерфилде 7 марта 1855 г. и согласился работать у него егерем за относительно щедрую сумму в 30 шиллингов в неделю. Месяц спустя, 9 апреля 1855 г., Гоунинг вернулся в поместье Филипс со своей семьей и приступил к исполнению своей новой роли³⁹⁷. Почти наверняка это назначение было связано со связями, установленными десятилетием ранее. Филипс, как один из коллег Брайта и Милнера-Гибсона по парламентской «лиге», несомненно, был осведомлен о том, что Гоунинг выступал перед комитетом 1845 г., и, возможно, в то время имел с ним прямые отношения. Невозможно точно определить, кто был инициатором встречи Гоунинга с Филипсом десять лет спустя и последовавшего за этим переезда в Уорикшир. Возможно, это произошло по просьбе Гоунинга или по приглашению Филипса. Это также могло быть связано с субсидиями Брайта или Милнера-Гибсона³⁹⁸. Безусловно, существует множество причин, по которым саффолкский браконьер, которому едва перевалило за пятьдесят, у которого были жена и четверо маленьких детей, мог захотеть расстаться со своей прежней жизнью через десять лет после своего появления перед специальным комитетом, хотя отсутствие точных доказательств означает, что они остаются спекулятивными. Несомненно, к 1850-м гг. Снейп значительно изменился после того, как семья Гарретт вложила значительные средства в развитие деревни, что привело к развитию порта и строительству новых

³⁹⁶ Manchester Central Library (MCL), M571/2–3, Diaries of Mark Philips, 1846–63.

³⁹⁷ MCL, M571/2, Diary of Mark Philips 1855, March– April. WCRO, QS12, Occupational and Quarter Sessions records; Warwickshire Gamekeepers' Deputations, 2 May 1855.

³⁹⁸ Вполне возможно, что Томас Милнер Гибсон был первоначальным и главным связующим звеном между Гоунингом и Лигой против хлебных законов. Хотя он был связан с парламентским избирательным округом Манчестера в период с 1841 г. по 1856 г., Милнер Гибсон был «саффолкским помещиком», а также мировым судьей и впоследствии лордом-лейтенантом графства. Его родовое имение, Тебертон-холл в Саффолке, находилось в приходе, практически примыкающем к тем, в которых проживал Гоунинг. Вероятность того, что Милнер Гибсон знал Гоунинга еще до 1845 г., усиливается отношениями, которые сложились в начале 1840-х гг. между Милнером Гибсоном и Джоном Хаттоном, главным констеблем Восточного округа Саффолка в 1840-х гг. ODNB, 'Gibson, Thomas Milner (1806–84)', BPP, IX, 1846 (Evidence of John Hatton), p. 498.

причальных зернохранилищ. Эти предприятия вскоре «стали доминировать в жизни деревни», и «большинство мужчин и мальчиков» получили там работу³⁹⁹. Есть также свидетельства того, что сельская полиция не только укрепляла свои позиции, но и добивалась определенных успехов в подрыве деятельности более широкой сети Гоуинга⁴⁰⁰. Джон Фейрвезер, хозяин «Краун Инн», в начале 1840-х гг. он дважды подвергался судебному преследованию за то, что «люди с заведомо дурным характером... хорошо известные как браконьеры» заставляли его «собираться и совещаться... в часы утренней божественной службы»⁴⁰¹. К 1843 г. Фэйрбразер отказался от аренды гостиницы после уплаты штрафов и поручительств на сумму 16 ф. ст. и последующее решение шерифа, которое, по-видимому, привело к продаже большей части его домашнего имущества⁴⁰². Несчастье Фейрвезера, по-видимому, не оказало существенного краткосрочного влияния на браконьерскую деятельность Гоуинга, но в более общем плане Снейп, как и в других печально известных браконьерских деревнях 1830-х и 1840-х гг., к началу середины викторианского периода, вероятно, все стало более упорядоченным в результате экономических, культурных изменений и смены поколений, а также более эффективной работы полиции⁴⁰³. Тем не менее, какие бы личные или косвенные факторы ни побудили Гоуинга изменить курс и отдалиться от Снейпа и Саффолка, одно можно сказать наверняка. Он не был забыт теми манчестерскими контрабандистами, в деле которых он был свидетелем в расследовании Брайтом законов об охоте десятилетием ранее. Действительно, вполне возможно, что более поздняя работа Гоуинга в поместье Филиппс в Уорикшире представляла собой выполнение обязательства, данного на этот счет видными членами Лиги в 1845 г.

Фредерик Гоуинг скончался в возрасте 86 лет в январе 1891 г., менее чем через год после смерти Роберта Нидхэма Филиппса, который унаследовал поместье Уэлкомб от своего младшего брата Марка в 1873 г.⁴⁰⁴ Накануне смерти Гоуинга в «обширных поместьях», сосредоточенных в Уэлкомб-хаусе, выращивалось «около 6000 кроликов... ежегодно, в дополнение к большому количеству другой дичи», хотя было заявлено, что «ни одна голова так и не была продана; все произведенное оружие было использовано для личных нужд мистера Филиппса, а также для нужд его друзей и арендаторов»⁴⁰⁵. В 1890 г. управление поместьем перешло к старшей дочери Роберта Нидхэма Филиппса Кэролайн и ее мужу сэру Джорджу Отто Тревельяну, а их второй сын Роберт

³⁹⁹ R. A. Irving, *Snape: The short history of a Suffolk village* (1966), p. 31.

⁴⁰⁰ BPP, IX, 1846, Evidence of John Hatton, p. 503.

⁴⁰¹ Ipswich J., 20 Feb., 22 May 1841.

⁴⁰² Ipswich J., 28 Aug. 1841. SCRO, FC123/F1/1–7, *Snape Poor Rate Books*, 1838–51. Фэрвезер оставался владельцем гостиницы «Краун» по крайней мере до апреля 1842 г. Записи прерываются до июня 1843 г., к тому времени Фэрвезера сменил Роберт Роуз, владелец гостиницы на праве собственности, также сосед Гоуинга и Фэрвезера.

⁴⁰³ Jones, ‘Poacher’, p. 860.

⁴⁰⁴ WCRO, DR 264/7, *Snitterfield Parish Register of Burials*, 1868–1930, p. 42.

⁴⁰⁵ Cornwall Gazette, 13 Mar. 1890.

был назван наследником⁴⁰⁶. К этому моменту поместье занимало площадь около 3800 акров, включая 21 ферму и 400 акров леса⁴⁰⁷. Генри Фейрвезер оставался на службе у Роберта Филипса, принадлежал к семье Тревельянов до своей смерти в 1898 г., хотя с 1891 г. он описывался не как егерь, а как «земельный агент леди Тревельян»⁴⁰⁸. Его жена Лидия оставалась в Сниттерфилде до самой своей смерти в 1911 г., как и вдова Фредерика Гоуинга Элизабет, которая умерла вскоре после этого в 1912 г. Обе женщины в преклонном возрасте жили на «личные средства». Несомненно, Генри Фэйрвезер оставил своей жене и нескольким детям Гоуинга щедрое наследство, которое после его смерти оценивалось более чем в 3800 ф. ст.⁴⁰⁹ Двое из оставшихся в живых сыновей Фредерика и Элизабет Гоуинг продолжили карьеру своего отца, работая егерями в Чeshire, Лестершире и Суррее⁴¹⁰.

V

Дальнейшая жизнь Фредерика Гоуинга и судьба его ближайших родственников в конечном счете определились после того, как в 1845 г. он предстал перед специальной комиссией по изучению законов об охоте и его последующего перехода от браконьерства к егерской деятельности. Что еще более важно, показания, которые Гоуинг предоставил комитету, важны для историков браконьерства по нескольким причинам. Это еще одно доказательство того, насколько далеко заходила незаконная торговля дичью в позднегеоргианский и ранневикторианский периоды. Это также подчеркивает, что значительная часть преступлений, связанных с браконьерством, в конечном счете, в той или иной форме была коммерческой. Это был промысел, в котором так или иначе участвовало большинство населения, включая все классы. Меньшинство, такое как Гоуинг, были поставщиками, но гораздо больше было потребителей или тех, кто молчаливо признавали это частью повседневной жизни. Опыт Гоуинга также показывает, как были структурированы и организованы коммерческие предприятия по борьбе с браконьерством, в которые часто входили как специалисты, работающие полный рабочий день или на постоянной основе, так и преступники, работающие неполный рабочий день, которые часто были бедными рабочими, эффективно работающими в качестве субподрядчиков. Это не означает, что Гоуинг был типичным примером браконьера. Это было не так, хотя большая часть доказательств, которые он предоставил комитету, подтверждают то, что историки уже знают о браконьерстве, особенно с точки зрения экономической

⁴⁰⁶ The Times, 1 Mar. 1890, 27 Jan. 1928 and 23 Oct. 1928. Третий сын супругов, историк Г. М. Тревельян и автор книги «Жизнь Джона Брайта» (1913), родился в Уэлкомб-Хаусе в 1876 г.

⁴⁰⁷ WCRO, CR1596/Box 82/48, Welcombe Hotel Sale Particulars, Nov. 1929.

⁴⁰⁸ Census, 1891. WCRO, DR 264/7, Snitterfield Parish Register of Burials, 1868–1930, p. 55.

⁴⁰⁹ 131 WCRO, CR2028/25/2, Documents relating to probate and estate of Henry Coling Fairweather, land steward of Snitterfield, 1879–1911. National Probate Index, Will of Henry Coling Fairweather of Snitterfield, Warwickshire, land steward, died 5 July 1898, Probate Birmingham, 19 Nov. 1898.

⁴¹⁰ Джон Гоуинг стал егерем в семье Бромли-Дэвенпорт в Кейсторн-холле, графство Чeshire. Томас Гоуинг сначала работал егерем в Гамли, графство Лестершир, а затем в Кингсвуде, графство Суррей.

основы многих правонарушений, а также отношения населения как к законам об охоте, так и к нарушителям.

Одним из оригинальных аспектов показаний Гоуинга были доказательства, которые он, наряду с другими свидетелями, представил перед специальным комитетом 1845 г. о торговле живой дичью. Этот сектор черного рынка дичи, в конечном счете, был обусловлен спросом со стороны землевладельцев, занимающихся сохранением дичи, и, по-видимому, быстро развивался в течение десятилетий после 1820 г. в ответ на моду среди спортсменов на все большие популяции и мешки дичи. Компания Гоуинга, специализирующаяся на производстве яиц и живой дичи, предвосхитила инновации и инвестиции в искусственное разведение дичи, которые впоследствии были внедрены в поместьях Восточной Англии, таких как Юстон и Элвден, а также развитие легальной индустрии разведения дичи, которая в конечном итоге стала поставлять продукцию в британские спортивные поместья⁴¹¹. Опыт компании Гоуинга также подчеркивает пограничный мир, в котором часто обитают как браконьеры, так и егеря, и парадоксальные отношения, которые иногда складываются между двумя группами участников «долгой схватки». Хотя эти отношения были в основном враждебными и часто отличались ожесточенностью, были примеры сотрудничества и соучастия, особенно в отношении торговли живой дичи. Границы между этими двумя профессиями иногда были зыбкими и часто пересекались. Лонгитюдный подход может помочь выявить такую внутреннюю сложность. Карьера Гоуинга является одним из наиболее ярких примеров часто взаимозаменяемых статусов егеря и браконьера, но его смена «призыва» не была, по меркам того времени, экстраординарной⁴¹².

Наконец, опыт Гоуинга также позволяет по-новому взглянуть на часто упускаемый из виду аспект более широкой кампании по отмене зерновых законов. Нападки Брайта на законы об охоте еще раз подчеркивают, что кампания против хлебных законов пересекла границы города и страны, промышленности и сельского хозяйства, вокруг которых часто формируются представления населения о борьбе за их отмену. Агитация по вопросу охоты была, с одной стороны, тактическим приемом, направленным на то, чтобы подорвать интересы землевладельцев и поддержать динамику предвыборной кампании в то время, когда поддержка отмены закона в парламенте была слабой, но, тем не менее, она содержала последовательную критику экономического и морального обоснования протекционизма. Центральное место в кампании Лиги занимало ослабление поддержки хлебных законов в сельских округах, и она была направлена, в частности, на подрыв электоральной лояльности фермеров-арендаторов к кандидатам-

⁴¹¹ A. Durie, ‘Game shooting: An elite sport, c.1870–1980’, *Sport in History* 28 (2008), pp. 431–44. J. Martin, ‘British game shooting in transition, 1900–1945’, *Agricultural Hist.* 85 (2011), pp. 209 and 215; id., ‘The transformation of lowland game shooting in England and Wales since the Second World War: The supply side revolution’, *Rural Hist.* 22 (2011), pp. 207–26.

⁴¹² Munsche, ‘Gamekeeper’, p. 102. See also the experiences recounted by Holcombe, Exmoor poacher (chs 7–9) and Haggard (ed.), *I walked by night* (chs 12–13).

землевладельцам. Возможно, это вполне объяснимо, поскольку «нарушение правил охоты» часто представлялось проблемой, имеющей больший потенциал для объединения мнений фермеров-арендаторов и отделения сельскохозяйственных интересов от земельных, чем сама по себе отмена.

Перевод Сергея Миронюка

Выходные данные статьи: Osborne, Harvey (2018) John Bright's poacher: poaching, politics and the illicit trade in live game in early Victorian England, *Agricultural History Review*, Vol. 66, No 2, pp. 215-237.

УТРАТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ ЗАБОЛОЧЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ, 1800–1840 ГГ.

Челси Тил

Аннотация. Многие из сохранившихся водно-болотных угодий на северо-востоке Северной Америки следует рассматривать как реликтовые агрокосистемы, что является следствием их широкого использования для заготовки сена и выпаса скота в колониальную эпоху. На территории густо залесённого Северо-Востока открытые земли часто ограничивались участками с высоким уровнем грунтовых вод, и колонисты зависели от луговых болот, которые обеспечивали фураж для скота. Чтобы получать более стабильный и качественный урожай этого природного сена, а также обеспечить безопасный проход косцам, повозкам и животным по заболоченным землям, фермеры регулировали уровень грунтовых вод и влияние приливов. Эта практика интенсифицировалась в начале XIX века до такой степени, что многие болота перестали быть влажными, что позволило ввести новые культуры, такие как кормовые растения для возвышеностей. Мотивацией этих изменений стали опасения нехватки сена в условиях роста населения и поголовья скота, вызванного становлением рыночной экономики, которая переориентировала фермеров от смешанного сельского хозяйства к специализации на животноводстве и кормопроизводстве. С этой точки зрения, низкая ценность водно-болотных угодий в США частично объясняется их неспособностью обеспечивать необходимое количество и качество сена и пастбищ для новой сельскохозяйственной системы.

В начале XIX века большая часть северо-востока США и Канады начала переход от аграрного общества с натуральным хозяйством к рыночной экономике, основанной на специализации и механизации. Одним из результатов этого изменения стал отход от смешанного сельского хозяйства в сторону концентрации на животноводстве и кормовых культурах. Этот переход стал возможен благодаря всё более научному подходу к растениеводству. Достижения европейцев становились достоянием североамериканских фермеров, а также появились свои американские и канадские «новаторы», публиковавшие собственные работы⁴¹³.

Для увеличения товарного излишка требовался надежный источник фуража, и к 1860 году Нью-Йорк стал лидером страны по производству сена, за ним близко следовали штаты Новой Англии⁴¹⁴.

---

⁴¹³ M. Bruegel. Farm, shop, landing: The rise of a market society in the Hudson Valley, 1780–1860 (2002); C. Merchant, Ecological revolutions: Nature, gender, and science in New England (1989); C. Sellers. The market revolution: Jacksonian America, 1815–1860 (1991); T. Steinberg. Nature incorporated: Industrialization and the waters of New England (1991); For information on fungal and insect infestations that reduced wheat production in nineteenth- century New England, see George S. J. Hill. Essay on the hessian fly, wheat midge, and other insects injurious to the wheat crops (1858); Cheese and butter were the most important products in eastern cities in the 1840s, see Trans. State of New York Agricultural Soc., for the Year MDCCCXLI, I, (1842).

⁴¹⁴ J. H. French. Gazetteer of the state of New York (1860).

Развитие и поддержание источников фуража изначально было проблематичным, поскольку в течение некоторого времени после европейского заселения травянистые участки на Северо-Востоке ограничивались территориями с высоким уровнем грунтовых вод, бедными почвами или местами, расчищенными коренными жителями. Более мягкий климат Юга позволял осуществлять круглогодичный выпас скота в лесах, но Северо-Восток испытывал недостаток подходящей местной флоры для зимнего обеспечения, за исключением трав, осок, ситников, папоротников, хвоиц, сложноцветных и других недревесных растений, собирающихся на заболоченных землях. Заболоченные территории, поддерживавшие эту травянистую растительность, в Новой Англии назывались лугами (meadows), в Новой Франции — прериями (prairies), а в Новых Нидерландах — влайсами (vlys). Ими в той или иной степени управляли, чтобы сохранить или повысить урожайность местного сена⁴¹⁵.

Рисунок 1 – Болото на территории усадьбы Итана Аллена, Берлингтон, Вермонт. Фото автора, 2012 год

По мере роста населения (как людей, так и скота) и усиления зависимости экономики Северо-Востока от кормовых культур (либо в севообороте, либо в качестве основной культуры), заболоченные земли региона испытывали всё большее давление, чтобы обеспечить достаточным количеством сена и пастбищ. Одним из решений было «улучшение» заболоченных земель для

⁴¹⁵ V. D. Anderson. *Creatures of empire: how domestic animals transformed early America* (2004); J. S. Bleakney. *Sod, soil, and spades: The Acadians at Grand Pre and their dykeland legacy* (2004); B. Donahue. *The great meadow: Farmers and the land in colonial Concord* (2004); M. G. Hatvany. *Marshlands: Four centuries of environmental change on the shores of the St. Lawrence* (2003); C. Teale. *Wetlands of New Netherland, Hudson River Valley Rev.* 33 (2016), pp. 62–77.

повышения их стабильной продуктивности. В раннем примере 1753 года американский пионер сельского хозяйства Джаред Элиот изложил свое видение улучшения заболоченных земель, побуждая читателей расчищать, прокладывать канавы, осушать, выжигать и иным образом управлять ими для разных целей:

«Взгляните на болото в его первозданном виде, полное трясин, заросшее камышом, папоротником, ядовитыми сорняками и лианами, среди прочей бесполезной продукции — истинного порождения стоячих вод. Его илистое дно — пристанище черепах, жаб, тритонов, змей и прочих ползающих гадов. Гибельные заросли терновника и мрачная тень более крупных деревьев; обиталище совы и выпи; притон лисиц и клетка для всякой нечистой и отвратительной птицы. А теперь взгляните на это же место после того, как над ним поработали: расчистили, прорыли канавы, осушили, выжгли и провели прочую необходимую обработку. Узрите же его теперь, одетое в сладостную изумрудную траву, украшенное высокоствольным, широколистным, полновесным индейским зерном; желтым ячменем; серебристым льном; буйной коноплей, разукрашенное стройными рядами капусты; восхитительной дыней и лучшей из реп — всё это радует глаз, а многое и вкус. Дивная перемена! И всё свершилось за столь краткое время; подобие творения, насколько то доступно нам, слабым смертным, — счастливый плод умения и трудолюбия»⁴¹⁶.

Энтузиазм Элиота достиг большого числа образованных и состоятельных жителей Новой Англии и Нью-Йорка, однако, хотя он и стремился писать так, чтобы быть понятным рядовым фермерам, его успех в продвижении улучшения заболоченных земель — как и других сельскохозяйственных новшеств, приходивших из Европы, — был ограниченным⁴¹⁷. Работы Элиота пережили новый подъем на всем Северо-Востоке после Революции, когда его трактаты были переизданы, а отрывки из них печатались в зарождающейся сельскохозяйственной прессе. Во многих частях Северо-Востока осуществление видения Элиота в период перехода к рыночной экономике заняло почти столетие, но в конечном итоге эти изменения можно назвать «экологической революцией», поскольку ценность, использование и управление многими природными ресурсами кардинально изменились. Брайан Донахью отметил это изменение в своей статье 1989 года, проследив полувековой конфликт между местными фермерами, зарождающейся рыночной экономикой и набирающей силу индустриализацией на реке Садбери в Массачусетсе⁴¹⁸. Крайний пример, связанный с затоплением лугов на этой реке из-за плотины мельницы и последовавшей деградацией, и потерей кормовой базы, можно распространить на многие ресурсы по всему Северо-

⁴¹⁶ H. J. Carman, R. G. Tugwell and R. H. True (eds). *Essays upon field husbandry in New England and other papers, 1748–1762*, by Jared Eliot (1934), pp. 96–7.

⁴¹⁷ C. Gross. The experimental philosophy of farming: Jared Eliot and the cultivation of Connectix-cut, *William and Mary Q.* 50 (1993), pp. 502–28.

⁴¹⁸ Merchant, *Ecological revolutions; Sellers, Market revolution; Steinberg, Nature incorporated.*

Востоку, чья ценность снизилась, поскольку новые производственные приоритеты заставили фермеров принять новые методы управления и альтернативные культуры⁴¹⁹.

Энвайронментальные историки сформировали нарратив, объясняющий, как низкая ценность, приписывавшаяся заболоченным землям в XIX веке, основывалась на их связи с болезнями и восприятии их как пустошей, отчасти вдохновленном размышлением таких «улучшателей», как Джаред Элиот⁴²⁰. Более показательно рассматривать заболоченные земли через призму изменения их сельскохозяйственной ценности. Хотя историки сельского хозяйства уже некоторое время признают важность производства фуража на заболоченных землях, лишь немногие авторы рассматривали этот вопрос в глубину, и в основном применительно к солончаковым маршрутам, особенно на французских территориях Канады; примером служит исследование Мэтью Хэтвани 2003 года, посвященное реке Святого Лаврентия⁴²¹. Примечательным исключением является работа Брайана Донахью 2004 года, исследующая землепользование в Конкорде (Массачусетс), заселенном англичанами, — работа, в которой прямо рассматриваются те же пресноводные маршы на реке Садбери, о которых он впервые писал в 1989 году⁴²². Другим примером является диссертация автора настоящего текста о ценности, использовании и управлении заболоченными землями Новых Нидерландов⁴²³.

Данное исследование использует материалы зарождающейся сельскохозяйственной прессы для изучения процессов, которые привели к утрате ценности заболоченных земель как сельскохозяйственного ресурса на

---

⁴¹⁹ B. Donahue. Dammed at both ends and cursed in the middle: the flowage of the Concord River meadows, 1798–1862. *Environmental Rev.* 13 (1989), pp. 46–67.

⁴²⁰ H. Prince. *Wetlands of the American Midwest: A historical geography of changing attitudes*, (1997); C. B. Valencius. *The health of the country: How Americans understood themselves and their land* (2002); A. Vileisis. *Discovering the unknown landscape: a history of America's wetlands* (1997).

⁴²¹ W. R. Baron and A. E. Bridges. Making hay in northern New England: Maine as a case study, 1800–1850. *Agricultural Hist.*, 57 (1983), pp. 165–80; K. W. Butzer. French wetland agriculture in Atlantic Canada and its European roots: Different avenues to historical diffusion, *Annals of the Association of American Geographers* 92 (2002), pp. 451–70; A. H. Clark, Acadia: The geography of early Nova Scotia to 1760 (1968); R. Cunningham and J. B. Prince. Tamped clay and saltmarsh hay (*Artifacts of New Brunswick*) (1976); M. G. Hatvany. Wedded to the marshes: salt marshes and socio-economic differentiation in early Prince Edward Island, *Acadiensis* 30 (2001), pp. 40–55; Hatvany, *Marshlands*; D. Muir, *Reflections in Bullough's Pond: Economy and ecosystem in New England* (2002); D. Smith and A. Bridges. Salt marsh dykes as a factor in eastern Maine agriculture, *Maine Historical Soc. Q.* 21 (1982), pp. 219–26; D. C. Smith, V. Konrad, H. Koulour, E. Hawes and H. W. Borns, Jun. Salt marshes as a factor in the agriculture of northeastern North America, *Agricultural Hist.* 63 (1989), pp. 270–84.

⁴²² Donahue, *Great Meadow*.

⁴²³ C. Teale. *Informing environmental history with historical ecology: Agricultural wetlands in New Netherland, 1620–1820* (unpublished PhD Dissertation, Pennsylvania State University, 2013); ead., *Agricultural wetland use and management in the Note 11 continued Dutch-settled Northeast, 1620–1800*, *New York Hist.* 98 (2017), pp. 177–204.

Северо-Востоке — от их необходимости в колониальную эпоху до восприятия их как обузы в XIX веке.

I

Чтобы понять ранние изменения в ценности заболоченных земель для сельского хозяйства Северной Америки, мы сосредоточимся на Северо-Востоке (где сено имело наибольшее значение среди колоний) и обратимся к сельскохозяйственным изданиям периода с 1800 по 1840 год, когда они фокусировались на этом регионе и начали обмениваться информацией из Европы и других частей Северной Америки⁴²⁴.

Сельскохозяйственные журналы в основном перепечатывали статьи друг друга и отрывки из книг (часто дословно), за исключением некоторых редакционных материалов и писем читателей, характерных для конкретного издания. Многие ранние номера также переиздавали материалы из эссе середины и конца XVIII века. В результате практически идентичные материалы распространялись на обширной территории, что делает сельскохозяйственные журналы хорошим источником информации об изменениях регионального масштаба.

Первыми настоящими сельскохозяйственными журналами в Соединенных Штатах были *Agricultural Museum* из Вашингтона, округ Колумбия (1810–12 гг.), *Massachusetts Agricultural Journal* (1813–32 гг.) и *The American Farmer* (1819–34 гг.). Последнее издание задумывалось как общенациональное, но воспринималось скорее, как журнал южных штатов; его северным аналогом был *Plough Boy* из Олбани (1819–23 гг.). *New England Farmer* (1822–46 гг.) стал первым широко распространяемым сельскохозяйственным журналом на Северо-Востоке. *New-York Farmer and Horticultural Repository* (1828–39 гг.) был относительно дорогим и не имел такого тиража, как *New England Farmer*, но в течение нескольких лет оставался его единственным региональным конкурентом. Самым распространенным сельскохозяйственным журналом в стране стал *Cultivator* из Олбани (1834–39 гг.), который в итоге объединился с *Genesee Farmer* из Рочестера; он продолжил издаваться под названием *Cultivator*, а затем как *Country Gentleman*.

К 1837 году, когда *The Cultivator* впервые обнародовал данные о подписке, у него было почти 7000 подписчиков в штате Нью-Йорк, за которым следовали Виргиния (964) и Коннектикут (835)⁴²⁵. Подписчики в тот год были в каждом штате, а несколько сотен также проживали в Верхней Канаде (Онтарио), Нижней Канаде (Квебек), Нью-Брансуике и Новой Шотландии; журнал рассыпался даже в такие отдаленные места, как Шотландия. Несмотря на то,

⁴²⁴ A. L. Demaree. The farm journals, their editors, and their public, 1830–1860. *Agricultural Hist.* 15 (1941), pp. 182–8; D. B. Marti. Agricultural journalism and the diffusion of knowledge: the first half-century in America, *Agricultural Hist.* 54 (1980), pp. 28–37; S. C. Stuntz. List of the agricultural periodicals of the United States and Canada published during the Century July 1810–July 1910 (US Department of Agriculture, Mis-cellaneous Publication 398, 1941).

⁴²⁵ *The Cultivator* 4, Mar. 1837.

что это было издание из Олбани, основные районы подписки на журнал совпадали с «расширенной Новой Англией»: собственно Новая Англия, коридор канала Эри и регион нижних Великих озер⁴²⁶.

Сельскохозяйственная пресса пришла в Нижнюю Канаду в начале 1820-х годов, когда граф Далхаузи поощрял фермеров Квебека и Монреаля подписываться на олбанский *Plough Boy*. Джон Янг из Новой Шотландии в то же время публиковал *The letters of Agricola on the principles of vegetation and tillage* — сборник писем, которые ранее, начиная с 1818 года, печатались в *Acadian Reporter*. Другие издания появились в 1836 году: *Journal d'agriculture* (Монреаль) и *Farmer's Advocate* (Шербрук); большинство других восточно-канадских публикаций возникло лишь в середине века⁴²⁷.

The Cultivator значительно увеличил свой тираж в Канаде после 1838 года, а сельскохозяйственные журналы для штатов Среднего Запада появились в 1840-х годах. Хотя региональные издания, такие как *American Farmer*, уже обслуживали Юг к 1820-м годам, этот регион также оставался недостаточно представленным ещё в течение двух десятилетий.

II

Практики заготовки сена и выпаса в Северо-Восточном регионе в XVII–XVIII веках были схожи с практиками в Англии столетием ранее, поскольку осуществлялись везде, где это было возможно: на заболоченных землях, на живые полей, в лесах и в любых других местах, не огороженных забором⁴²⁸.

Французы, англичане и голландцы использовали и управляли заболоченными землями («естественными лугами») сходным образом от Новой Шотландии до Нью-Джерси, как правило, скашивая часть из них на сено в конце лета и используя другие как пастбища. Некоторые заболоченные участки использовались для выпаса после покоса. В зависимости от размера, они либо находились в частной собственности, либо делились на участки; некоторые более крупные заболоченные территории (как, например, солончаковые марши) управлялись сообща. Ранние земельные описи часто выделяли отдельные участки под дом, огород, лес и луг. Налоговые ведомости иногда различали «луговые земли» и «возвышенные земли»⁴²⁹.

Несмотря на важность заболоченных земель для производства естественного сена, ранние американские фермеры осознавали его низкое

⁴²⁶ J. Fisher, ‘Improving the soil and mind: the geography of *The Cultivator*’ (unpub. Master’s thesis, Pennsylvania State University, 2008).

⁴²⁷ ‘Agriculture in Canada’, *The Cultivator* 7, Dec. 1840, p. 183; S. Southwick, ‘To the Patrons of *The Plough Boy*’, *The Plough Boy* 3, 20 Apr. 1822, pp. 46–7.

⁴²⁸ C. Lane. The development of pastures and meadows during the sixteenth and seventeenth centuries’, *AgHR* 28 (1980), pp. 18–30.

⁴²⁹ P. W. Bidwell and J. I. Falconer. *History of agri-culture in the northern United States, 1620–1860*, I, *Agriculture in the earliest settlements* (1925); Hatvany, *Marshlands*; H. Russell, *A long, deep furrow: Three centuries of farming in New England* (1976); G. Whitney. *From coastal wilderness to fruited plain: A history of environmental change in temperate North America from 1500 to the present* (1994); Smith et al. *Salt marshes; Teale, Wetland use and management*.

качество. Уже в 1637 году, например, житель Новой Англии писал, что сено с низменных территорий было:

«хуже по качеству, чем наша английская тростниковая и осоковая трава, ибо оно настолько лишено питательной силы, что наш скот, питаясь им, покрывается вшами и сильно теряет бодрость и аппетит; кроме того, это порождает среди них различные болезни, которые мы не знаем, как лечить»⁴³⁰.

В сообщении 1655 года из соседних Новых Нидерландов указывалось, что скот также имел тенденцию быть мелким, отчасти из-за недоедания, и часто заболевал от «кормления на сочных пастбищах или сочном сене» («сочным» часто называли пресноводные растения в отличие от растущих на солончаках; в качестве средства пораженных животных поили соленой или солоноватой водой и/или кормили соленым сеном)⁴³¹.

Одной из возможных причин недоедания и болезней могла быть токсичность некоторых местных растений заболоченных земель, в основном широколиственных видов, для скота без дополнительной обработки. В некоторых случаях (например, горец земноводный, *Polygonum amphibium*) это означает простое скашивание и сушку, но в других случаях процесснейтрализации токсинов был либо неизвестен фермерам, либо требовал слишком больших затрат и времени (например, пропаривание и сушка, необходимые для того, чтобы сделать папоротник-орляк, *Pteridium aquilinum*, съедобным). Однако не все растения одинаково вредны, поскольку животные по-разному выбирают и переносят виды корма⁴³².

Еще одним фактором, влияющим на питательную ценность корма с заболоченных земель, может быть время уборки сена, которое, по крайней мере в Новых Нидерландах, по-видимому, приходилось на конец лета, возможно, когда земля была достаточно сухой для работы косцов и телег. Заготовка сена также могла откладываться на конец лета и осень, чтобы успеть собрать продовольственные культуры. Однако по мере прогрессирования сезона наблюдается всё более обратная зависимость между урожайностью, питательной ценностью и усвоемостью, поскольку растения становятся более волокнистыми, что затрудняет для фермеров выбор оптимального времени

⁴³⁰ This comment is interesting because English reed and sedge were themselves not highly valued at the time; T. Hutchinson, *The history of the colony of Massachuset's Bay, from the first settlement thereof in 1628, until its incorporation with the colony of Plymouth, province of Main, &c. by the charter of King William and Queen Mary in 1691* (sec. edn, 1765), p. 483.

⁴³¹ D. W. Goedhuys (trans.), C. T. Gehring and W. A. Starna (eds), *A description of New Netherland written by Adriaen van der Donck in 1655* (2008), p. 44.

⁴³² D. E. Hubbard. *Using your wetland for forage* (US Fish and Wildlife Service, FS 853, 1988); C. Menard, P. Duncan, G. Fleurance, J.-Y. Georges, and M. Lila. Comparative foraging and nutrition of horses and cattle in European wetlands, *J. Applied Ecology* 39 (2002), pp. 120–33; J. Vetter. Toxicological and medicinal aspects of the most frequent fern species, *Pteridium aquilinum* (L.) Kuhn, H. Fernández, A. Kumar, and M. A. Revilla (eds), *Working with Ferns: Issues and complications* (2011), ch. 25.

сбора урожая. Например, некоторые виды, такие как рогоз (*Typha spp.*), следует срезать ранней весной, в то время как другие, например осока ложноприбрежная (*Carex atherodes*), лучше всего подходят после образования семян летом⁴³³. Учитывая разнообразие видов на любом конкретном заболоченном участке, такие несоответствия, несомненно, приводили к получению сена нестабильного качества. Отдельная проблема — низкая вкусовые качества многих растений заболоченных земель, таких как перечисленные натуралистом Генри Дэвидом Торо на маршах реки Садбери: рогоз, осоки (*Cyperaceae*) и стрелолист (*Sagittaria spp.*). Скот мог отдавать предпочтение «хвощам» (*Equisetum spp.*), и луг, полный ими, был ценен, хотя их избыток может отравлять лошадей⁴³⁴. Разнообразие растений, встречающихся во многих незатопляемых приливами заболоченных землях, иллюстрируется рогозом, осоками, разнотравьем и мелкими кустарниками на заболоченной территории в Вермонте, показанной на Рисунке 1, которой владел герой Войны за независимость Итан Аллен. Ирония судьбы: Аллен умер в 1789 году, перевозя одолженный воз сена на свою ферму, после того как не смог заготовить достаточно своего собственного, несмотря на доступ как к «низинным болотам, так и к богатым возвышенным лугам»⁴³⁵.

Проблема низкокачественного корма не ограничивалась заболоченными землями, как отметил шведский ботаник Петер Кальм во время своего путешествия по Пенсильвании, Нью-Джерси, Нью-Йорку и Квебеку в 1749 году. Он писал, что скот, пасшийся на возвышенных травах в западном Нью-Джерси, был мелким и голодным, отмечая:

большинство злаков здесь однолетние и не вырастают несколько лет подряд из одного и того же корня, как наши шведские травы. Они должны высеваться сами каждый год, потому что прошлогоднее растение отмирает каждую осень.

*большинство злаков здесь однолетние и не вырастают несколько лет подряд из одного и того же корня, как наши шведские травы. Они должны высеваться сами каждый год, потому что прошлогоднее растение отмирает каждую осень. Большое количество скота мешает этому самосеву, так как трава съедается прежде, чем успевает дать цветы и семена. Поэтому не стоит удивляться, что трава на полях, холмах и пастбищах в этих провинциях так редка*⁴³⁶.

Кальм ошибался в одном отношении. Местные злаки к северу от Пенсильвании, скорее всего, являются многолетниками. Его заблуждение

⁴³³ See, for example, Hubbard, *Using your wetland for forage*.

⁴³⁴ Donahue. Dammed at both ends; D. Foster, *Thoreau's country: Journey through a transformed land-scape* (1999), p. 55; R. J. Hill and D. Foland, *Equisetum, Poisonous Plants of Pennsylvania* (1986), pp. 67–8; A. S. Hudson. *The history of Sudbury, Massachusetts 1638–1889* (1889), p. 635.

⁴³⁵ David Blow. Ethan Allen's Burlington Home, 1787–1789. www.ethanallenhomestead.org/ethan-allens-burlington-home-1787-1789.html, accessed 20 Mar. 2018.

⁴³⁶ A.B. Benson (ed.), *Peter Kalm's travels in North America: The English version of 1770* (1937), pp. 180.

могло проистекать из незнакомства с теплолюбивыми злаками, которые не распространены в Европе, но составляют три четверти местных трав в районах Северной Америки, по которым он путешествовал⁴³⁷. Возможно, он считал, что злаки отмирают каждый год, потому что, в отличие от холодостойких злаков, они активны только в теплые месяцы (в основном с июня до середины сентября). Напротив, холодостойкие злаки растут весной и осенью, и отсутствие трав, которое Кальм наблюдал позднее в году, могло быть истолковано как их гибель.

Однако в другом отношении Кальм был прав. Сроки выпаса могли ухудшить состояние теплолюбивых злаков на Северо-Востоке, поскольку фермеры выпускали своих животных наружу, как только у них заканчивался фураж, в некоторых случаях — когда на земле еще лежал снег. Например, один фермер на востоке Нью-Йорка к 1 марта 1660 года израсходовал все корма, и его лошади были вынуждены «искать пищу под снегом»⁴³⁸. Более чем 125 лет спустя другой фермер в том же районе наблюдал жеребят, которых оставляли на улице на всю зиму, где они выживали: в основном за счет корней травы, которые они выкапывали копытами из-под двух футов снега. Этот холод и голод настолько задерживают их рост, что к приходу весны их ребра так же лишены жира, как и поля, на которых они паслись, — зелени, не осталось ни одного корня хорошей травы⁴³⁹.

В конце концов были введены правила, запрещающие фермерам слишком рано выпускать свой скот на вольный выпас, но повторяющийся ранний выпас мог привести к снижению способности трав давать семена⁴⁴⁰.

Временными решениями были добавление в рацион скота (обычно кукурузы и других зерновых, кукурузной соломы, обычной соломы и/или листьев) и увеличение объема естественного сена. Однако из-за роста населения доступ к новым лугам быстро стал проблематичным. В некоторых районах, спустя всего несколько десятилетий после заселения, фермеры были вынуждены получать заболоченные земли далеко от своих ферм, чтобы прокормить животных. Выделение заболоченных земель фермерам

---

⁴³⁷ J. Dickerson, D. Burgdorf, T. Bush, C. Miller, B. Wark, R. Maher, and B. Poole, *Vegetating with native grasses in northeastern North America* (1997); USDA, NRCS, *The PLANTS Database*, plants.usda.gov, accessed 28 July 2016.

⁴³⁸ A. J. F. van Laer (trans., ed.). *Correspondence of Jeremias van Rensselaer, 1651–1674* (1932), p. 229.

⁴³⁹ A. Coventry. *Memoirs of an emigrant: The journal of Alexander Coventry, M.D. in Scotland, the United States, and Canada during the period 1788–1831* (1978), p. 123.

⁴⁴⁰ Is unlikely that burning was a contributor to pasture degradation because fuel and climate studies indicate that wildfire would have occurred in the North East in fall and spring even without anthropogenic ignition. Native Americans were also known to have set fires in late fall and in spring, and early European settlers did the same. However, it is possible that burning slowed the establishment of introduced cool season grasses because those taxa evolved in the absence of fire. R. L. Bushman / *From Puritan to Yankee: Character and the social order in Connecticut, 1690–1765* (1967).

становилось все более строгим, и конфликты между поселенцами не были редкостью, о чем свидетельствуют судебные записи⁴⁴¹.

В 1686 году городской устав Олбани, Нью-Йорк, включал права на луговые земли в 35 милях к западу; в 1750-х годах Джаред Элиот отмечал, что фермерам из Нью-Хейвена, Коннектикут, приходилось преодолевать десять миль, чтобы собрать «осоковую траву» на болотах вокруг города; а в 1820-х годах многие фермеры Нью-Бедфорда, Массачусетс, владели солончаковыми маршрутами в нескольких милях от своих домов⁴⁴².

К концу XVIII века некоторые авторы начали выражать озабоченность по поводу недостаточного количества сена. В 1749 году Джаред Элиот описал этот дефицит как «постепенно усиливающийся в течение последних нескольких лет. Очевидно, что необходимый для страны поголовье скота переросло возможности лугов, так что сена не хватает для такого поголовья, в котором действительно нуждается возросшее население: такая высокая цена на сена значительно снижает прибыль от выращивания и содержания скота»⁴⁴³.

В следующем году он писал, что люди по-прежнему скармливают кукурузу своему скоту вместо того, чтобы употреблять ее самим. Почти два десятилетия спустя будущий президент Джордж Вашингтон заметил, что доступность корма с заболоченных земель и кукурузной соломы ограничивает количество скота, выращиваемого в новой стране, объясняя это тем, что «очень немногие уделяли внимание выращиванию трав и увязке скотоводства со своими посевами»⁴⁴⁴. Замыкание цикла питательных веществ между извлечением из почвы через урожай, потреблением скотом и возвратом через навоз было в центре внимания многих исследований по истории сельского хозяйства, но, каким бы логичным ни казался этот процесс, практика внесения навоза на Северо-Востоке была непостоянной в колониальную эпоху и ранний период Республики⁴⁴⁵.

В 1748 году Элиот писал, что навоз «нельзя достать ни за любовь, ни за деньги», но отмечал, что другие удобрения были доступны (такие как глина, песок и речной ил)⁴⁴⁶. Навоз с ферм восточного Нью-Йорка сбрасывали в реку Гудзон вплоть до конца XVIII века, о чем свидетельствовали один посетитель в 1760-х годах и другой — в 1780-х; последний так описывал разницу между голландским и английским земледелием в долине Среднего Гудзона:

---

⁴⁴¹ See, for example, Teale. *Agricultural wetland use and management*.

⁴⁴² Carman *et al.*, *Essays*, p. 27; *New England Farmer* IV (5 May 1826), p. 325; J. Munsell (ed.), ‘State of the claim of the Corporation of Albany to the lands in Tryon County, called lower Mohawk Castle or Tiononderoga, Oct. 5, 1779, *Collections on the history of Albany*, I, (1865), p. 300.

⁴⁴³ Carman *et al.*, *Essays*, p. 27.

⁴⁴⁴ U. P. Hedrick. *A history of agriculture in the state of New York* (1933), p. 74.

⁴⁴⁵ Donahue, *Great meadow*; S. Stoll, *Larding the lean earth: Soil and society in nineteenth-century America* (2002).

⁴⁴⁶ Carman *et al.*, *Essays*, p. 17; a comprehensive list can be found throughout Russell, *Long, deep furrow*.

[Голландцы выращивают] большие урожаи пшеницы, вспахивая иногда по 200 акров, не используя навоз, который до недавнего времени они зимой вывозили к реке, чтобы он весной ушел вместе со льдом. Количество вспаханной земли компенсирует нынешнюю скудность почвы, которая, однако, после частой вспашки становится неспособной давать урожай. Это вынуждает их переезжать, и, поскольку они не обязаны выращивать собственный хлеб, они должны продавать [землю]. Часто покупателем оказывается житель Новой Англии, который, привыкнув использовать все известные методы, чтобы заставить свою родную скудную почву давать хороший урожай, обычно богатеет, живет хорошо, и даже его свиньи получают больше удовольствия от аппетита, чем прежняя голландская семья на той же ферме⁴⁴⁷.

Другой современник также сообщал, что навоз не использовался в Нью-Йорке в 1780-х годах, говоря: «Навоз редко применяется; но то немногое, что собирается, отдается кукурузе, которая требует всей возможной поддержки». Редактор *The Cultivator* писал в 1834 году, что севооборот и удобрение стали широко приняты лишь недавно, тогда как традицией было приобретать новое поле, когда старое истощалось⁴⁴⁸. В отличие от этого, заболоченные земли казались неисчерпаемыми из-за отложения новых почв с ежедневными приливами или ежегодными весенними паводками. Считалось, что количество накопленного органического вещества достаточно для длительного использования или само по себе является удобрением⁴⁴⁹. Хотя сегодня кажется очевидным, что скот, питающийся естественным сеном, по сути переносит питательные вещества с заболоченных земель на возвышенности через свой навоз, самое ясное заявление в сельскохозяйственной прессе, связывающее эти два фактора, появилось лишь в 1831 году, когда житель Бостона написал в *New England Farmer*, что когда к ферме прилегает солончаковый марш или пресноводный луг, это обогащает ферму; они не нуждаются в удобрении и сами помогают удобрять возвышенность. Если акров маршя столько же, сколько акров возвышенной земли, можно содержать более чем вдвое больше

---

⁴⁴⁷ Coventry. *Memoirs of an emigrant*, p. 123; A. M. Grant, *Memoirs of an American lady with sketches of manners and scenery in America, as they existed previous to the Revolution* (1836), p. 105.

⁴⁴⁸ J. Buel. On improved farming. *The Cultivator* 1, Apr. 1834, p. 20; J. Buel. *The Cultivator* 2, Oct. 1835, p. 116.

⁴⁴⁹ J. Buel. Miscellaneous Manures. *The Cultivator* 1, Nov. 1834, p. 139; J. Buel. Peat earth and peat ashes. *The Cultivator* 4, Dec. 1837, pp. 157–8; S. W. Johnson. *Peat and its uses: as fertilizer and fuel* (1866); H. Murphy (trans., ed.), *Journal of a voyage to New York and a tour in several of the American Colonies in 1679–1680, by Jaspar Dankers and Peter Sluyter of Wiewerd in Friesland* (1867), p. 315; *New England Farmer* 4, 5 May 1826; 5, 26 Jan. 1827; 9, 28 Jan. 1831; 4 Feb. 1831; 16 Mar. 1831; The draining of marshes; *The Plough Boy* 2, 2 Dec. 1820, pp. 210–13; An address, 3 (8 Mar. 1822), pp. 321.

скота, что даст более чем вдвое больше навоза, и вся эта польза достанется возвышенной земле⁴⁵⁰.

Такие новаторы, как Элиот, обычно не указывали на увеличение количества навоза как на положительный побочный эффект мелиорации заболоченных земель, но действительно выступали за повышение их способности производить кормовые культуры.

В частности, Элиот предположил, что «расчистка и осушение болот, клюквенных и топяных лугов» обеспечит долговременное решение проблемы нехватки сена⁴⁵¹. Широкое признание необходимости увеличения производства кормов и навоза произойдет лишь значительно позже, в XIX веке. Еще в 1835 году геолог из района к северу от Олбани, Нью-Йорк, написал в *The Cultivator*, чтобы выразить свое разочарование медленными темпами улучшения лугов, заявив:

«Пожалуй, ни один вид земли не был так жадно востребован и не ценился так высоко в качестве дополнения к ферме большинством наших фермеров, как то, что обычно называют "естественным лугом", и все же, вероятно, ни одна часть фермы не является столь малоприбыльной. Цель — обеспечить урожай сена, что редко не удается; но следует помнить, что его количество всегда значительно меньше того, что могло бы быть произведено на том же количестве земли при культивации; его качество неизмеримо хуже, и земля полностью теряется для производства любой другой культуры. Я часто насчитывал десять и двенадцать различных видов трав на площади в несколько квадратных родсов, и не более одного или двух из них когда-либо отмечались как пригодные для пропитания скота, не говоря уже о большом разнообразии папоротников, ситников и мхов, растущих на том же участке, которые любой фермер был бы рад уничтожить. Каждому фермеру следует планировать выращивание своей травы так же, как он планирует выращивание зерна; тогда он всегда будет уверен в запасе, качество которого соответствует его выбору, в то время как эта система, если ей правильно следовать, будет увеличивать количество и качество всех его остальных культур до степени, в которую тем, кто не знаком с фактами, трудно поверить. Часто задают вопрос: "Что нам делать с этим полем? Оно слишком влажное для вспашки". Ответ: осушить его. Я редко видел поле такого описания, которое нельзя было бы осушить на сумму, значительно меньшую, чем стоимость первого урожая, а эффект осушения, если оно проведено правильно, постоянен»⁴⁵².

К тому времени, когда была написана эта колонка, журналы уже более десяти лет пропагандировали новые методы управления заболоченными землями и новые культуры; однако, опять же, их внедрение шло медленно.

---

⁴⁵⁰ Donahue, *Great Meadow. New England Farmer* 9, 28 Jan. 1831, p. 220.

⁴⁵¹ Carman *et al.*, *Essays*, p. 41.

⁴⁵² Steele. Pine Plains. *The Cultivator* 2, Nov. 1835, p. 142.

III

Управление заболоченными землями в XIX веке включало как методы колониальной эпохи, так и заимствования из современных европейских примеров. Сельскохозяйственная пресса сообщала о методах, варьировавшихся от простого прокладывания канав до сложных последовательностей улучшений: так, в 1823 году редактор *New England Farmer* рекомендовал осушить заросший кустарником заболоченный участок, затем провести его выжигание, а после — зимнее затопление⁴⁵³. Однако в своей основе варианты мелиорации заболоченных земель сводились к выжиганию, орошению, прокладке дренажных канав и осушению, а также строительству дамб. Одновременным улучшением была культивация завезенных кормовых растений, обычно из Западной Евразии.

(а) Выжигание

Спаривание и выжигание были распространены в Шотландии и Ирландии к 1830-м годам и не были редкостью на возвышенных землях Америки. Поверхностный дерн срезался, сжигался, а пепел рассыпался по земле в качестве удобрения.

Этот метод также рекомендовался для заболоченных земель, в том числе журналом *Plough Boy* в 1819 году, который описал данную практику и отметил ее популярность в Ирландии и Голландии. Беря пример с Джареда Элиота и более позднего новатора Сэмюэла, Дина, *New England Farmer* также рекомендовал выжигать осушенные заболоченные земли для стимулирования роста травы, особенно если земля была моховой. Считалось, что спаривание и выжигание торфяных лугов дает хорошие урожаи сена, поскольку зола служила удобрением, хотя *Plough Boy* сообщал, что количество золы не компенсирует потерю органического вещества. Тем не менее, позже этот журнал все же рекомендовал выжигать заболоченные земли после осушения. *The Cultivator* также рекомендовал сжигать «кустарники и болота» для удобрения почвы и отмечал, что трава после этого появляется «самопроизвольно». *New England Farmer* сообщал, что огонь использовался по крайней мере на одном обвалованном марше в Новой Англии для уничтожения сорняков перед посадкой травы⁴⁵⁴.

---

⁴⁵³ *New England Farmer* 2, 9 Aug. 1823, p. 2.

⁴⁵⁴ *Ashes for Manure*, *The Plough Boy* 3, 16 Mar. 1822, p. 331; *The Cultivator* 1, Sept. 1834, pp. 106–7; H. Davy. Original formation of soils. *The Plough Boy* 1, 26 Feb. 1820, p. 308; *New England Farmer* 2, 16 Aug. 1823; *New England Farmer* 5, 2 Feb. 1827, p. 28; *New England Farmer* 9, 4 Feb. 1831, p. 29; *The Plough Boy* 1, 30 Oct. 1819, pp. 172–3; *The Plough Boy* 4, 10 Sept 1822, p. 120.

(b) Орошение

Орошались как заболоченные, так и возвышенные земли — эта практика была вдохновлена идеей, что вода является естественным удобрением. Agricultural Museum в 1811 году опубликовал статью, в которой излагались методы орошения лугов для поддержания влажности почвы, ее удобрения и «роста травы благодаря ее [воды] теплоте». Восемь лет спустя Трактат о земледелии Джона Армстронга описывал методы временного и постоянного орошения (когда вода скапливалась за плотиной для контролируемого спуска) и полного затопления (когда водоем поддерживался до начала разложения). Авторы в журналах продолжали расходиться во мнениях относительно методов и давали советы либо о том, чтобы вода задерживалась на одном участке за раз, либо просто позволяли ей «проходить над землей, но не задерживаться на ней». Все соглашались, что скорость воды должна быть низкой, чтобы предотвратить эрозию⁴⁵⁵. Руководство фермера Фредерика Батлера рекомендовало орошение с помощью запруженных ручьев, а также спуск «промывных вод» с дорог на прилегающие покосные угодья. На полях с уклоном можно было рыть канавы, чтобы вода стекала по ним, и этот метод был дешевым и выгодным: «Никакое удобрение не даст такой прибыли на покосных угодьях, как орошение, и расходы, как правило, можно считать дешевле, чем гипсование». Животных следовало не допускать на эти «орошаемые луга»⁴⁵⁶.

В последующие десятилетия орошение рекомендовалось более широкой сельскохозяйственной прессой. Для защиты и производства травы New England Farmer и The Cultivator рекомендовали задерживать воду на полях зимой, а затем пропускать ее по ним, прежде чем удобрять золой или известью. Вода по-прежнему считалась содержащей «удобрение», и орошение было более дешевым и легким способом внести его на луг, чем перевозка и разбрасывание твердого материала. Цель заключалась в том, чтобы «использовать воду в качестве носителя для доставки в почву определенных веществ, которые могут иметь тенденцию обогащать ее». Естественно, затопляемые низины выигрывали от этого процесса, и фермерам давались инструкции опробовать его на возвышенных полях, особенно весной, используя сток с заиленных ручьев или дорог.

---

⁴⁵⁵ Irrigation, &c. *The Agricultural Museum* 2, July 1811, pp. 1–6; *New England Farmer* 2, 16 Aug. 1823, p. 3;

29 Nov. 1823, p. 129; 3 Apr. 1824, p. 36.

⁴⁵⁶ F. Butler. *The Farmer's manual; being a plain practical treatise on the art of husbandry, designed to promote an acquaintance with the modern improvements in agriculture, together with remarks on gardening, and a treatise on the management of bees* (1819), p. 51.

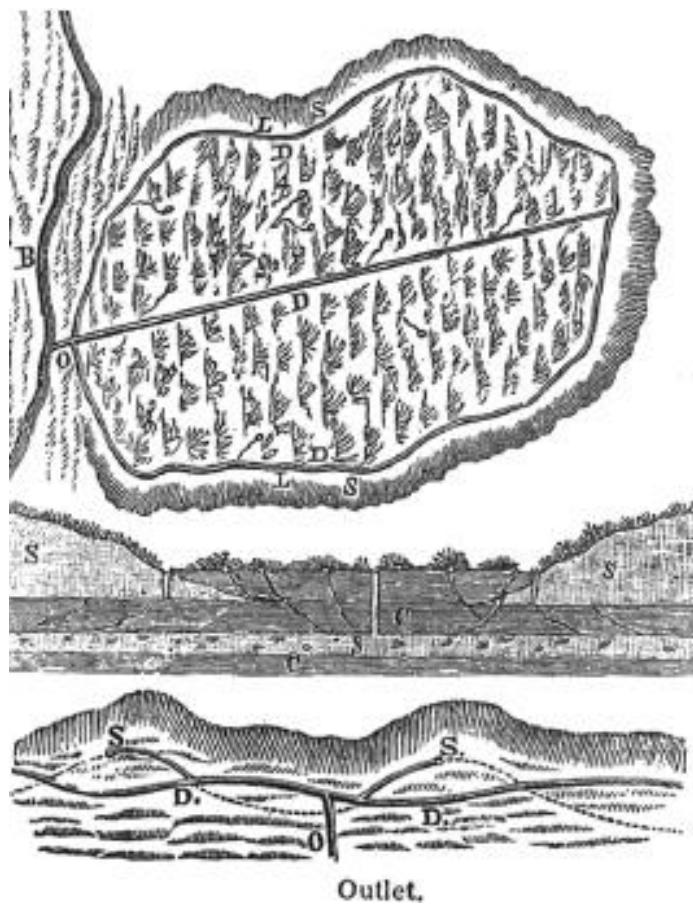

Рисунок 2 – Три изображения схемы дренажной системы; В — песчаный вал; О — выходное отверстие; С — песок; D — дренажная труба; С — глина; L — неизвестное значение (иллюстрация в журнале *The Cultivator*, 4 декабря 1837 г., с. 167).

Глинистые и известковые почвы, а также северные районы требовали меньше полива, а мутная вода особенно ценилась как естественное удобрение. Также можно было использовать каналы, ведущие от прудов, и ветряные мельницы, качающие грунтовые воды⁴⁵⁷.

Plough Boy рекомендовал орошать луга в мае. Стивен ван Ренсселер, новатор из долины Гудзона в Нью-Йорке, выступал за затопление лугов на три-четыре недели дважды в год: один раз в октябре и еще раз весной. В 1822 году другой житель восточного Нью-Йорка написал в *Catskill Recorder*, что орошение широко используется в Европе и других местах для стабилизации влажности и должно применяться в долине Гудзона, поскольку осадки в последнее время стали непредсказуемыми. Он отметил, что затопляемые луга вдоль реки Коннектикут давали три укоса в год, затопление болот уничтожало «трясины и кустарники», а зимнее затопление защищало траву от мороза.

⁴⁵⁷ *The Cultivator* 1, Mar. 1834, p. 1; *New England Farmer* 1, 9 Nov. 1822, p. 15; 2, 22 Nov 1823; *New England Farmer* 2, 3 Apr. 1824, p. 286; *New England Farmer* 3, 14 Jan. 1825, p. 25, 29 Apr. 1825, p. 40, 20 May 1825, p. 43; J. Pierce. On irrigation. *The Plough Boy* 4, 6 Aug. 1822, pp. 76–7.

Самый высокий урожай на орошающем лугу, о котором сообщал *New England Farmer*, составлял две-три тонны местного сена на лугу с зимним затоплением⁴⁵⁸.

Системы сопоставимых «водных лугов» к XIX веку покрывали в Англии более 100 000 акров, но вышли из моды из-за сельскохозяйственного спада и более дешевых альтернатив⁴⁵⁹. В Северной Америке популярность орошения одновременно снизилась, но по другим причинам. Например, в 1836 году *The Cultivator* сообщал, что это больше не частая тема для публикаций, поскольку оно не рекомендовалось для климата северо-востока, было слишком дорогим, давало «грубую и малопитательную зелень», включавшую ситники и другие гидрофиты, и вызывало болезни как у людей, так и у скота. В отличие от восхищения Петера Кальма орошающими лугами Пенсильвании веком ранее, журнал теперь сообщал, что «орошающие луга» под Филадельфией давали сена с акра меньше, чем новые возвышенные луга, управляемые по чередующейся системе. Журнал заключил, что удаление воды гораздо важнее, чем ее добавление⁴⁶⁰.

(c) Осушение

В 1791 году вице-президент Нью-Йоркского общества поощрения сельского хозяйства, искусств и мануфактур писал, что видел траву, репу и другие овощи, растущие на осушенных заболоченных землях, но в том же году президент общества объяснил, что осушение в Америке не применялось из-за обилия дешевой земли и нехватки капитала⁴⁶¹. В 1822 году, обращаясь к Сельскохозяйственному обществу округа Олбани, редактор *The Cultivator* отметил, что «пунктом первостепенной важности в хорошем земледелии, но в котором наш округ отстает, является осушение влажных и болотистых земель».

Редактор *New England Farmer* также писал в 1823 году, что осушение — это «операция большой важности в сельском хозяйстве, хотя, сравнительно говоря, оно не имеет столь веских оснований для внимания в Соединенных Штатах, где труд дорог, а земля дешева». Более того, пока преимущества осушения не были лучше известны, фермеры не хотели прекращать обработку

⁴⁵⁸ *New England Farmer* 9, 28 Jan. 1831, p. 219; Pierce, ‘On irrigation’; *The Plough Boy*, 4, 20 May 1823, pp. 333–4.

⁴⁵⁹ English Heritage, *Introduction to heritage assets: water meadows* (2013), p. 3.

⁴⁶⁰ Benson (ed.), *Peter Kalm’s Travels*; J. Buel. Irrigation. *The Cultivator* 2, Jan. 1836, p. 166; ‘Irrigation’, *The Cultivator* 3, Apr. 1836, pp. 17–18.

⁴⁶¹ E. L. Hommedieu. Communications made to the Society, relative to manures. *Trans. of the Society, instituted in the state of New-York, for the promotion of agriculture, arts, and manufactures*, pt. I (1792), pp. 63–76. R. Livingston. Address to the Society, in consequence of their request, during the absence of Mr. Justice Hobart, who had been appointed to deliver the annual oration, *ibid.*, pp. 47–63.

других своих земель ради улучшения влажных участков. Десять лет спустя *The Cultivator* опубликовал еще одну речь, в которой вновь провозглашалось, что осушение — это «отрасль труда, которая у нас имела очень ограниченное применение». В то же время редактор этого журнала заметил, что осушение (наряду со спариванием и выжиганием) стало обычным явлением как в Шотландии, так и в Ирландии⁴⁶².

Несмотря на нежелание фермеров предпринимать дренажные работы, журналы продолжали давать рекомендации по правильному осушению. Редактор *New England Farmer* писал, что сначала следует оценить почву: если она глинистая, то после покрытия черноземом или илом получится хорошая почва, но, если она гравийная или песчаная, поверхностный слой должен быть очень глубоким. Моховые «болота» могут пострадать от чрезмерного осушения, поэтому уровень воды следует поддерживать на глубине трех футов или менее от поверхности и периодически затоплять. Для осушения заболоченного участка сначала следует создать, расширить или расчистить водовыпуск, прежде чем канавами будет окружен весь бассейн для перехвата стока. Если поверхностного водовыпуска нет, можно вырыть глубокую яму, заполненную камнями, для приема воды из канавы⁴⁶³. Канавы, также называемые в Новой Англии дренами, можно было рыть скреперами или лопатами на валах, хотя к 1834 году была разработана специальная лопата для ручной копки; в *The Cultivator* также было предложено собрать деньги для учреждения премии тому, кто изобретет лучший «дренажный плуг»⁴⁶⁴.

---

⁴⁶² *The Cultivator* 1, Mar. 1834, p. 1; Sept. 1834, pp. 106–07; Jan. 1835, p. 11; *An Address, The Plough Boy* 3, 16 Mar. 1822, pp. 332–3; *New England Farmer* 2, 9 Aug. 1823, pp. 9–10.

⁴⁶³ *New England Farmer* 2, 9 Aug. 1823, p. 9; 17 Jan 1824, p. 25.

⁴⁶⁴ *New England Farmer* 2, 9 Aug 1823; *The Cultivator* 1, Mar. 1834, p. 1; May 1834, p. 3.

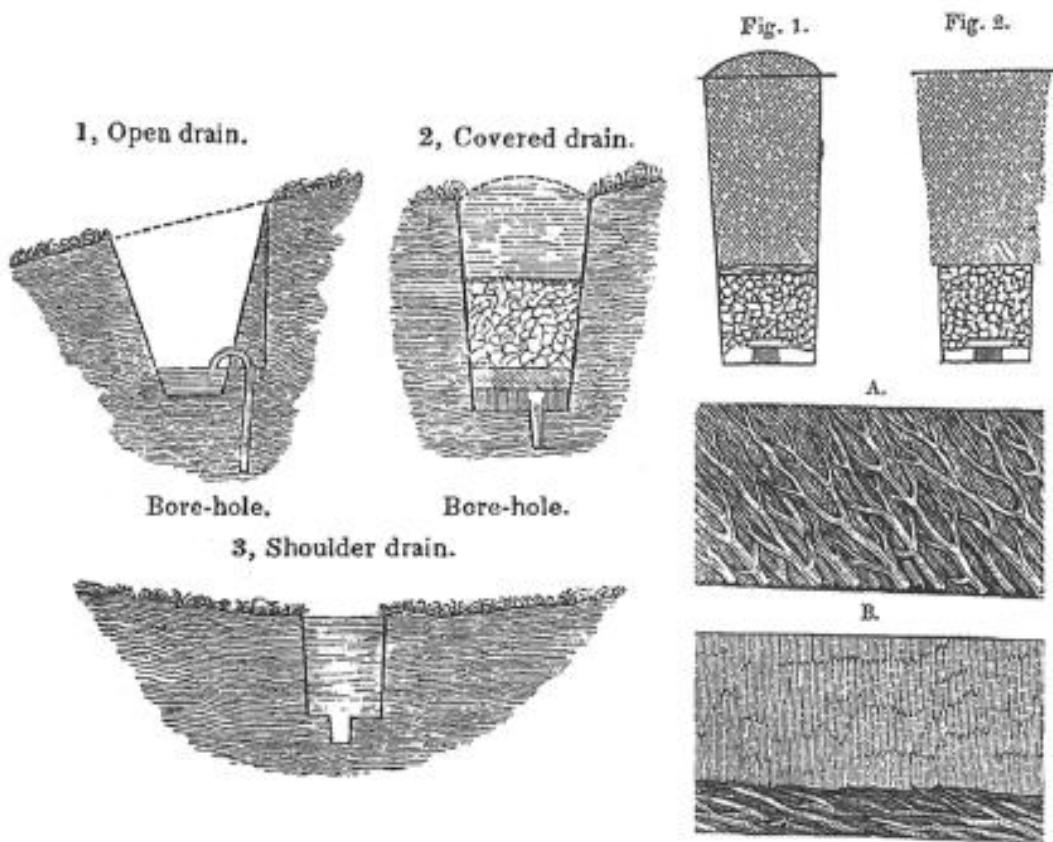

Рисунок 3 – Три типа полевых дренажных каналов: 1) открытый с бурою скважиной, 2) закрытый с бурою скважиной 3) обочина (иллюстрация в журнале *The Cultivator*, 4, декабрь 1837 г., с. 167). Полевой дренажный канал, засыпанный камнем и грунтом: рис. 1) до и рис. 2) после уплотнения грунта. Ориентация палок или соломы в дренажном канале, где нет камня: А) вид сверху на ориентацию засыпки и Б) вид сбоку с грунтом, уложенным сверху (иллюстрация из журнала *The Cultivator*, 2, апрель 1835 г., с. 26, 28).

Канавы были двух типов: открытые или поверхностные дрены лучше подходили для полей со стоячей водой, а закрытые или подземные дрены — для полей с более низким уровнем грунтовых вод. Открытые канавы также рекомендовались *The Cultivator* для использования на «трясинах или мхах». Согласно *New England Farmer* и *The Cultivator*, их ширина по верху, как правило, должна была в три раза превышать ширину у основания. *The Cultivator* рекомендовал основные дрены шириной от шести до двадцати футов по верху, сужающиеся до двух-восьми футов внизу, в которые впадали бы второстепенные дрены шириной не менее четырех футов. Согласно другому предложению, дрены должны были иметь ширину три фута вверху, от восьми до двадцати дюймов внизу и глубину два фута. Канаву следовало делать под уклоном, чтобы вода текла достаточно быстро, чтобы предотвратить застой, но не настолько, чтобы вызвать эрозию. Обычные фермеры могли успешно проектировать такие системы, поскольку основная стратегия заключалась просто в том, чтобы обнаружить источник воды и перехватить его (рисунок 2).

Разновидностью открытой канавы было создание «водяных борозд» или «бороздных дрен» — неглубоких желобов, вспаханных в полях для сбора воды. «Перекрестные дрены» или «водные протоки» создавались путем рытья основной канавы, в которую под прямым углом впадали боковые дрены⁴⁶⁵.

Согласно Сэмюэлу Дину, чьи слова повторялись в *New England Farmer*, закрытые дрены в то время чаще использовались в Европе, поскольку они не расходовали почву, не требовали очистки, а плуги и повозки могли проезжать над ними.

Авторы, публиковавшиеся в *The Cultivator*, добавляли, что в долгосрочной перспективе они дешевле, не портят вид и не обваливаются. Согласно *New England Farmer*, они обычно имели ширину в два с половиной — три фута сверху, полфута снизу и глубину в три фута; *The Cultivator* же публиковал рекомендации по глубине от четырех до пяти футов. Некоторые предложенные фермерами Нью-Йорка размеры включали дрены шириной в четырнадцать дюймов и глубиной в два фута; шириной в три фута сверху, менее фута снизу и глубиной в три фута; а также шириной в два фута и глубиной в три с половиной фута. Дно следует выкладывать мелкими камнями или пучками длинных прутьев вдоль всей канавы, а всю траншею покрывать соломой, листьями, хворостом и засыпать сверху почвой (на Рисунке 3 показаны возможные типы дрен и наполнителей). Их также можно перекрывать плоскими камнями или дерном. Почву, извлеченную при рытье канав, следует разбрасывать по поверхности, чтобы выровнять ее и использовать в качестве удобрения, а если при раскопках достигнут уплотненный подпочвенный слой, его следует пробить и также разбросать сверху⁴⁶⁶.

New England Farmer выступал за вспашку осушенных заболоченных земель весной перед посадкой пропашных культур, таких как картофель и репа. «Перепахивание торфа» — это процесс переворачивания торфа плугом или мотыгой после осушения; затем перепаханный заболоченный участок обычно «укатывали» для уплотнения, покрывали суглинком и компостом, после чего засевали травой. В некоторые осушенные приливные и болотные (палюстринные) угодья добавляли гравий или песок, чтобы сделать их более плотными и препятствовать росту местной растительности, хотя результаты были неоднозначными, а стоимость могла быть непомерно высокой. *The Cultivator* рекомендовал добавлять в заболоченные земли навоз, песок или

---

⁴⁶⁵ On under-ground draining. *The Cultivator* 1, Jan 1835, p. 11; J. Buel, *The Cultivator* 2, Mar. 1835, pp. 1–3; D. Low. Draining, Mar 1835, pp. 8–10; Apr. 1835, pp. 26–8; G. Stephens. Draining, *The Cultivator* 4, Dec. 1837, pp. 167–70; Jan. 1838, pp. 186–8.

⁴⁶⁶ J. Buel. *The Cultivator* 2, Mar. 1835, pp. 1–3; D. Low, ‘Draining’, *The Cultivator* 2, Apr. 1835; L. Chandler. Systematic Farming – under draining – rutabaga, 3, Jan 1837, pp. 153–4; J. Ryder. Under-Drains – Wheat – Clover, *The Cultivator* 1, Jun. 1835, p. 56; G. Willet. Letter to the editor, *The Cultivator*, Sept. 1834, p. 110; G. Stephens. Draining, *The Cultivator* 4, Jan. 1838, pp. 186–8; *New England Farmer* 2, 9 Aug. 1823; *The Cultivator* 1, Mar. 1834; May 1834; Sept. 1834, pp. 106–07, 110.

известь, чтобы ускорить разложение торфа. Также, вслед за Сэмюэлом Дином, New England Farmer рекомендовал после осушения дать растительности и торфу перегнить, либо оставляя участок под паром в течение лета после осушения, либо затапливая его на всю зиму и спуская воду весной. The Cultivator рекомендовал осушение именно для разложения торфа, чтобы культуры могли получить доступ к высвобождающимся веществам.

Таблица 1 – Список бобовых и злаковых растений, завезенных и прижившихся до 1840 года на северо-востоке США и Канады.

Legumes		
<i>Medicago lupulina</i> L.	Wolf clover, black medick, black medic, hop clover, hop medic, nonesuch, yellow trefoil	Eurasia; northern Africa
<i>Medicago sativa</i> L.	Chili clover, alfalfa, lucerne, lucern	Eurasia; Middle East
<i>Onobrychis</i> spp. Mill.	Lupinella, St Foin, sainfoin, sanfoin	Eurasia; Middle East
<i>Trifolium aureum</i> Pollich	Hop clover, palmate hop clover, golden clover	Eurasia
<i>Trifolium pratense</i> L.	Red clover	Eurasia; northern Africa
<i>Trifolium repens</i> L.	White clover, Dutch clover, ladino clover, white Dutch clover, creeping clover	Europe
Grasses		
<i>Agrostis capillaris</i> L.	Herd's grass, reedtop, colonial bentgrass, white-top, foul/fowl meadow grass, duck grass, swamp wire grass, Rhode Island bent, fine bent, browntop, Waipu bent, English bent, furzetop, Prince Edward Island bent, dew grass, Astoria bent, spire grass?, burden grass?, Burden's grass?, blue bent?	Europe
<i>Agrostis gigantea</i> Roth	Herd's grass, reedtop, florin grass, foul/fowl meadow grass, black bent, water bentgrass, creeping bent, carpet bent, seaside bent, whitetop, English bent, southern bent, marsh bent, couch grass, Rhode Island grass, marsh bent grass, reedtop	Eurasia
<i>Alopecurus pratensis</i> L.	Meadow foxtail, foxtail	Europe; Britain
<i>Anthoxanthum odoratum</i> L.	Sweet vernal grass, sweet-scented vernal grass	Eurasia
<i>Dactylis glomerata</i> L.	Orchard grass, cocksfoot, swamp cock's foot, rough cock's foot?	Europe Britain
<i>Festuca ovina</i> L.	Sheep fescue	Europe; Britain
<i>Glyceria fluitans</i> (L.) R. Br.	Floating fescue grass, water mannagrass	Eurasia
<i>Glyceria maxima</i> (Hartm.) Holmb.	Reed meadow grass, water meadow grass, reed mannagrass, reed sweet grass	Eurasia
<i>Holcus lanatus</i> L.	Velvet grass, meadow soft grass, woolly soft grass, Yorkshire white, Salem grass, white timothy, velvet lawn grass, velvet mesquite grass, Yorkshire fog, feather grass, white cap	Europe
<i>Lolium perenne</i> L.	Ray grass, rye grass, perennial ryegrass, Italian rye grass, darnel, Italian lolch, Pacy's grass?	Europe; Britain
<i>Phleum pratense</i> L.	Timothy, herd/Herd's grass, meadow cat's tail, catstail	Europe; Britain
<i>Poa annua</i> L.	Speargrass	Europe
<i>Poa compressa</i> L.	Wire grass, blue grass, Canada bluegrass, flat-stalked meadow grass, Dutch grass?, couch grass?	Europe
<i>Poa palustris</i> L.	Fowl meadow-grass, fowl bluegrass, fowl meadow grass, false red top, duck grass, swamp wire grass	Eurasia
<i>Poa pratensis</i> L.	Fescue grass, green grass, spear grass, Kentucky bluegrass, smooth stalked meadow grass, great meadow grass, June grass, English grass, reedtop	Eurasia; Britain

Note: Current scientific names are taken from the United States Department of Agriculture; common names from the agricultural press.

Один житель округа Плимут, Массачусетс, добился успеха в выращивании картофеля, кукурузы, овса и травы на заболоченном участке,

который он улучшил, создав гряды шириной 30 футов, разделенные канавами, причем вынутый грунт использовался для создания куполообразной формы гряд, предотвращающей скопление воды⁴⁶⁷. Производительность приливных заболоченных земель также повышалась путем прокладки канав для выпрямления ручьев и осушения прудов, поскольку это позволяло укореняться травам с возвышенностей⁴⁶⁸.

Только с разработкой укладки дренажных труб в Англии в начале XIX века и популяризацией этого метода в западном Нью-Йорке в 1830-х годах усилия по осушению в Северной Америке вышли за рамки простого рытья канав. Редактора *The Cultivator* вдохновили шотландские поместья, где были установлены подземные дрены, и в 1835 году журнал опубликовал статью специалиста по подземному дренажу из Эдинбурга, который заявил, что этот процесс требует профессиональной консультации из-за вариаций почвы. Он сказал, что дрены, заполненные камнями или другим мусором («дрены из камня/щебня»), препятствуют осушению, а их глубина должна ограничиваться дюймовым слоем на дне; в идеале канаву следует выкладывать плоскими камнями или черепицей. В 1834 году житель Боллстона, Нью-Йорк, написал в *The Cultivator*, что установил подземные дрены, выложенные камнем. Дренажные трубы были введены в Северной Америке в том же году фермером из Женевы, Нью-Йорк, и впервые рекламировались в *The Cultivator* в 1837 году. Трубы, изготовленные в Олбани, имели длину один фут, сечение четыре квадратных дюйма и стоили 15 долларов за тысячу штук. Механизированное рытье канав аналогичным образом было впервые применено фермером из Канандаигуа, Нью-Йорк, в 1854 году, но лишь к 1860-м годам растущий спрос на сельскохозяйственную продукцию, механизированные канавокопатели и массовое производство глиняных труб сделали этот метод подземного дренажа финансово доступным для большинства американских фермеров⁴⁶⁹.

Некоторые журналы рекламировали пользу осушения для общественного здоровья, но основной целью было увеличение площади пахотных земель; к 1840 году его называли «матерью всех прочих улучшений земли», и в период с 1860 по 1900 год жителями Северо-Востока было опубликовано по меньшей мере четыре книги на эту тему⁴⁷⁰.

---

⁴⁶⁷ H. Davy. Original Formation of Soils. *The Plough Boy* 1, 26 Feb. 1820, p. 308; *The Cultivator* 1, Sept. 1834, pp. 97–9; *The Cultivator* 1, Sept. 1834, pp. 106–7; *New England Farmer*, 2, 16 Aug. 1823; 17 Jan. 1824; 5, 2 Feb. 1827; 9, 4 Feb. 1831, pp. 225–7.

⁴⁶⁸ *New England Farmer* 5, 26 Jan. 1827; 9, 28 Jan. 1831.

⁴⁶⁹ J. Buel. Draining tile, *The Cultivator* 4, Dec. 1837, p. 159; *The Cultivator* 1, Mar. 1834, p. 5; On underground draining, *The Cultivator*, Jan. 1835, p. 171; H. W. Delavan, in *The Cultivator* 1, Mar. 1834, pp. 8–9; Prince, *Wetlands*; Whitney, *From wilderness to fruited plain*.

⁴⁷⁰ J. Buel. Draining. *The Cultivator* 3, Sept. 1836, p. 92; W. I. Chamberlain, *Tile drainage, or, why, where, when, and how to drain land with tiles: a practical book for practical farmers* (1891); H. F. French. *Farm drainage: the principles, processes, and effects of draining land with stones, wood, plows, and open ditches, and especially with tiles* (1860); M. Miles, *Land draining: a handbook for farmers on the principles and practice of farm draining* (1892); G. Stephens.

(d) Строительство дамб

Строительство дамб на Северо-Востоке в XIX веке мало отличалось от методов колониальной эпохи, заимствованных напрямую из Англии, Франции и Нидерландов, за исключением нескольких изменений в конструкции в Новой Англии. Сельскохозяйственная пресса публиковала аргументы за и против этого типа мелиорации, но в целом рекомендовалось применять эту практику.

В 1820 году статья в *Plough Boy* выступала за осушение и обвалование «солончаковых маршей, пакосонов и болот», поскольку это позволило бы устраниć их «вредные испарения» и открыть их «неисчерпаемые» почвы для возделывания⁴⁷¹. Автор ссыпался на британские и голландские марши, мелиорированные таким способом. Три года спустя редактор *New England Farmer* писал: «*Практическая осуществимость и экономическая эффективность обвалования и осушения земель, которые обычно заливаются приливной водой, доказаны многими успешными экспериментами. Голландия в основном состоит из земель, отвоеванных у моря; и в Англии многие сотни тысяч акров были получены путем обвалования. Нет сомнений, что ценные территории могли бы быть таким же образом мелиорированы вдоль морского побережья Массачусетса и других приморских частей Соединенных Штатов. В южных штатах осушение и обвалование были успешно предприняты; и господа Свартвоуты и их компании из Нью-Йорка отличились подобным предприятием в окрестностях этого города*»⁴⁷².

Братья Свартвоут приобрели приливные заболоченные земли между реками Пассайк и Хакенсак в Нью-Джерси в 1813 году и вскоре после этого начали строительство дамб. В 1819 году они попросили Нью-Йорк о финансировании для завершения проекта, и в следующем году редактор *Plough Boy* сообщил, что законодательный орган штата учредил Нью-Джерсийскую компанию по мелиорации солончаков для освоения и возделывания маршей в округе Берген. Свартвоуты были членами компании, и к концу десятилетия они обваловали 2000 акров, построив дамбу высотой пять футов, длиной 5,5 миль и шириной у основания шестнадцать футов. Однако к 1883 году эти марши вновь производили соленое сено, и провал стал очевиден почти сразу после мелиорации. В 1827 году *New England Farmer* сообщал, что земля давала хорошие урожаи зерна и «английского сена» всего один или два года после мелиорации, после чего: «*почва становится рыхлой и легкой, так что она едва производит сорняки, чтобы скрыть свою бесплодную поверхность. Общественное мнение здесь определено сильно против осуществимости*

Draining. *The Cultivator* 4, Nov. 1837, p. 151; G. E. Waring. *Draining for profit and draining for health* (1867).

⁴⁷¹ The draining of marshes. *The Plough Boy* 2, 2 Dec. 1820, pp. 210–13.

⁴⁷² *New England Farmer* 1, 1 Mar. 1823, p. 243.

сделать такие марши либо пригодными для возделывания, либо ценными для травы»⁴⁷³.

Усадка торфа, вероятно, была причиной провала Свартвоутов, поскольку высушенные и минерализованные торфяные и иловые почвы имеют меньший объем, чем их первоначальное обводненное и неразложившееся состояние, что затрудняет ведение сельского хозяйства на уплотненной, обедненной органикой почве. Некоторые поверхности приливных маршей после обвалования проседали ниже уровня моря, что приводило к проблемам с затоплением; эта проблема сохраняется и при восстановлении маршей, которое может требовать добавления грунта для поднятия обвалованных поверхностей до уровня моря.

В течение 1820-х и 1830-х годов в *New England Farmer* публиковались статьи, освещавшие другие недостатки, присущие содержанию сельскохозяйственных солончаковых маршей, включая расстояние между маршрутами и их владельцами, затраты и время на уборку и транспортировку по воде, капризы моря и солнца, низкую цену соленого сена и снижение надоев у коров, которых им кормили. Тем не менее, публикации в поддержку обвалования перечисляли повышение надежности и стоимости продукции, даже если луга оставляли под травой; в частности, использование улучшенных маршей для откорма мясного скота могло сделать Новую Англию более самодостаточной⁴⁷⁴.

Размеры дамб зависели от ориентации маршса и типа отложений, но *New England Farmer* рекомендовал валы высотой как минимум на два фута выше уровня прилива, построенные из дерна, с «обратной канавой», идущей вдоль внутренней стороны, и облицованные камнем или досками со стороны моря. Кроме того, дамбу следовало укреплять, засевать травой или покрывать хворостом, гравием, мелкими камнями, битым кирпичом и т.д. Водоспуски должны были быть подобны *aboideaux* французских поселенцев в приморских провинциях Канады (Акадии) — предназначенным для исключения морской воды, но позволяющим сток пресной, — однако их конструкция часто различалась. Например, «приливные трубы» были новым изобретением в 1820 году и рекомендовались к использованию на приливных маршах от Чесапика до Новой Англии в последующие десятилетия; эти затворы изготавливались в виде длинных деревянных ящиков с плавающей пробкой⁴⁷⁵.

Поскольку успех обвалованного луга зависит от целостности прилегающих дамб, в некоторых случаях штат Массачусетс регистрировал акционерные общества для организации строительства и содержания дамб, используя объединенные средства соседних землевладельцев. Заинтересованные стороны владели долями, пропорциональными стоимости

⁴⁷³ City and Suburban News, *New York Times*, 6 Aug. 1883; J. Welles. Reclaimed Marshes No. II, *New England Farmer* 5, 2 Feb. 1827, pp. 217–18.

⁴⁷⁴ *New England Farmer* 4, 5 May 1826, p. 325; 2 May 1827; 9, 9 Feb. 1831.

⁴⁷⁵ *New England Farmer* 1, 1 Mar. 1823; 2, 6 Mar 1824; 10 July 1824. Draining of Marshes, *The Plough Boy*, 2, 2 Dec. 1820, pp. 210–13.

их участков, и предполагалось, что после завершения проекта все участки в конечном итоге станут однородными. Такое сотрудничество теоретически снижало затраты, поскольку покос и выпас могли осуществляться меньшим числом людей, но с тем же или большим результатом. Например, в Дартмуте и Вестпорте, Массачусетс, марши в 1826 году были разделены на участки от одного до двадцати акров, обозначенные колышками; все владельцы договаривались о времени уборки, чтобы все косили траву одновременно. Обвалованные марши в реке Делавэр и ее притоках также управлялись совместно. Однако в целом небольшой размер множества частных владений в приливных маршиах северо-востока затруднял или делал невозможным совместное содержание⁴⁷⁶.

Всего одна статья, связанная с обвалованием, была опубликована в *The Cultivator* между 1834 и 1840 годами: письмо редактору от жителя Новой Шотландии, который спрашивал о лучших способах дренирования, удобрения и возделывания марша площадью 400 акров. Новый редактор ответил, что «не имел опыта в мелиорации солончаковых маршей», и запросил мнение читателей. Несспособность редактора дать совет неудивительна, учитывая, что, за исключением неудачной попытки Свартвоутов, обвалование никогда не было значимым усовершенствованием в Новых Нидерландах или Нью-Йорке. Похоже, оно не было распространено нигде на Северо-Востоке за пределами Акадии или берегов реки Делавэр, а в прибрежном обзоре 1885 года отмечалось, что мелиорация приливных маршей слишком требовательна к обслуживанию и затратна в стране, которая все еще осваивала новые, дешевые земли для заселения⁴⁷⁷.

IV

Практика преднамеренного засева трав и бобовых для получения сена и пастбищ ко времени колонизации Северной Америки еще не была прочна и широко утвердившейся по всей Европе, хотя и существовала. Инструкции по посеву «сенной пыли или семян» распространялись в Англии к 1610 году, а семена нескольких новых видов бобовых были доступны в Лондоне к 1680-м годам, включая многие, обычно называемые «клевером» (такие как клевер инкарнатный, красный и белый, а также клевер хмелевой [*Trifolium incarnatum*, *T. pratense*, *T. repens* и *T. campestre*]). К другим бобовым относились люцерна (*Medicago sativa*), люцерна хмелевая (или черная медикаго, *M. lupulina*), донники (*Melilotus spp.*), эспарцет (*Onobrychis viciifolia*) и лядвенец рогатый (*Lotus corniculatus*)⁴⁷⁸.

⁴⁷⁶ D. M. Nesbit. *Tide Marshes of the United States* (Department of Agriculture, Miscellaneous Special Report 7, 1885); *New England Farmer* 4, 23 June 1826; K. R. Sebold, *Marsh to farm: the landscape transformation of coastal New Jersey* (1992).

⁴⁷⁷ S. G. Fairbanks. Letter from Nova Scotia. *The Cultivator* 7, Nov. 1840, p. 178; Nesbit. *Tide marshes*; Teale. Agricultural wetland use and management.

⁴⁷⁸ Lane. Development of pastures and meadows.

Клеверы были известны в Германии с раннего времени, в то время как голландские фермеры, возможно, были первыми, кто начал применять регулярные севообороты, включающие бобовые; сельскохозяйственная революция во Франции произошла относительно поздно, и клевер не получил широкого распространения вплоть до периода после 1700 года даже в северных районах⁴⁷⁹. Травы, такие как плевел многолетний (*Lolium perenne*), тимофеевка луговая (*Phleum pratense*) и ежа сборная (*Dactylis glomerata*), также культивировались в Англии к середине восемнадцатого века⁴⁸⁰.

Широкое внедрение кормовых растений в Северной Америке отставало от Европы, возможно, на век, но по мере того, как фермеры искали более обильные и надежные источники сена и пастбищ, те же виды трав и бобовых были завезены и акклиматизированы⁴⁸¹. По мере улучшения состояния заболоченных земель понятие «луг» постепенно стало относиться как к заболоченным, так и к возвышенным сенокосным угодьям. Луга делились по типу растительности, будучи «либо естественными, либо искусственными: первые содержат только растения самопроизвольного роста; вторые — те, что отобраны, посажены и культивированы человеком»⁴⁸². Точно так же интродуцированные кормовые виды обычно назывались «искусственными травами».

В 1749 году Петер Кальм отмечал, что « дальновидные фермеры добывали семена многолетних трав из Англии и других европейских государств и сеяли их на своих лугах, где те, казалось, превосходно приживались ». Однако в 1820 году *Plough Boy* сообщал, что « травяные и корнеплодные культуры ... только начинают становиться предметом разговоров », и в отношении травосеяния « именно в этой отрасли сельского хозяйства больше, чем в любой другой, наша нынешняя практика неискушена и несовершенна »⁴⁸³. Замедленность этого процесса отчасти была связана с поставкой семян, которая началась с индивидуальных усилий, подобных усилиям Джареда Элиота по приобретению и испытанию новых растений. Редакции журналов постепенно

---

⁴⁷⁹ P. M. Jones. Agricultural modernization and the French Revolution, *J. Historical Geography* 16 (1990), pp. 38–50; Lane. Development of pastures and meadows; A. C. Zeven. Four hundred years of cultivation of Dutch white clover landraces, *Euphytica* 54 (1991), pp. 93–9. A. R. Beddows, ‘A history of the introduction of timothy and cocksfoot into alternative husbandry in Britain, I, The year 1763 and its significance.

⁴⁸⁰ A. R. Beddows. A history of the introduction of timothy and cocksfoot into alternative husbandry in Britain, I, The year 1763 and its significance, *Grass and Forage Science* 23 (1968), pp. 317–21; II, The impact of timothy on ley farming, *ibid.*, 24 (1969), pp. 40–3.

⁴⁸¹ H. Kerr, ‘Introduction of forage plants into ante- bellum United States’, *Agricultural Hist.* 38 (1964), pp. 87–95.

⁴⁸² Armstrong. *Treatise on agriculture*, p. 284.

⁴⁸³ Benson (ed.). *Peter Kalm’s Travels*, pp. 180–1; Superior Live Stock, *The Plough Boy* I, 13 May 1820, p. 399.

становились центрами распространения экзотических семян, собранных и присланных со всего мира⁴⁸⁴.

Семена, а иногда и черенки, раздавались американским фермерам, готовым и способным экспериментировать с их выращиванием и отчитываться перед редакцией о методах и результатах. В письме редактору *American Farmer* (перепечатанном в *Plough Boy*) выражалось одобрение формата и миссии журнала по предоставлению местных семян «нашим дальним соседям» и его стремлению: «собирать, сохранять и распространять полезную информацию; выводить на всеобщее обозрение и использование лучшие сельскохозяйственные орудия и механизмы; а также вводить в обиход ценные семена и растения, ранее у нас не культивировавшиеся, и лучшие сорта тех, что уже были»⁴⁸⁵.

Кормовые виды переносились не только из Европы, но и из других регионов Северной Америки. Например, в 1835 году *The Cultivator* сообщал, что травы из американского Среднего Запада, вероятно, окажутся полезными, и семена были получены из Иллинойса⁴⁸⁶.

Европейские виды все больше внедрялись и акклиматизировались в Пенсильвании и на Северо-Востоке после 1750 года, но «английские травы» в то время были редкостью к югу от Виргинии⁴⁸⁷. Запись об интродукции менее ясна на бывших французских территориях, хотя некоторые виды присутствовали к 1820 году⁴⁸⁸. *Plough Boy* сообщал, что в 1822 году в США из семян культивировались всего четыре вида: красный клевер, белый клевер, тимофеевка и полевица (или под одним из многих других названий, *Agrostis spp.*). В 1835 году *The Cultivator* сообщал, что «самые респектабельные семенные магазины» добавили всего три дополнительных вида: люцерну (алфалфа), ежу сборную (овсяницу сборную) и райграс высокий (*Arrhenatherum elatius*). Два года спустя редактор *The Cultivator* сказал фермеру, что не знает, где можно достать многие семена, но люцерну, по крайней мере, можно купить в Олбани, а другие — в Нью-Йорке⁴⁸⁹. Однако к концу XIX века в сельскохозяйственной прессе упоминалось около 70 экзотических бобовых и злаков в качестве возможных кормовых видов для Северной Америки, из которых, возможно, 15 злаков и шесть бобовых были первыми, успешно акклиматизированными на Северо-Востоке (таблица 1). Подавляющее большинство злаков были многолетними, возвышенными, холодостойкими

---

⁴⁸⁴ Demaree. Farm journals, pp. 56–7.

⁴⁸⁵ ‘From the American Farmer, *The Plough Boy* 38, 19 Feb. 1820, p. 301.

⁴⁸⁶ ‘Remarks of the Conductor, *The Cultivator* 2, Aug. 1835, p. 88.

⁴⁸⁷ Carman *et al.*, *Essays*.

⁴⁸⁸ Carman *et al.*, *Essays*; Young, *The letters of Agricola*.

⁴⁸⁹ Remarks of the Conductor, *The Cultivator* 2, Aug. 1835, p. 88; J. Finch, Meadow and pasture grasses, *The Cultivator* 4, May 1837, p. 51; Grasses, *The Plough Boy* 3, 25 May 1822, p. 410.

травами; бобовые представляли собой смесь однолетних и многолетних растений возвышенностей⁴⁹⁰.

Клевер, пожалуй, был самой важной культурой, известной на всем Северо-Востоке в XVII веке. Он присутствовал в Массачусетсе уже в 1650 году, когда Уильям Пинчон продавал «семена фламандской травы», но, возможно, был известен еще раньше в Новых Нидерландах благодаря голландским поселенцам. Например, в 1634 году директор колонии запросил семена клевера непосредственно из Нидерландов⁴⁹¹. В конечном итоге клевер сочетали с другим ранним интродуцентом — тимофеевкой — и к 1820-м годам это сочетание стало самым распространенным для сена и пастбищ.

К тому времени тимофеевка стала «главной составляющей... "английской травы"» в Соединенных Штатах и наиболее распространенным видом сена на Северо-Востоке⁴⁹².

Результаты выращивания злаковых и бобовых культур были многообещающими, хотя журналы и не сообщали о многих прямых, конкретных сравнениях с естественным сеном с заболоченных земель. В любом случае попытка такого сравнения была бы затруднительна из-за разнообразия видов, а также самих типов заболоченных территорий. Однако урожай сена на двух приливных маршах в Массачусетсе после мелиорации устроился (после обвалования: с одной тонны соленого сена с акра до трех тонн сена с возвышенностей; после осушения: с тридцати трех тонн на пятидесяти акрах до ста тонн на той же площади)⁴⁹³. Показатели для болотных (пальюстринных) лугов были менее впечатляющими, но те, что с естественным сеном, как правило, давали две-три тонны с акра, а те, что с сеном с возвышенностей, — около четырех тонн⁴⁹⁴. Орошаемые луга давали меньше, чем возделанные возвышенности, но, вероятно, больше, чем неулучшенные заболоченные земли⁴⁹⁵.

⁴⁹⁰ For a complete list with descriptions, see Appendix C in Teale, *Informing environmental history*; United States Department of Agriculture Natural Resources Conservation Service, *The PLANTS Database*, available online at plants.usda.gov; R. W. Lichvar, D. L. Banks, W. N. Kirchner, and N. C. Melvin, *The national wetland plant list: 2016 wetland ratings*, *Phytoneuron* 30 (2016), pp. 1–17.

⁴⁹¹ Though, ironically, the person he requested seed from procured his own supply from Italy because seed was hard to come by that year; Carman *et al.*, *Essays*; A. J. F. van Laer (trans., ed.), *Van Rensselaer Bowier manuscripts* (1908), pp. 283–4; Zeven. Four hundred years.

⁴⁹² Beddoes. *History of the introduction of timothy and cocksfoot*; S. Deane. *The New England farmer; or georgical dictionary. Containing a compendious account of the ways and methods in which the important art of husbandry, in all its various branches, is, or may be, practised, to the greatest advantage, in this country* (third edn, 1822).

⁴⁹³ Deane, *New England farmer; New England Farmer* 9, 28 Jan. 1831, p. 220.

⁴⁹⁴ *The Cultivator* 1, Mar. 1834, p. 6; Oct. 1834; *New England Farmer* 2, 16 Aug. 1823, pp. 17–8; 17 Jan. 1824, p. 197; 6 Mar. 1824, pp. 252–3.

⁴⁹⁵ *The Cultivator* 3, Apr. 1836, pp. 17–18; Jun 1836, pp. 49–50; *New England Farmer* 9, 28 Jan. 1831, p. 219.

V

Фермеры Северо-Востока не стали сразу и повсеместно обесценивать заболоченные земли после наступления XIX века, несмотря на доступность рекомендаций по мелиорации, внедрение искусственных трав и характеристику корма с заболоченных земель как «плохого сена»⁴⁹⁶. Несмотря на популяризацию искусственных трав зарождающейся сельскохозяйственной прессой, авторы публикаций в 1835 году по-прежнему упоминали «луговое сено» и «естественные луга». Разнообразие растений на этих лугах, так порицавшееся The Cultivator в том году, двадцать лет спустя все еще ценилось некоторыми фермерами. Сам Торо в 1858 году высказал мнение, что из-за разнообразия растений заболоченных земель «если луговое сено стоит меньше на рынке, оно более интересно поэту». Даже по мере внедрения новых кормовых культур, включая корнеплоды и ранние виды силоса, некоторые фермеры смешивали измельченную солому и «грубое болотное или луговое сено» с зерном⁴⁹⁷.

Было известно, что урожайность трав на влажных почвах превышает урожайность на сухих, поэтому многие заболоченные земли продолжали давать сено даже после изменения видового состава с естественного на искусственный⁴⁹⁸. Тимофеевку обнаружили на заболоченном участке в Нью-Гэмпшире, а The Cultivator сообщал о другой траве, обнаруженной в этом штате, которая обещала стать отличным сеном и пастищем на «влажных топких землях» (гребёнчатник канарский, *Phalaris caroliniana*, родом из южных штатов). Позднее отмечалось, что эта трава давала два укоса сена на одном болоте в Коннектикуте и сделала эту заболоченную землю достаточно твердой для выпаса⁴⁹⁹.

Обычно культивируемая «птичья луговая трава» (относящаяся к одному или нескольким видам *Agrostis* или *Poa*) традиционно считалась занесенной на луга реки Непонсет в Дедхэме, Массачусетс, стаей диких птиц, а на луга в Хартфорде, Коннектикут, — наводнениями⁵⁰⁰. В 1836 году The Cultivator опубликовал список искусственных трав, включавший влажный облигатный мятыник плавающий (или глициерия плавающая, *Glyceria fluitans*) и водно-луговую траву (или глициерия большая, *G. maxima*). В то время они присутствовали в Америке лишь спорадически, но рекомендовались для

⁴⁹⁶ Carman *et al.*, *Essays*, p. 8.

⁴⁹⁷ L. F. Allen. Farm buildings and the consumption of fodder, *The Cultivator* 2, Jan. 1836, pp. 166–9; Foster, *Thoreau's Country*, p. 55; Steele, *Pine Plains*.

⁴⁹⁸ *New England Farmer* 1, 14 Dec. 1822; 2, 27 Dec. 1823.

⁴⁹⁹ A. Harris, *The Cultivator* 1, Oct 1834; T. Pickering. Letter to the editor, *The Plough Boy*, 1, 26 Feb. 1820; *The Cultivator* 1, Aug. 1834, p. 81.

⁵⁰⁰ Carman *et al.*, *Essays*; Russell, *Long, deep furrow; On Grasses*, No. II, *New England Farmer* IV, 9 June 1826, pp. 361–2.

выращивания на влажных почвах; *G. fluitans* с тех пор стала проблемным инвазивным сорняком на некоторых заболоченных территориях⁵⁰¹.

Некоторые солончаковые марши продолжали использоваться для заготовки сена вплоть до конца XIX и XX веков. Житель Нью-Бедфорда, Массачусетс, отметил в 1823 году, что многие фермеры сохраняют свои марши в естественном состоянии, так как считают, что у них должно быть «немного соленого сена»⁵⁰². Шестьдесят лет спустя один инженер сокрушался по поводу нежелания жителей Новой Англии обваловывать свои солончаки, но также признавал, что, по крайней мере для старых устоявшихся семей в округе Норфолк, Массачусетс, «заготовка соленого сена — это часть их жизни. Они не продали бы марш ни за какую цену и не стали бы его мелиорировать»⁵⁰³. То же самое относилось и к некоторым пресноводным маршрутам, например, вдоль реки Садбери в Массачусетсе, где в 1850-х годах «не было пауз между заготовкой английского [с возвышенностей] и лугового сена»⁵⁰⁴.

Ценность неосвоенных приливных маршей часто упоминалась в сельскохозяйственных журналах и включала рассказы читателей о трудовых и финансовых затратах на обвалование и времени, необходимом для получения результатов. Более того, в некоторых районах солончаковые марши были ценнее возвышенных земель, и спрос на них сохранялся в 1830-х годах, поскольку они могли производить почти столько же сена, сколько и возвышенности, особенно во время засухи. Их продуктивность уже была значительно повышена за счет частичного осушения, они не требовали удобрения или большого количества ограждений, а также давали другие продукты, такие как морские водоросли, ил и торф. Некоторые фермеры считали, что коровы, которых кормят соленым сеном, дают молоко с лучшим вкусом⁵⁰⁵. Один житель Плимута, Массачусетс, добавил, что большая часть скота в соседнем Даксбери перезимовывала на соленом сене, и более половины денег, заработанных тамошними фермерами, поступало от продажи соленого сена. Его было легче транспортировать и хранить, чем сено с возвышенностями или пресноводных лугов, потому что его можно было оставлять на маршах до недели после уборки. Солончаки также меньше страдали от экстремальных температур или осадков, а урожай сена был более однородным.

Хотя некоторые заболоченные земли сохранили свою ценность как сенокосы и пастбища, а другие ценились за богатые почвы, улучшение заболоченных земель и внедрение европейских кормовых видов в конечном итоге реорганизовали ландшафт и экономику Северо-Востока. К 1790 году цена на сено с возвышенностями на Статен-Айленде была вдвое выше цены за

---

⁵⁰¹ J. Buel. An essay on grasses, *The Cultivator* 3, May 1836, pp. 34–6.

⁵⁰² *New England Farmer* 4, 5 May 1826, p. 325.

⁵⁰³ Nesbit, *Tide marshes*, p. 124.

⁵⁰⁴ Foster, *Thoreau's country*, p. 53.

⁵⁰⁵ *New England Farmer* 4, 5 May 1826; 5, 26 Jan. 1827; 9, 28 Jan 1831; 9, 4 Feb 1831, 16 Mar 1831.

центнер соленого сена (8 шиллингов против 4). В период с 1810 по 1831 год стоимость «соленого лугового сена» в городке к югу от Бостона упала более чем на 50%, «главным образом из-за лучшей обработки возвышенных земель».

Аналогичным образом, житель Бавилона, Нью-Йорк, отметил в 1882 году, что хотя на некоторых маршах Лонг-Айленда продолжали заготавливать сено, их ценность снизилась из-за большего «внимания к выращиванию культурных трав», и цена на соленое сено в некоторых районах зависела от урожая сена с возвышенностей⁵⁰⁶.

Тщательное изучение скудной сельскохозяйственной литературы до 1800 года и обильных публикаций ориентированной на Северо-Восток сельскохозяйственной прессы вплоть до 1840 года показывает, что значительная часть сдвига в оценке ценности заболоченных земель произошла не из-за беспокойства о болезнях, а из-за неспособности этих земель обеспечить фермеров достаточным количеством сена и пастбищ для поддержки перехода к новой сельскохозяйственной экономике, основанной на животноводстве. Даже когда потребность в кормах стала неоспоримой, многие фермеры расходились во мнении с экспертами относительно ценности и наилучшего использования своих заболоченных земель. Этот процесс был медленным и географически неравномерным из-за знакомства фермеров с новыми идеями, их готовности и способности принять их, а также типа заболоченных земель, которыми они владели. Однако в конечном итоге, примерно 67% акров заболоченных земель на территории Нью-Йорка и Новой Англии были утрачены в период между 1780-ми и 1980-ми годами⁵⁰⁷. К счастью, оставшиеся земли теперь ценятся за предоставление экосистемных услуг, таких как среда обитания диких животных, фильтрация воды, севквстрация питательных веществ и буферная защита от штормовых нагонов, среди других положительных качеств, таких как эстетическая ценность⁵⁰⁸. Возможно, более глубокое осознание их исторической важности вдохновит на дополнительные усилия по защите и восстановлению заболоченных земель, которые, несомненно, повлияли на современный ландшафт через сохранившиеся модели расселения и сети дорог.

Перевод Александра Оришева и Анастасии Поздняковой

Выходные данные статьи:

Teale, Chelsea (2018) The loss of wetland agricultural value in north-eastern North America, 1800 to 1840 the loss of wetland agricultural value, *Agricultural History Review*, Vol. 66, No 1, pp. 43-66.

---

⁵⁰⁶ Richard Mather Bayles, *History of Richmond County (Staten Island), New York from its discovery to the present* (1887); Samuel Deane, *History of Scituate, Massachusetts: from its first settlement to 1831* (1831); J. B. Cooper, in *History of Suffolk County, New York, with Illustrations, Portraits, & Sketches of Prominent Families and Individuals* (1882), p. 83.

⁵⁰⁷ Thomas E. Dahl. *Wetlands losses in the United States, 1780's to 1980's* (1990).

⁵⁰⁸ Ralph Tiner. *Wetlands of the United States: Current status and recent trends* (1984).

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО РАБОТНИКА В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ (1750-1914 ГГ.)⁵⁰⁹

В.А. Армстронг

I

Прошло много лет с тех пор, как впервые увидели свет классические работы по истории сельскохозяйственного рабочего, и они, несомненно, устарели.⁵¹⁰ Безусловно, в академических журналах и других изданиях появился ряд ценных исследований, посвящённых отдельным аспектам положения этого класса, — работ учёных, обладающих специальными знаниями в области аграрной или демографической истории.⁵¹¹ Однако до тех пор, пока эти исследования не будут удовлетворительно интегрированы, общественное представление будет продолжать формироваться авторами, которые следуют традиции, заложенной Хэммондами, — традиции чрезмерного акцента на институциональных факторах и концентрации на ярких эпизодах, таких как бунты «Капитана Свинга», которые, по-видимому, в значительной степени могут быть объяснены краткосрочными обстоятельствами. Сознательно или нет, но такие историки скорее затемняют, нежели проясняют глубинные факторы, влиявшие на положение рабочего, поскольку игнорируют или неверно трактуют более фундаментальные экономические, технологические и — в особенности — демографические детерминанты его уровня жизни и места в обществе. Цель данной статьи — утвердить важность последнего из названных факторов; она начнётся с оценки действовавших демографических сил, а затем перейдёт к анализу некоторых вытекающих из них следствий.

II

В своем стремлении драматизировать процесс урбанизации историки часто недостаточно подчеркивают абсолютный рост численности населения в сельской местности. Если мы примем оценку Чоклина, согласно которой в 1750 году 25% населения Англии и Уэльса проживало в городах, то окажется, что в сельской местности оставалось 4,7 миллиона человек.⁵¹² К 1901 году процент от общей численности населения, проживавшего в обозначенных сельских округах, составил лишь 23%, но в абсолютных цифрах достиг 7,5

⁵⁰⁹ Основано на докладе, представленном на ежегодной зимней конференции Британского общества истории сельского хозяйства в декабре 1977 года.

⁵¹⁰ Hasbach, Eg. W. *History of the English Agricultural Labourer*, 1908; Green, F. E. *A History of the English Agricultural Labourer, 1870-1920*, 1920; Hammond, J. L. and B. The Village Labourer, 1911.

⁵¹¹ In particular the works of Chambers and Mingay, Jones, Anderson, Collins, and Hunt, cited below.

⁵¹² Chalklin, C. W. *The Provincial Towns of Georgian England*, 1974, p. 17.

миллиона. Или, если взять 16 графств, которые Дин и Коул в 1811 году определили как преимущественно аграрные, их совокупное население выросло с 1,96 миллиона в 1750 году до 6,5 миллиона в 1901 году.⁵¹³ Следует ли нам говорить о двукратном или трехкратном росте сельского населения за этот полуторавековой период — зависит от вопросов определения. Однако его рост был, несомненно, значительным, а показатели естественного прироста, наблюдавшиеся в сельской местности, были еще выше. Мы можем начать с изменений в области смертности и рождаемости, которые обеспечивали этот рост.

Демограф XVIII века Ричард Шорт оценивал характерные уровни смертности в крупных городах в 43–53 смерти на тысячу человек; в средних городах — 36–42; а в деревенских поселениях — 20–25.⁵¹⁴ Подобные контрасты между городом и деревней многократно подтверждались в Англии раннего викторианского периода, и, если оставить в стороне знаменитое сравнение, проведенное Эдвином Чедвиком между Манчестером и Рутлендом, даже нормальный уровень смертности в городских санитарных округах, по оценке Уильяма Фарра, был на четверть выше, чем в сельских аналогах, в десятилетие 1851–1861 гг.⁵¹⁵ Когда мы встречаем в период 1848–1854 гг. показатели общей смертности столь низкие, как 20 (Блофилд), 19 (Ромни-Марш, Кранбрук), 17 (Хендон, Нью-Форест), 16 (Бьюилт, Бутл в Камбрии) и даже 15 (Глендейл)⁵¹⁶, становится очевидно, что уровни смертности, преобладавшие в сельских районах, значительно снизились по сравнению с отдаленным прошлым, даже если это произошло из-за исчезновения колоссальных пиков смертности XVI–XVII веков, а не из-за существенного понижения общего плато. Более того, нет оснований полагать, что сельскохозяйственные рабочие не участвовали в этом благоприятном изменении.

Действительно, среди них сохранялось множество проблем со здоровьем, и их показатели заболеваемости, что видно по статистике Манчестерского объединения за 1846–1848 гг., были хуже, чем у многих других профессиональных категорий; фактически, «совокупная заболеваемость» среди них была на 6,2% выше, чем в сельских округах в целом. Тем не менее, согласно тому же источнику, их ожидаемая продолжительность жизни в различных возрастах составляла 45 лет в 20 лет, 30 лет в 40 лет и 16 лет в 60 лет — результат, который среди 25 рассмотренных профессиональных категорий превзошли только плотники, и который представлял собой несколько лучшие коэффициенты выживаемости, чем у

---

⁵¹³ Deane P. and Cole, W. A. *British Economic Growth, 1688- 1959*, Cambridge, 1962, p. 103; Mitchell B. R. and Deane, P. *Abstract of British Historical Statistics*, Cambridge, 1962, p. 20.

⁵¹⁴ Various works, quoted in Malthus, T. R. *Essay on the Principle of Population*, Everyman edn, 1914, II, p. 241.

⁵¹⁵ Weber, A. F. *The Growth of Cities in the Nineteenth Century*, New York, 1963, p. 355.

⁵¹⁶ Greenhow, E. H. *Papers Relating to the Sanitary State of the People of England, 1858*, pp. 162–164.

сельских жителей в целом.⁵¹⁷ Это сравнительно благоприятное положение в отношении смертности сохранялось на протяжении оставшегося рассматриваемого периода. Как указывает доктор Хорн, в 1880-х годах уровень смертности среди сельскохозяйственных рабочих составлял лишь 66% от стандартизированной по возрасту смертности среди всех взрослых мужчин, тогда как в 1890-х годах смертность от туберкулеза (ведущей причины смерти в XIX веке) достигала лишь 62% от стандартных уровней.⁵¹⁸ Аналогично, младенческая смертность в семьях сельскохозяйственных рабочих была значительно ниже, чем в любой другой категории физического труда. В 1911 году, когда национальный уровень составлял 125 на тысячу, а среди детей докеров, возчиков, баржевиков, кучеров и чернорабочих каменщиков — 172, 147, 161, 162 и 139 соответственно, соответствующий показатель для сельскохозяйственных рабочих равнялся 97.⁵¹⁹

Что касается брачности и рождаемости, ситуация менее однозначна. Среди современников конца XVIII — начала XIX веков было распространено предположение, что обычный возраст вступления в брак для батраков и их жен снижался вследствие упадка системы проживания в хозяйстве (*living in*) и разлагающего влияния старого Закона о бедных (*Old Poor Law*). На самом деле, существующие демографические исследования не дают единого мнения о наличии такого систематического изменения, но, как оказывается, гипотеза о росте уровня рождаемости в сельской местности в этом и не нуждается. Скорее, рост общих коэффициентов рождаемости, вероятно, стал следствием изменений в социальной структуре сельского общества.⁵²⁰ На фоне стабильного или даже слегка снижающегося числа земельных наделов долгосрочное падение смертности неумолимо вело к увеличению доли безземельных батраков — тенденции, отнюдь не уникальной для Англии и Уэльса. Если, как это представляется вероятным, они во все времена имели склонность жениться немного раньше, чем фермеры (и на немного более молодых женщинах), то одного лишь структурного сдвига было бы достаточно, чтобы оказать некоторое влияние на общий коэффициент рождаемости в сельской местности.

---

⁵¹⁷ Ratcliffe, H. *Observations on the Rate of Mortality and Sickness existing among Friendly Societies*, Manchester, 1850, p. 50. Примечание: хотя сельскохозяйственные рабочие были представлены в «Манчестер Юнити» не в той пропорции, какую составляла их доля в общей численности рабочего населения, тем не менее, 18 000 человек, на опыте которых основана данная статистика, являлись крупнейшей отдельной профессиональной группой, попавшей в поле зрения Рэтклиффа.

⁵¹⁸ Horn, P. *Labouring Life in the Victorian Countryside*, 1976, pp. 182-3.

⁵¹⁹ Registrar-General for England and Wales, 74th Ann Rept, BPP 1912-13 XI, pp. xli, xlili, 73-87.

⁵²⁰ Потенциальная важность структурных сдвигов для формирования общих показателей смертности становится очевидной в работе Habbakuk, H. J. *Population Growth and Economic Development*, Leicester, 1971, pp. 40-3. Однако он полагает, что «межсекторальные сдвиги, имевшие критически важное значение, представляли собой переход рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность».

Некоторые полезные расчёты были сделаны на основе данных о доле лиц, когда-либо состоявших в браке, по переписи 1861 года. Доктор Андерсон сравнил преимущественно аграрные регистрационные округа, где более 75% и менее 45% рабочей силы составляли батраки, и обнаружил, что средний возраст вступления в брак в первых был ниже на 1,9 года для мужчин и на 1,8 года для женщин. Он оценивает, что даже структурный сдвиг, затрагивающий лишь 20% сельскохозяйственной рабочей силы, мог привести к увеличению числа рождений на когорту браков до 6%.⁵²¹ Таким образом, вероятно, что структурные изменения, воздействуя на средний возраст вступления в брак и, тем самым, на рождаемость, сыграли определённую, хотя и маргинальную, роль в стимулировании роста сельского населения в столетии до 1861 года.

В отличие от более ранних взглядов, данный тезис предполагает высокую степень стабильности брачных и репродуктивных моделей. Во всяком случае, что касается второй половины XIX века, определенные признаки поведенческой инерции среди сельскохозяйственных рабочих можно вывести из результатов переписи 1911 года, которая рассмотрела завершённую фертильность всех сохранившихся браков.⁵²²

Действительно, средний возраст, в котором жены сельскохозяйственных рабочих вступали в брак, возрос в соответствии с общенациональной тенденцией — с 22,2 лет (для браков 1861-71 гг.) до 24,9 лет (для браков 1906-1911 гг.). Однако их брачная рождаемость снижалась сравнительно вяло. При сравнении завершённой фертильности браков, заключённых до 1851 года, с браками 1881-1886 гг., масштаб снижения на национальном уровне составил 21%, а для Социального Класса I по классификации Генерального регистратора — 43%.⁵²³ Поскольку у сельскохозяйственных рабочих этот показатель снизился лишь на 15%, можно утверждать, что он возрастал относительно других социальных групп. Более того, из-за относительно низкого уровня детской смертности, характерного для семей сельскохозяйственных рабочих, фактический размер их семей оставался явно выше среднего. Эти особенности иллюстрирует Таблица 1.

---

⁵²¹ Anderson, M. 'Marriage Patterns in Victorian Britain: An Analysis based on Registration District Data for England and Wales, 1861', *Jour Family History*, I, 1976, pp. 65, 76.

⁵²² *Census of England and Wales, 1911*, XIII. *Fertility of Marriage*, Pt. II, 1923. Примечание: зависимость была следующей: чем раньше была дата бракосочетания, тем меньше пар сохранялось в исследуемой когорте к моменту сбора данных.

⁵²³ Innes, J. W. *Class Fertility Trends in England and Wales, 1876-1934*, Princeton, 1938, p. 42. Смотри Таблицу XIII.

TABLE 1
 Children Born and Children Surviving to
 Marriages of Various Dates:
 Ratios for Agricultural Labourers to
 Corresponding Rates for All Classes Jointly

Marriages of	Children born	Children surviving
1851-61	105	111
1861-71	104	111
1871-81	109	116
1881-86	114	122
1886-91	114	122
1891-96	115	122
1896-1901	114	119
1901-06	114	118
1906-11	114	116

Source: *Census of England and Wales*, 1911, XIII.
Fertility of Marriage, Pt II, p xc.

Еще один аспект рождаемости конца XIX века столь же примечателен и вновь указывает на поведенческую инертность. Доктор Хант, используя данные 1911 года, продемонстрировал отсутствие каких-либо признаков значимой связи между уровнем рождаемости и относительным уровнем денежных заработков в сельских районах, что убедительно свидетельствует о нечувствительности коэффициента рождаемости к рыночным силам. Стандартизованный по возрасту показатель рождаемости в сельских округах каждого уэльского и английского графства был выше, чем в среднем по Англии и Уэльсу в целом. Он комментирует это следующим образом: «Это невостребованное увеличение предложения рабочей силы создавало нагрузку на все сельские экономики, в наибольшей степени — на сельские районы юга, где заработка плата была самой низкой».⁵²⁴

Учитывая значительный разрыв между уровнями рождаемости и смертности на протяжении всего рассматриваемого периода, показатели естественного прироста в сельской местности всегда были существенными. Следует иметь в виду, что даже ежегодный прирост в 1%, согласно принципу сложных процентов, удваивает население за 70 лет или увеличивает его примерно на 600% за 160 лет. Тот факт, что прирост сельского населения, будучи весьма значительным, всё же был далёк от подобных масштабов, объясняется регулярными миграционными потерями.

Масштабы оттока населения до введения общегражданской регистрации в 1837 году ещё предстоит должным образом оценить, хотя Дин и Коул подсчитали, что 16 преимущественно аграрных графств в чистом виде потеряли около 36% своего расчетного естественного прироста в период с 1701 по 1831 год.⁵²⁵ Однако, если не считать разрозненных и локальных случаев, признаки систематического абсолютного сокращения населения в сельских

⁵²⁴ Hunt, E.H. *Regional Wage Variations in Britain, 1850-1914*, Oxford, 1973, pp. 232-7.

⁵²⁵ Deane and Cole, op cit, p. 108.

районах не наблюдаются вплоть до гораздо более позднего времени, и хорошо известно, что численность сельскохозяйственной рабочей силы достигла своего исторического пика примерно в 1851 году.

К этой дате перепись населения значительно усовершенствовалась, а эра общегражданской регистрации началась, что позволяет более детально проследить общий отток из сельской местности и, в частности, из сферы сельскохозяйственной занятости. Обобщая выводы некоторых недавних исследований, можно констатировать следующее:

А. На уровне графств потери были незначительными. Лишь три английских графства (Корнуолл, Хантингдоншир, Ратленд) и три уэльских (Кардиганшир, Монтгомеришир, Радноршир) показали абсолютное сокращение населения в период с 1841 по 1911 год. Однако подобные расчёты скрывают фактор урбанизации внутри графств; так, в Норфолке совокупное население Норвича, Ярмута и Кингс-Линна выросло на 20,6%, в то время как население остальной части графства сократилось на 2%.

В. Более показательной является статистика, относящаяся к более чем 600 регистрационным округам. Совокупное население так называемых «остаточных» сельских округов, по определению Кэрнкросса, выросло на 18% на севере и на 9% на юге в период с 1841 по 1911 год. Тем не менее, их чистые миграционные потери были значительными, составив около 79% от расчётного межпереписного прироста (рождаемость минус смертность), или, фактически, 1,6 млн человек на севере и 2,9 млн на юге за указанный период.

С. Параллельно с этим абсолютная численность сельскохозяйственных рабочих сокращалась, снизившись примерно на 23% от своего пика середины XIX века к 1911 году.⁵²⁶

Подобные сводные статистические данные не раскрывают всей полноты информации, которую хотелось бы знать о характере миграционных потоков. Едва ли какая-либо иная профессиональная группа могла бы получить больше выгод от эмиграции в зарубежные страны или колонии, чем сельскохозяйственные рабочие. Тем не менее, современные исследования показывают, что они были явно недопредставленной группой среди эмигрантов из Соединённого Королевства. У сельскохозяйственных рабочих были некоторые возможности воспользоваться программами государственной поддержки, подобными тем, которые курировались Комиссарами по закону о бедных (*Poor Law Commissioners*) и такими органами, как Колониальные комиссары (*Colonial Commissioners*), в конце 1830-х, 1840-х и 1850-х годах. Однако подавляющее большинство эмигрантов из Соединённого Королевства на частной основе отправлялось в Америку, и маловероятно, что среди них было много именно сельскохозяйственных рабочих. В 1870-х годах первые

⁵²⁶ Mitchell and Deane, *op cit*, pp. 20-2, 24-5; Cairncross, A. K. *Home and Foreign Investment*, Cambridge, 1953, p. 78; Taylor, F. D. W. ‘United Kingdom: Numbers in Agriculture’, *Farm Economist*, VIII, 1955, p. 39. See also Saville, J. *Rural Depopulation in England and Wales, 1851-1951*, 1957; and Lawton, R. ‘Rural Depopulation in England and Wales’ in Mills, D. ed., *English Rural Communities: The impact of a Specialized Economy*, 1973.

успешные профсоюзы в этой сфере предпринимали активные попытки стимулировать эмиграцию, исходя из предположения, что переговорная позиция оставшихся работников укрепится.⁵²⁷ В отдельных деревнях действительно происходили весьма значительные оттоки населения. Однако по различным причинам эта политика не проводилась столь же активно в 1880-е годы, когда, парадоксальным образом, уровень миграции из сельской местности достиг своего пика. В свете недавней работы профессора Эриксона представляется, что Кэрнкросс мог ошибаться, предполагая, что для этого десятилетия была характерна массовая прямая миграция сельскохозяйственных рабочих за границу, поскольку данные американских судовых списков свидетельствуют о подавляющем преобладании горожан среди эмигрантов из Соединённого Королевства.⁵²⁸ С точки зрения, принятой в данном исследовании, эти различия относительно несущественны. Прямое влияние оттока рабочей силы на рынок труда в сельском хозяйстве было сходным независимо от того, был ли он вызван эмиграцией за рубеж, перемещением в города (которое преобладало во все периоды) или даже сменой профессии без соответствующего изменения места жительства.

Последний демографический фактор, рассматриваемый здесь, находился под самым непосредственным влиянием миграционных потоков — а именно, половозрастной состав оставшегося населения. Еще давно Равенштейн провозгласил в качестве своего седьмого закона миграции, что женщины мигрируют более активно, чем мужчины, по крайней мере на короткие расстояния, — факт, очевидно связанный с легкой адаптацией девушек из деревни к городской домашней службе.⁵²⁹ Это согласуется с данными переписи 1911 года, которые показывают соотношение 1087 женщин на 1000 мужчин в городских округах и 1001:1000 — в сельских. Контраст часто бывает гораздо более разительным при сравнении отдельных городов и их сельских окрестностей. Например, в Йорке в 1851 году соотношение полов составляло 1138 женщин на 1000 мужчин в муниципальном районе (*Municipal Borough*) и 924:1000 в сельской части Йоркского регистрационного округа.⁵³⁰

Влияние миграции на структуру возрастного распределения более сложно. Согласно данным переписи 1911 года, в сельской местности наблюдался сравнительный недостаток мужчин в возрасте 20–44 лет; следовательно, доля мужчин моложе 20 и старше 45 лет была выше в деревне, чем в городах. В частности, привлекала внимание относительно высокая доля пожилых лиц. Несколько годами ранее Чарльз Бут указал, что согласно

⁵²⁷ Horn, P. ‘Agricultural Unionism and Emigration’, *Hist Jour*, XVLI, 1972, pp. 89-99.

⁵²⁸ Erickson, C. ‘Who were the English and Scots Emigrants to the United States in the late Nineteenth Century?’ in Glass D. V. and Revelle R. (eds) *Population and Social Change*, 1972, pp. 359-60. Однако у доктора Эриксон нет данных, позволяющих определить, были ли эти города отправления лишь временными остановками в пути.

⁵²⁹ Ravenstein, E. C. ‘The Laws of Migration’, *Jour Stat Soc*, XXXXVIII, 1885, pp. 196-9.

⁵³⁰ Armstrong, W. A. ‘The Social Structure of York, 1841-51’, *Birmingham University PhD thesis*, 1967, Appendix, Table E6.

переписи 1881 года, на 1000 человек в городских округах приходилось 28 лиц старше 65 лет, а в сельских округах — на 53% больше (то есть 43 на 1000), что он объяснял более высокой ожидаемой продолжительностью жизни в сельской местности, привычкой удаляться на покой в деревню, но прежде всего — эффектом возрастно-селективной миграции из сельской местности, которую он счел «безусловно важнейшей из причин».⁵³¹

Разумеется, эти цифры относятся ко всему сельскому населению, но все указания свидетельствуют о том, что сельскохозяйственные рабочие соответствовали этой модели. Из переписи 1891 года можно установить, что пожилые работники (то есть в возрасте 55 лет и старше) были примерно в три раза более многочисленны, в пропорциональном отношении, среди сельскохозяйственных рабочих, чем среди железнодорожных служащих или шахтёров. Таблица 2 демонстрирует сравнительный дефицит мужчин в возрасте 20–44 лет — тех, кто уже приобрёл навыки сельскохозяйственного труда и находился ещё в расцвете физических сил.

TABLE 2
Age Composition of the Male Labour Force
Aged 10 and Upwards,
England and Wales, 1891

	Percentage aged					
	-20	20-4	25-34	35-44	45-54	55-
A. Agric labs, farm servants, shepherds	28.0	11.9	16.8	12.7	11.9	18.6
B. Remainder of male occupied population	19.8	13.6	23.6	18.1	12.9	11.7
C. % by which A exceeds B	+41	-14	-29	-30	-8	+59

Source: Based on BPP 1893–94 CVI. 1891 *Census, England and Wales. Ages, etc. Abstract*. Table 5, pages x–xxv.

²³R.C. on *Aged Poor*, Mins of Evidence, Vol III. BPP 1895 V [C. 9684-II], p 587.

Изменения в половозрастном составе, характерные для сельских районов и сельскохозяйственной рабочей силы, могли иметь существенные последствия для производительности труда;⁵³² бесспорно, они оказали глубокое демографическое влияние, поскольку, как следствие дефицита молодых женатых взрослых, общие коэффициенты рождаемости, по данным Кэрнкросса, снизились к первым годам XX века до 24 на 1000 человек в

⁵³¹R.C. on *Aged Poor*, Mins of Evidence, Vol III. BPP 1895 V [C. 9684-II], p. 587.

⁵³²По данной дискуссии см.: Hunt, E. H. 'Labour Productivity in English Agriculture, 1850–1914', *Econ Hist Rev*, 2nd ser, XX, 1967, и критику его работы у Metcalfe D. and David P. A. in *ibid*, XXII, 1969 и XIII, 1970.

«остаточных» сельских округах севера и до 23 — на юге.⁵³³ Это не означает, что семьи оставшихся жителей становились значительно меньше. Действительно, как мы видели, в относительном выражении они становились больше. Раунтри и Кендалл отметили, что соотношение детей в возрасте 0–14 лет, учтённых в 1901 году, к числу замужних женщин было на целых 20% выше в сельских округах по сравнению с городскими.⁵³⁴

III

Большинство историков склонны рассматривать население как производную экономических и социальных изменений, и последняя серия статей, пытающихся увязать аграрные и демографические сдвиги в Англии и Уэльсе, не является исключением из этого общего правила.⁵³⁵ В последующем анализе демографические изменения упомянутого типа принимаются как данность, и исследуются их последствия. Такой подход никоим образом нельзя считать неуместным, если учитывать, что рост населения был повсеместным явлением в Европе. Он также не является каким-либо отступлением от традиционной научной парадигмы, поскольку близко соответствует позиции, часто занимаемой современными экономистами и социологами при рассмотрении проблем развития стран третьего мира. Наконец, не утверждается, что данная перспектива является оригинальной. Хотя до сих пор никто не пытался проследить влияние демографических факторов на протяжении столь длительного периода, рассматриваемого в настоящей статье, профессора Чемберс и Минги обратили внимание на «значительный подъем численности населения» как причину сельской бедности в начале XIX века, а впоследствии в своих работах признавали влияние уровня миграции из сельских районов на заработную плату. Подобным образом, профессор Джонс признавал миграцию ключевым фактором, способствовавшим улучшению положения сельскохозяйственного работника после того, как общая численность сельскохозяйственной рабочей силы начала сокращаться.⁵³⁶ В целях удобства изложения целесообразно принять 1850 год в качестве точки разделения (до которого сельскохозяйственная рабочая сила росла, а после которого — сокращалась), разбивая период 1750–1914 гг. на две фазы, что позволяет уложиться в рамки, допустимые для статьи. Хотя каждая фаза, очевидно, включала весьма отличные периоды, такое разделение наилучшим

---

⁵³³ Cairncross, *op cit*, p. 82.

⁵³⁴ Rowntree B. S. and Kendall, M. *How the Labourer Lives*, 1913, p. 34.

⁵³⁵ Philpott, G. 'Enclosure and Population Growth in Eighteenth Century England', *Explor Econ Hist*, XII, 1975, pp. 29-46 and Turner, M. 'Parliamentary Enclosure and Population Change in England, 1750-1830', *ibid*, XIII, 1976, pp. 463-8. Филпотт утверждает, что огораживания способствовали улучшению здоровья животных и, как следствие, здоровья людей, в то время как Тёрнер критикует его методологию и работу с источниками.

⁵³⁶ Chambers, J. D. and Mingay, G. E. *The Agricultural Revolution, 1750-1880*, 1966, pp. 102-3, 186-9; Jones, E. L. 'The Agricultural Labour Market in England, 1793-1872', *Econ Hist Rev*, 2nd ser, XVII, 1964, pp. 329-32.

образом соответствует настоящей цели — оценке значимости долгосрочного демографического влияния на положение сельскохозяйственного работника.

IV

Создаваемое первым периодом (ок. 1750–1850 гг.) устойчивое впечатление — это необычайное региональное и даже локальное разнообразие стандартов и условий жизни. Начиная с середины XVIII века и вплоть до Наполеоновских войн имеющиеся данные не показывают почти никаких признаков роста реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих, даже в окрестностях Лондона, тогда как в некоторых районах юга (особенно на юго-западе) рост заработной платы, возможно, отставал от роста цен.⁵³⁷ С другой стороны, заработная плата на севере, которая в прошлом была, как правило, ниже, с 1770-х годов демонстрировала явные признаки повышения. Данные, собранные Боули на основе отчетов о заработной плате из работы Идена «Состояние бедных», позволяют предположить, что уже к 1795 году те графства, которые позже Кэрд обозначил как «северные», имели преимущество примерно в 19%⁵³⁸, и причина этого не вызывает затруднений. Свидетельства из «Обзоров состояния сельского хозяйства», особенно по Ланкаширу, Страффордширу и Южному Уэльсу, подтверждают значимость конкуренции за рабочую силу со стороны угольных шахт, железоделательных заводов, известковых печей и каналов как фактора, влиявшего на уровень заработной платы. Возникающая разница между «севером» и «югом» стала еще более очевидной к середине XIX века и была оценена Кэрдом в 37%.⁵³⁹ Хотя это различие изначально не было демографическим, оно отражало возникновение иного баланса между спросом и предложением рабочей силы в сельском хозяйстве, в целом благоприятного для северных графств.

Влияние Наполеоновских войн на положение сельскохозяйственного рабочего было сложным, и трудности, вызванные стремительным ростом цен в годы острого кризиса, такие как 1795, 1800-1801 и 1812 гг., не следует преуменьшать. Однако представляется, что рост цен на пшеницу в правительственном справочнике на 96% между периодами 1788-1792 и 1810-1814 гг. почти соответствовал увеличению номинальной заработной платы на 92%, так что, как заключает профессор Флинн, неясно, произошло ли какое-либо существенное изменение реальных ставок заработной платы в любую сторону за этот период. Профессор Джонс идет дальше, утверждая, что реальная заработная плата в сельском хозяйстве фактически выросла в военные годы.⁵⁴⁰ Вероятно, он имел в виду не реальные ставки заработной

---

⁵³⁷ Gilboy, E. *Wages in Eighteenth Century England*, Cambridge, Mass, 1934, pp. 53, 56, 59, 130-1.

⁵³⁸ Bowley, A. L. *Wages in the United Kingdom*, Cambridge, 1900. Данный расчёт основан на графике за 1795 год из таблицы недельной заработной платы, представленной на стр. 144.

⁵³⁹ Caird, J. *English Agriculture in 1850-51*, 1852, p. 516.

⁵⁴⁰ Mitchell and Deane, *op cit*, p. 488; Flinn, M. W. ‘Trends in Real Wages, 1750-1850’, *Econ Hist Rev*, 2nd ser, XXVII, 1974, pp. 407-8; Jones, *op cit*, p. 324.

платы, а реальные заработки, поскольку у нас есть многочисленные указания на то, что рабочие были более полно заняты, чем прежде, что повышало вероятность непропорционального роста их заработков во время жатвы. «В хорошие времена они были полностью заняты», — отмечал представитель Кембриджа в Докладе 1816 года о состоянии сельского хозяйства королевства.⁵⁴¹ Более того, те времена способствовали расширению занятости женщин и подростков, особенно в пиковые сезоны. Вероятно, это в некоторой степени предшествовало военным годам как следствие расширения посевов корнеплодов, тогда как с сокращением ручного прядения некоторые из традиционных альтернативных занятий уже исчезали. Как бы то ни было, любое подобное развитие событий едва ли не было усилено квазидемографическим фактором, а именно отсутствием многих мужчин на военной службе. Доктор Коллинз оценил, что число призванных мужчин выросло с менее чем 100 000 в 1792 году до 345 000 в 1802 году и 465 000 (цифра, эквивалентная более чем одной пятой мужского населения Англии и Уэльса в возрасте 15-49 лет) в 1811 году.⁵⁴² Хотя многие были родом из Горной Шотландии и Ирландии, уменьшение численности сельскохозяйственных рабочих неизбежно создавало больше возможностей для женщин и тем самым повышало совокупные семейные доходы.

В 1814-1816 годах сельское хозяйство перешло от процветания к глубокой депрессии. Столкнувшись с падающими ценами, фермеры, естественно, стремились к сокращению расходов и считали себя обязанными увольнять работников как раз в то время, когда огромное количество людей демобилизовалось из вооруженных сил. Безусловно, самые тяжелые последствия наступления мира были преходящим явлением, но готовность фермеров в целом к расширению деятельности уже никогда не была прежней в течение 1820-х, 1830-х и 1840-х годов. Если демобилизация оказала разовое воздействие, то безжалостное давление роста сельского населения, до того маскировавшееся военными условиями, стало оказывать явное и пагубное влияние на ситуацию с занятостью. Это были годы, когда начало складываться верное мнение о том, что южные графства, по крайней мере, страдают от серьезной проблемы «избыточного населения», сущность которой ясно осознавал лорд Мельбурн: «Зло заключается в численности и в конкуренции, которая за этим следует».⁵⁴³ Оно наиболее отчетливо проявлялось в острой зимней безработице, подробности которой для наиболее пострадавших районов в худшие годы были собраны сорок лет назад профессором Гашем.⁵⁴⁴ На этом мрачном фоне можно было ожидать тенденции к снижению номинальной заработной платы; она четко прослеживается в статистике Були

⁵⁴¹ Board of Agriculture, *The Agricultural State of the Kingdom*, 1816, Bath, 1970 edn, p. 42. См. также стр. 148, 229 для аналогичных свидетельств из Лестершира и Нортгемптоншира.

⁵⁴² Collins, E. J. T. ‘Harvest Technology and Labour Supply in Britain, 1790-1870’, Nottingham University PhD thesis, 1970, p. 155.

⁵⁴³ Hammond, J. L. and B. op cit, 1978 edn, p. 240; и смотри введение редактора на стр. XIV.

⁵⁴⁴ Gash, N. ‘Rural Unemployment, 1815-34’, *Econ Hist Rev*, 1st ser, VI, 1935.

и в исследовании доктора Ричардсона о заработной плате, выплачиваемой в отдельных поместьях на обширной территории.⁵⁴⁵ Бессспорно, цены также в долгосрочной перспективе снижались, что отразилось в индексах стоимости жизни за тот период. Сопоставление имевшихся тогда рядов данных побудило сэра Джона Клэпхэма, с оптимизмом, утверждать, что реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих росла в течение 1820-х и 1830-х годов.⁵⁴⁶ Здесь можно провести параллель с ситуацией столетие спустя, поскольку в настоящее время в исследованиях, посвященных межвоенным годам, общепризнанно, что те, кто оставался на постоянной работе, добились значительного роста реальной заработной платы. Тем не менее, эти годы трудно представить как время широкомасштабного прогресса в благосостоянии сельских жителей. Слишком много мужчин были либо безработными, либо неполностью занятыми, а времена более не благоприятствовали широкому участию семьи в заработке, поскольку существовало ощущение, что взрослые мужчины имеют приоритетное право на имеющуюся работу. Показательно, что именно в эти годы произошли два крупных всплеска сельского недовольства в 1816 и 1830 годах;⁵⁴⁷ и не менее показательно, учитывая сказанное выше о важности региональных различий в спросе и предложении рабочей силы, что северные и центральные графства в основном остались незатронутыми волнениями.

Обладая преимуществом ретроспективного взгляда, доктор Коллинз обнаружил первые признаки иссякания избытка рабочей силы уже с середины 1830-х годов, когда производство зерна вышло на восходящую тенденцию, а промышленность, особенно железнодорожное строительство, стала оказывать сильное притяжение на рабочую силу.⁵⁴⁸ На самом деле, вплоть до 1850 года ситуация чрезвычайно сложна, с большими колебаниями из года в год и между различными районами. Достаточно сказать, что в конце 1840-х годов, когда численность рабочей силы достигла своего пика, первый из двух наших долгих периодов завершился на мрачной и безрадостной ноте: за отменой «хлебных законов» немедленно последовало падение цен, а также широко распространились сообщения о сокращении заработной платы и нехватке работы.

На протяжении всего рассмотренного периода уровень жизни сельскохозяйственного рабочего сильно варьировался от региона к региону и менялся с течением времени. В целом, насколько применимо здесь понятие среднего значения, трудно обнаружить его значительный рост или падение в

⁵⁴⁵ Bowley, *op cit*, table facing p. 144; Mitchell and Dearie, *op cit*, p. 349; Richardson, T. L. 'The Standard of Living Controversy 1790-1840, with Special Reference to Agricultural Labourers in Seven English Counties', Hull University PhD thesis, 1977, chs 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17.

⁵⁴⁶ См. таблицы у Clapham, J. H. *An Economic History of Modern Britain*, I, Cambridge, 2nd edn, 1930, p. 128.

⁵⁴⁷ Самые последние исследования данных событий представлены в работах Peacock, A. J. *Bread or Blood*, 1965, and Hobsbawm, E. J. and Rude, G. *Captain Swing*, 1969.

⁵⁴⁸ Collins, *op cit*, pp. 179-80; и см. также его статью 'Harvest Technology and Labour Supply in Britain, 1790-1870', *Econ Hist Rev*, 2nd ser, XXII, 1969, p. 467.

абсолютном выражении. Неоспоримым кажется то, что положение рабочих в целом ухудшалось относительно положения других аграрных классов, то есть землевладельцев и фермеров. Эта точка зрения находит некоторое подтверждение в работе Дина и Коула о долях различных факторов производства в сельском хозяйстве. Их статистика, выраженная в номинальных, а не реальных величинах, показывает общий рост ренты и прибыли примерно на 17,3 млн фунтов стерлингов между 1801 и 1851 годами, распределяемый среди (как можно с уверенностью предположить) неизменного или даже слегка сократившегося числа претендентов; в то время как доля труда выросла всего на 13,7 млн фунтов, распределенных среди, что совершенно точно, быстро растущей массы рабочих.⁵⁴⁹ Это согласуется с тем, что можно было бы ожидать согласно законам спроса и предложения, и среди факторов, влияющих на сторону предложения, демографические обстоятельства, по-видимому, играли доминирующую роль, объясняя не только относительное снижение уровня жизни рабочих, но и, в некоторой степени, важные региональные различия.

Такое заключение, без сомнения, не встретит всеобщего согласия. Например, профессора Хобсбаум и Рюде в книге «Капитан Свинг» уделяют населению лишь полстраницы, винят в проблеме недостаточный рост занятости и утверждают, что «не человеческая биология, а человеческое общество создало избыток рабочей силы в деревне».⁵⁵⁰ Однако традиционно называемые институциональные факторы, якобы являвшиеся главными причинами роста сельского населения и положения рабочего в целом, вызывают все меньше доверия. Современные исследования почти не показывают признаков столь разрекламированных демографических последствий Старого закона о бедных; профессор Таккер не обнаружил значимой положительной корреляции между коэффициентами рождаемости по графствам по переписи 1821 года и уровнями расходов на бедных на душу населения за период 1817-1821 гг.⁵⁵¹ В графстве Кент исследование 17 приходов не дает оснований считать, что система пособий служила значительным стимулом к заключению браков и рождению детей. Скорее, доктор Хьюзел склонен утверждать, что система пособий была не катализатором роста населения, а ответом на него, с одобрением цитируя мнение профессора Чемберса о том, что, в лучшем случае, Старый закон о бедных вызвал «лишь рябь на поверхности демографической волны».⁵⁵² Это

⁵⁴⁹ Deane and Cole, *op cit*, pp. 152, 166. Следует, однако, отметить, что землевладельцы, вероятно, извлекли из высоких военных цен больше выгод, чем сами фермеры; в то время как абсолютный уровень фермерской прибыли вырос, доходность на вложенный капитал лишь изредка достигала 14 процентов. К такому выводу приходит Hueckel, G. 'English Farming Profits during the Napoleonic Wars', *Explor Econ Hist*, XIII, 1976, pp. 342-3, после изучения отчетности девяти фермерских хозяйств.

⁵⁵⁰ Hobsbawm and Rude, *op cit*, pp. 42-3.

⁵⁵¹ Tucker, G. S. L. 'The Old Poor Law Revisited', *Explor Econ Hist*, XII, 1975, pp. 239-40.

⁵⁵² Huxel, J. P. 'The Demographic Impact of the Old Poor Law: More Reflections on Malthus'. Unpublished paper, pp 28-30. (Forthcoming in *Econ Hist Review*)

не означает, что действие Закона о бедных не влияло на социальные отношения, но его следует рассматривать как фактор второстепенный или производный, точно так же, как принятие многими сквайрами и приказчиками жесткой позиции по отношению к сельской бедноте, вероятно, отражало их неспособность осознать природу действующих сил, а не захват их умов новой системой принципов невмешательства (*laissez-faire*), как считают историки вроде Э. П. Томпсона и Гарольда Перкина.⁵⁵³

Аналогичным образом, воздействие «огораживаний» XVIII — начала XIX веков в прошлом сильно преувеличивалось. На практике, как показали Гоннер и Чемберс, они были совместимы с увеличением численности сельскохозяйственной рабочей силы и, конечно, не ассоциировались с обезлюдением деревни.⁵⁵⁴ Более того, те историки, которые делают акцент на утрате прав на общинные земли, редко, если вообще когда-либо, задавались вопросом, каковы были бы последствия роста сельского населения при любых преимуществах, извлекавшихся ранее из общинных земель. Неизбежно это должно было означать либо увеличение доли лиц, исключенных из этих прав, либо, в случае сохранения всеобщего доступа для растущего класса рабочих, заметное ухудшение качества выпаса, которое во многих случаях и без того было низким. Новейшие исследования дают дальнейшую поддержку ревизионистскому взгляду на социальные последствия «огораживаний». Профессор Таккер признает, что в западных графствах, где преобладало пастбищное животноводство, «огораживания» были связаны с «затяжным элементом социальных трудностей», который способствовал увеличению расходов на пособия на душу населения в 1817-1821 гг.; но в преимущественно земледельческом востоке, где такие расходы в целом были выше, на самом деле наблюдалась значимая отрицательная связь с процентом «огороженных» земель между 1761 и 1821 годами.⁵⁵⁵ Совсем недавно, тщательно изучив обширную литературу, доктор Еллинг пришел к выводу, что, хотя влияние «огораживаний» на население варьировалось в отдельных приходах, его общий эффект был далеко не катастрофическим; что его влияние на размеры налога в пользу бедных не было главной причиной их роста; и что в большинстве общинных полевых поселков уже сложилась сравнительно ограниченная структура землевладения и прав на общинные земли к концу

⁵⁵³ Thompson, E. P. *The Making of the English Working Class*, 1963, pp. 218-20; Perkin, H. J. *The Origins of Modern English Society*, 1969, pp. 184-7.

⁵⁵⁴ Gonner, E. C. K. *Common Land and Inclosure*, 1012, pp. 396-447; Chambers, J. D. ‘Enclosure and Labour Supply in the Industrial Revolution’, *Econ Hist Rev*, 2nd ser, V, 1953, pp. 332-3, 339-40. Два недавних теоретических исследования утверждают, что появление более высокого соотношения «труд/земля» после огораживаний не означает, что данные преобразования были трудоёмкими в экономическом смысле, однако не подвергают сомнению общий рост уровня занятости в сельском хозяйстве в рассматриваемый период. См. Baack, B. D. and Thomas, R. P. ‘The Enclosure Movement and the Supply of Labour during the Industrial Revolution’, *Jour Eur Econ Hist*, III, 1974, pp. 401-23 и еще Crafts, N. F. R. ‘Enclosure and Labour Supply Revisited’, *Explor Econ Hist*, XV, 1978, pp. 172-83.

⁵⁵⁵ Tucker, op cit, pp. 242-4.

XVIII века, если не раньше.⁵⁵⁶ Слабость альтернативных институциональных аргументов оставляет вакуум, который успешно заполняется демографической точкой зрения.

V

В годы после 1850 года численность сельскохозяйственной рабочей силы начала сокращаться; соотношение наемных сельскохозяйственных работников к фермерам и скотоводам снизилось с 5,1 в 1851 году до 2,9 в 1901 году.⁵⁵⁷ Объяснения этой тенденции иногда искали в теории технологического замещения, которая, по мнению некоторых историков, сыграла роль, дополняющую «огораживания» в предыдущем поколении. Как выразился Хасбах, «Чем достигается интенсивное применение капитала в сельском хозяйстве... в условиях свободной конкуренции и арендного земледелия, так это экономией труда в целом».⁵⁵⁸ Теория обладает некоторой поверхностной привлекательностью. За исключением печально известного случая с молотильной машиной, механизация до того времени мало влияла на английское сельское хозяйство, и теперь приходилось считаться с сеялками 1850-1860-х годов, паровым трактором с 1870-х и самосвязывающей жаткой с 1880-х годов. Однако все эти нововведения имели известные недостатки в применении, и, хотя можно найти локальные упоминания о вытеснении ручного труда, например, в материалах, собранных для Королевской комиссии по труду (1893 г.), также существует множество указаний на то, что техника внедрялась из-за нехватки рабочей силы, а не как средство избавления от работников. Обозревая свидетельства в целом, У. К. Литтл склонялся к мысли, что сокращение штатов на фермах было скорее следствием, нежели причиной миграции с земли.⁵⁵⁹ Тем не менее, вероятно, что растущая механизация действительно способствовала снижению совокупных семейных заработков в период жатвы. Показательно, что сообщалось, будто из-за «совершенства техники» урожай в Уилтшире при хорошей погоде можно было убрать «за столько же дней, сколько раньше занимали недели»; и что заработка во время жатвы вместо £6-£8 считался хорошим, если составлял £3.⁵⁶⁰

Если, как следует из этого, главным воздействием механизации было снижение уровня зависимости от сезонного труда в пиковые периоды, то недельная заработка взрослого мужчины-батрака не должна была сильно пострадать. Но очевидно, что на нее продолжали существенно влиять демографические факторы, игравшие столь важную роль в регулировании предложения рабочей силы. Для периода вплоть до 1870 года (когда заканчивается его статья) мы видим, что профессор Джонс отстаивает тезис о

⁵⁵⁶ Yelling, J. A. Common Field and Enclosure in England, 1450-1850, 1977, pp. 226-8.

⁵⁵⁷ Рассчитано на основе Taylor, op cit, pp. 38-9.

⁵⁵⁸ Hasbach, op cit, p. 258.

⁵⁵⁹ R.C. on Labour. The Agricultural Labourer, vol V(I), General Report. BPP 1893-4 XXXVII - Pt II [C. 6894-XXV], p. 40.

⁵⁶⁰ Ibid, vol I (II), Report of Chapman, C. M. BPP 1893-4 XXXVII - Pt II [C. 6894-II], p. 46.

весьма постепенном изменении ситуации в пользу батрака, по мере того как расширение спроса, связанное с развитием «золотого века» сельского хозяйства, начало опережать предложение, которое начало сокращаться. Безусловно, это было заметнее в одни периоды, чем в другие, но, как он документировал, существует множество признаков изменения отношения к благосостоянию батрака и активизации филантропической деятельности.⁵⁶¹ Его утверждение о прямом влиянии объема миграции на уровень сельской заработной платы недавно получило ценное подтверждение в исследованиях доктора Ханта, которые на уровне графств показывают (в отличие от связи между зарплатой и рождаемостью), что миграционные потери коррелировали с уровнем заработной платы. Коэффициенты корреляции 0,47 и 0,33 обнаружаются, когда чистые миграционные потоки 1871-1891 и 1891-1911 гг. соотносятся, соответственно, с заработками в сельском хозяйстве в 1867-1870 и 1898 гг. Таким образом, миграция в определенной степени соответствовала структуре дифференциала заработной платы и, вероятно, внесла существенный вклад в его сокращение. Конечно, это не означает, что различия исчезли. Действительно, региональные факторы, влияющие на рыночный спрос на сельскохозяйственный труд, были настолько сильны и глубоки, что в 1907 году максимальная зарплата все еще превышала минимальную примерно на 28%. Однако в 1867-1870 годах соответствующий показатель составлял 44%.⁵⁶²

В целом, индекс заработков в сельском хозяйстве Боули составлял в среднем 90 в 1860-1866 гг. и достиг 117 в 1873-1877 гг. (1891 = 100).⁵⁶³ Впоследствии он заметно снизился, но в 1890-1896 гг. все еще оставался на уровне 100, что означает, если принять во внимание снижение стоимости жизни в конце XIX века, что произошел ощутимый рост реальной заработной платы. Это не могло быть полностью компенсировано ни снижением семейных доходов в период жатвы, ни даже вероятным снижением реальной заработной платы, которое, как и у многих других значительных групп рабочего класса, испытalo большинство сельскохозяйственных рабочих в период после 1900 года.⁵⁶⁴ Более того, в конце XIX века положение батраков уже не имело тенденции к ухудшению (как это явно было в первый период) по сравнению с другими элементами аграрного общества. Согласно статистике Дина и Коула, доля труда в доходе от «депрессивного» сельскохозяйственного сектора во второй половине XIX века имела тенденцию к несколько более высокому

---

⁵⁶¹ Jones, *op cit*, pp. 330-5.

⁵⁶² Hunt, *Regional Wage Variations*, pp. 58-9, 244-5, 248.

⁵⁶³ Национальный индекс Боули воспроизведен в Mitchell and Deane, *op cit*. См. стр. 350.

⁵⁶⁴ Land Enquiry Committee, *The Land*, I, 1913, pp. 9, 11-12. Предполагается, что в период с 1900 по 1912 год заработная плата выросла на 5%, тогда как розничные цены увеличились на 16%; что после 1907 года реальные доходы в более благополучных графствах продолжали расти, в то время как в остальных регионах этот рост отсутствовал; и что в целом реальные доходы примерно 60% рядовых сельскохозяйственных рабочих после 1907 года сократились.

уровню, достигнув пика в 1881 году (40,2%). Показатель 1901 года (38,8%) оставался выше любого из восьми наблюдений за период 1801-1871 годов.⁵⁶⁵

Разумеется, эти слабые следы относительного улучшения меркнут, если принять во внимание огромные социальные различия, все еще очевидные в английском сельском обществе. Во многих отношениях уместнее сравнивать положение сельскохозяйственных рабочих с положением других групп рабочего класса. С одной стороны, очевидно, что их уровень жизни значительно улучшился между 1850-ми годами и примерно 1900 годом, если не позже, и что миграция действовала таким образом, что благоприятно влияла на соотношение спроса и предложения. С другой стороны, столь же очевидно, что их благосостояние, особенно в южных графствах, серьезно отставало и во многих отношениях, более явно, чем когда-либо, от прогресса рабочего класса в целом. Согласно Беллерби, соотношение между средней промышленной и сельскохозяйственной заработной платой в 1911-1914 гг. все еще оставалось порядка 2:1.⁵⁶⁶ Но и это не отражало всей картины. Бьенефельд обратил внимание на сокращение рабочего дня в некоторых отраслях торговли и промышленности уже с 1850-х годов и на общее перераспределение в 1872-1874 гг., в то время как около 1880 года рабочая неделя продолжительностью примерно 54-56 часов стала нормой.⁵⁶⁷ К эдвардианской эпохе субботний сокращенный рабочий день стал в городах почти повсеместным. Ситуация с сельскохозяйственным рабочим была иной. Отчасти из-за характера работы продолжительность его рабочего дня оставалась на значительно более высоком уровне. Сокращенные дни были исключением, скотоводы не могли избежать работы по воскресеньям, а в двух третях деревень, обследованных Земельной следственной комиссией, обычный рабочий день даже вне периода жатвы составлял 10 часов в день, что соответствует 60 часам в неделю и часто больше. Именно «постоянная тяжелая работа, месяц за месяцем, без единого часа, который можно было бы назвать своим», вызывала все большее недовольство у батраков, как отмечал один работник из Линкольншира.⁵⁶⁸ Здесь следует вспомнить, что на свои скромные заработки, добытые ценой того, что начинало считаться ненормированным рабочим днем, сельскохозяйственным рабочим приходилось содержать семью, размер которой был выше среднего.

Похоже, что в период после 1850 года демографические факторы продолжали оказывать сильное влияние на уровень жизни сельскохозяйственного рабочего. Они во многом объясняют достигнутый абсолютный рост (благодаря миграции); сохраняющиеся региональные

⁵⁶⁵ Deane and Cole, *op cit*, pp. 152, 166. К сожалению, привести конкретную цифру за 1911 год не представляется возможным.

⁵⁶⁶ Bellerby, J. R. 'The Distribution of Farm Income in the United Kingdom, 1867-1938', *Proc Agric Econ Soc*, X, 1953, приводится по: Saville, *op cit*, p. 13. Следует также отметить, что в 1901 году доля трудовых затрат в добывающей промышленности, обрабатывающем производстве и сбыте составляла 48,1%, а в торговле и транспорте — 46,5% (Deane and Cole, *loc cit.*).

⁵⁶⁷ Benefeld, M. A. *Working Hours in British Industry*, 1972, pp. 82, 106, 122.

⁵⁶⁸ Land Enquiry Committee, *op cit*, pp. 15-16.

различия; и, в некоторой степени, те неблагоприятные условия, которые как класс рабочие продолжали испытывать из-за сравнительно высокой брачной рождаемости. На этом фоне относительной депривации нам едва ли стоит удивляться частым современным комментариям об «отсутствии перспектив» у батрака; или сообщениям о том, что дочь нортумберлендского батрака считала бы, что улучшила свою жизнь, выйдя замуж за любого, не связанного с сельскохозяйственными работами; или сведениям о том, что «девушки в Ипсвиче в субботу вечером смотрели на парня, выясняли, что он сельскохозяйственный рабочий, и тут же переставали им интересоваться».⁵⁶⁹

VI

Представленная здесь точка зрения несет в себе оттенки того, что некоторые сочли бы малтузианством. Однако к проблеме не подходили как к упражнению по расположению исторических фактов таким образом, чтобы проиллюстрировать и обосновать позицию, укорененную в догматических теоретических принципах. Не следует также усматривать в данной аргументации скрытое одобрение малтузианских предписаний (главным образом, поддержку строгого закона о бедных и более широкое применение «нравственного воздержания»). По сути, демографические силы, столь глубоко повлиявшие на предложение рабочей силы и, как следствие, на уровень жизни работника, а также на его низкий социальный статус, на протяжении большей части рассматриваемого периода едва ли были осмыслены землевладельцами, фермерами и уж тем более самими работниками. Даже если бы это было не так, трудно представить иную последовательность развития событий, отличную от той, что прослежена на этих страницах. Анализ положения работника в подобных терминах может показаться механистичным и даже в некоторой степени фаталистичным. Тем не менее, демографический подход, по-видимому, обладает значительно большей объяснительной ценностью, чем обычные альтернативы, которые либо исходят интуитивно из отдельных душераздирающих случаев; либо происходят из марксистских представлений о классе;⁵⁷⁰ либо, в характерной

---

⁵⁶⁹ R.C. on Labour, vol I (III). Report of A W Fox, BPP 1983-4 XXXV [С. 6894-III], p. 103; Blythe, R. Akenfield, 1972 edn, p. 100. Вторая реплика, принадлежащая сельскохозяйственному рабочему и профсоюзному активисту, отсылает к «старым добрым временам», вероятно, к межвоенному периоду.

⁵⁷⁰ Чтобы исключить возможные неверные интерпретации, следует особо подчеркнуть, что существование глубоких социальных различий в сельском обществе и даже наличие «рабочего самосознания» не вызывает сомнений. Гораздо более спорным является вопрос о том, была ли основная масса сельскохозяйственных рабочих проникнута «классовым сознанием» в марксистском смысле этого слова — то есть таким сознанием, которое заставляло бы их воспринимать свои интересы как коренным образом противоположные интересам нанимателей и стремиться к вовлечению в «классовую борьбу». Одним словом, вряд ли их действия определялись знакомством с трудами Маркса или Мальтуса.

для нашего времени манере, стремятся возложить вину за невзгоды работника на такой безопасный, но ускользающий объект, как общество в целом.

Перевод Василя Сакаева

Выходные данные статьи: Armstrong W. A. The Influence of Demographic Factors on the Position of the Agricultural Labourer in England and Wales, 1750–1914 // The Agricultural History Review. Vol. 29, No. 2 (1981), pp. 71-82.

«БАБЬЕ ХОЗЯЙСТВО»: ПТИЦЕВОДСТВО И ЕГО ВКЛАД В ДОХОДЫ КРЕСТЬЯНСТВА В ПРЕДВОЕННОЙ РОССИИ (ДО 1914 ГОДА)

Стюарт Томпстон

Аннотация. В современной историографии подвергается сомнению традиционный тезис о растущем обнищании российского крестьянства в конце XIX века. Также пересматривается и роль общинной системы как главного сдерживающего фактора аграрного прогресса. На примере развития птицеводства — традиционной сферы деятельности крестьянок — в данной статье утверждается, что именно в тех губерниях, где давление на уровень жизни крестьян было наиболее сильным, птицеводство стало устойчивым источником доходов для хозяйств. Начиная с 1880-х годов оно способствовало сохранению и даже повышению уровня жизни в условиях снижения доходов от основных сельскохозяйственных работ. Несмотря на приписываемый им консерватизм, русские крестьяне продемонстрировали заметное понимание выгод от улучшения пород птицы, активно используя возросшее предложение племенного скота. Развитие железных дорог позволило продукции птицеводства внести значительный вклад в российский экспорт.

Традиционный взгляд о растущем обнищании российского крестьянства к концу XIX века в последние годы был оспорен рядом западных исследователей, и наиболее заметно — профессором Джеймсом Симмсом. Указав, что рост доходов от прямого налогообложения опережал увеличение акцизов на потребительские товары, он стремился доказать рост подушевого потребления крестьян. Устоявшаяся пессимистическая точка зрения в значительной степени опиралась на современные ей литературные свидетельства, хотя и не исключительно на них. Весомый вклад в неё внёс, например, Александр Гершенкрон своей интерпретацией относительной динамики населения и производства зерна за период 1870–1874/1896–1900 гг. Однако, как показал Стивен Уиткрофт, если сдвинуть пятилетнюю базу на один год в ту или иную сторону, чтобы включить более типичный неурожайный год, то объём производства зерна на душу населения за вычетом экспорта оказывается равным или превышающим темпы прироста населения.⁵⁷¹ До сих пор российская дискуссия фокусировалась на динамике

---

⁵⁷¹ Simms, J. Y., jnr, 'The Crisis of Russian Agriculture at the End of the 19th Century', *Slavic Review*, 1977/3 and 'The Crop Failure of 1891: Soil Exhaustion, Technological Backwardness and Russia's Agrarian Crisis', *Slav Rev*, 1982/2. Для краткого обзора позиций критиков Симмса см.: Rogger, H. *Russia in the Age of Modernisation and Revolution, 1881-1917*, London and New York, 1983, pp. 87-88; Saunders, J. T. 'Once more into the Breach Dear Friends', *Slav Rev*, 1984/4. A. Gerschenkron's analysis is in the *Cambridge Economic History of Europe*, VI, Pt 2, p. 778 and S. Wheatcroft's critique in E. Kingston-Mann and T. Mixter, *Peasant*

потребления, а не доходов. Это вполне ожидаемо. Надёжные данные о доходах крестьян до 1914 года попросту отсутствуют. Частая смена занятий крестьянами-мужчинами, а также и крестьянками, которые перемещались между работой на своих наделах и наймом в качестве промышленных или сельскохозяйственных рабочих либо в ином качестве, делает расчёт крестьянских доходов чрезвычайно проблематичным. Однако очевидно, что несельскохозяйственные формы занятости преобладали среди крестьян северной половины Европейской России. Крестьянам в губерниях к югу от Москвы приходилось в гораздо большей степени полагаться на подсобные заработки в качестве сезонных сельскохозяйственных работников. И поскольку значительная доля российских сельхозпроизводителей была чистыми потребителями зерна, доступ на рынок труда или продажа непродовольственной сельскохозяйственной продукции были жизненно важны для их экономического благосостояния.

Недавнее исследование Роуз Гликман, посвящённое русским крестьянкам, подчеркивает их экономический вклад в семейный доход и рост этого вклада по мере того, как процесс индустриализации России конца XIX века непропорционально привлекал крестьян-мужчин к внеземельной наёмной деятельности. Крестьянкам также необходимо было зарабатывать деньги, но их относительная ограниченность в мобильности из-за обязанностей по воспитанию детей вынуждала их сочетать домашние обязанности с сельским хозяйством и другой экономической деятельностью в сельской местности. На основе отчётов органов местного самоуправления (земств) Гликман обратила внимание на широкий спектр источников дохода, доступных крестьянкам по всей Российской империи. Однако в её исследовании отсутствует какой-либо анализ вклада птицеводства в крестьянские доходы.⁵⁷²

Ниже утверждается, что этот сектор российского сельского хозяйства, бывший крайне маргинальным вплоть до 1880-х годов, впоследствии продемонстрировал столь динамичный рост, что внёс существенный вклад в уровень жизни крестьян в тех губерниях, которые были благоприятны для его развития. Более того, его расширение в 1890-х годах в некоторых частях Центрально-Чернозёмного региона, Юго-Запада и Поволжья, по-видимому, требует некоторой корректировки тезиса о том, что «бедность российского рынка и аграрная система, в рамках которой действовал производитель, препятствовали любой широкой диверсификации...». ⁵⁷³ Эта традиционная отрасль женского крестьянского труда, «бабье хозяйство», к концу XIX века

Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800-1921, Princeton, NJ, 1991. Для исследователей, знакомых с дискуссией об уровне жизни британского рабочего класса в первой половине XIX века, российская полемика может вызвать ощущение дежавю.

⁵⁷² Glickman, R. 'Peasant Women and their Work', in B. Eklof and S. Frank, eds, The World of the Russian Peasant: Post Emancipation Culture and Society, 1990, pp. 45-63.

⁵⁷³ Falkus, M. E. 'Russia and the international Wheat Trade, 1861- 1914', *Economica*, Nov, 1968.

начала приобретать коммерческий характер. Многие недостатки сохранялись вплоть до 1914 года, но нельзя отрицать устойчивый вклад, который этот вспомогательный сектор российского сельского хозяйства вносил в получение Россией иностранной валюты.

I

Вплоть до 1876 года экспорт яиц носил случайный характер, однако впоследствии, как отмечал журнал «Промышленность и торговля» в 1911 году, «птицеводство из "младенца" нашего сельского хозяйства превратилось в одну из крупнейших его отраслей и крайне важную статью нашего экспорта».⁵⁷⁴

Лишь нефть могла сравниться по темпам роста с экспортом яиц в последней четверти XIX века. А в период с 1900 по 1913 год стоимость экспортов России продуктов птицеводства была эквивалентна более чем трети стоимости российского экспорта пшеницы. В годы, когда экспорт пшеницы был низким, эта доля могла достигать 50 и даже 58 процентов. Таким образом, птицеводство служило важным буфером, смягчавшим падение доходов от зернового хозяйства (см. Таблицу 1). И учитывая, что птицеводство было в гораздо большей степени связано с крестьянскими хозяйствами, нежели с помещичьими, и что внутренний рынок продуктов птицеводства стремительно расширялся к концу XIX века, относительная значимость птицеводства для крестьянских доходов, отражённая во внешнеторговой статистике, была, по всей видимости, выше.

Для российских властей экспорт продуктов птицеводства был желанным, поскольку он снижал зависимость от зерна и, в отличие от зернового экспорта, не подвергался резким годовым колебаниям. Вместо этого он в основном следовал устойчивой восходящей тенденции и к началу XX века стал источником четвёртого или пятого по величине экспортного дохода Российской империи. Его роль в превращении зерна низкой стоимости в высокодоходную экспортную статью считалась чрезвычайно важной. Высказываясь в начале 1900-х годов о российском животноводстве в целом, один эксперт заявил: «Возможно, недалеко то время, когда мы будем поставлять на международный рынок не пшеницу и рожь, а яйца и сибирское масло...».⁵⁷⁵

---

⁵⁷⁴ Промышленность и торговля, июнь, 1911, №11.

⁵⁷⁵ Бахтияров А. Яичная и маслянная биржа в Петербурге // Сельское хозяйство и лесоводство. 1907/4. С. 75.

Таблица 1

54

THE AGRICULTURAL HISTORY REVIEW

TABLE I
Russian Exports of Poultry Products, 1872-1914
(Current Prices in Thousands of Roubles)

Year	(1) Eggs	(2) Live and Dead Poultry*	(3) Total of 1+2	Proportion of 3 in Total Exports %	Total as a Proportion of the Value of Wheat Exports %
1872	728	291	1019	0.3	1
1880	948	863	1811	0.3	2
1884	3076	1674	4751	0.8	4
1887	8153	3452	11,605	1.9	8
1898	31,486	7850	39,336	5.4	20
1899	28,829	7899	36,728	5.9	34
1900	31,545	8656	40,202	5.6	39
1901	35,544	9497	45,041	5.9	37
1902	38,804	8999	47,803	5.6	29
1903	51,330	9923	61,253	6.1	28
1904	54,475	9460	63,935	6.4	25
1905	61,070	9546	70,616	6.6	25
1906	56,329	10,867	67,195	6.1	32
1907	53,311	9966	63,278	6.0	41
1908	54,896	10,885	65,781	6.6	58
1909	62,277	12,146	74,422	5.2	19
1910	63,724	13,907	77,632	5.4	19
1911	80,794	14,071	94,865	6.0	37
1912	84,709	14,260	98,969	6.5	51
1913	90,707	16,023	106,730	7.0	47

* Includes feathers and down

Source: *Obzor Vneshney Torgovli*, (St Petersburg, Dept of Customs Collection, annually for appropriate years)

Безусловно, губернии, наиболее тесно связанные с птицеводством, по большей части либо относились к тем регионам, где зерновой экспортный рынок, как считалось, находился под наибольшей угрозой, либо к тем, где в конце XIX века давление на уровень жизни крестьян оценивалось как наиболее острое. Небольшой, но растущий вклад птицеводства в крестьянские доходы, начиная с 1880-х годов, по всей видимости, способствовал сохранению или даже повышению уровня жизни в тот период, когда доходы крестьян от некоторых других источников испытывали тенденцию к снижению. Действительно, чем беднее была крестьянская семья, тем выше оказывалась доля её дохода, вероятно поступавшая от птицеводства.⁵⁷⁶ Данный факт также указывает на то, что птицеводство могло выступать в качестве стратегии минимизации рисков, которую чаще избирали наиболее экономически уязвимые домохозяйства. В России птицеводческие фермы на протяжении

⁵⁷⁶ Урусов С.П. Исследование современного птицеводства в Среднем районе Европейской России // Сельское хозяйство и лесоводство, 1896/11. С. 609.

большей части XIX века были редкостью, однако для крестьянских дворов разведение птицы издавна служило важным источником продовольствия. За исключением Крайнего Севера, практически в каждом крестьянском дворе держали нескольких кур, и, как гласила пословица: «Без десятка кур крестьянин — не хозяин».⁵⁷⁷

Данный вид деятельности требовал минимальных трудозатрат, и практически повсеместно птица предоставлялась самой себе в поисках корма. Лишь в редких случаях владельцы подкармливали свою птицу, да и то отходами низкокачественного зерна. В некоторых районах крестьяне даже использовали конский навоз в качестве компонента птичьего корма. По мере того как птицеводство становилось более доходным, крестьяне в регионах с обильными запасами дешёвого зерна повышали продуктивность своих птиц, обеспечивая их более питательным рационом. Однако лишь к концу века стало уделяться сколько-нибудь серьёзное внимание продвижению улучшенных пород, которые могли бы лучше соответствовать потребностям растущего внутреннего и международного рынка. До этого времени крестьяне содержали в основном беспородных кур, а в меньшей степени — уток, гусей и, ещё реже, индеек.⁵⁷⁸ Следует добавить, что породы русских гусей отличались достаточно хорошим качеством. Наиболее распространённая порода, «бойцовский гусь», характеризовалась высокой плодовитостью и отличным качеством мяса. «Ленточные гуси», обычные для южных губерний, и «курляндские гуси», широко распространённые в Прибалтийском регионе, были известны своими крупными размерами и мясистостью. Утки, которых разводили в довольно большом количестве, обычно не принадлежали к какой-либо определённой породе.⁵⁷⁹

Вплоть до 1861 года немногочисленные птицеводческие хозяйства, существовавшие в России, были в большей степени ориентированы на разведение птицы для выставок и петушиных боёв, нежели на улучшение её коммерческих качеств. Однако с отменой крепостного права птицеводство изменило свой характер. С прекращением использования дарового крестьянского труда многие птицеводческие фермы, создававшиеся для увеселения помещика, а не из экономических соображений, прекратили своё существование, а оставшиеся были сосредоточены в столичных губерниях.⁵⁸⁰ Тем не менее, экзотические завезённые разновидности, которые разводились на таких фермах из-за их декоративных, а не коммерческих качеств, превосходили местные породы и способствовали улучшению качества

---

⁵⁷⁷ Урусов С.П. Птицеводство в районе Поволжья // Сельское хозяйство и лесоводство. 1897/4. С. 27.

⁵⁷⁸ Крестьяне содержали преимущественно беспородных куриц, а также уток, гусей и, что было реже, индеек.

⁵⁷⁹ Morachevsky V. in Lodijensky, J. N. ed, Russia: Its Industries and Trade, Glasgow International Exhibition, 1901, p. 244.

⁵⁸⁰ Гулишамбаров В.С. Международная торговля птицей и птичьими продуктами. СПб, 1899. С. 5.

местного поголовья. Птица, чья породная линия была не вполне чистой или чьи экстерьерные признаки не удовлетворяли высоким требованиям любителей, распродавалась на рынках двух столиц по ценам, вполне доступным для мелких птицеводов. От этих породистых птиц произошло множество помесей, чья продуктивность была значительно выше, чем у беспородной птицы, традиционно содержавшейся в крестьянских хозяйствах. Более того, их яйца и мясо имели сравнительно более высокую стоимость.⁵⁸¹

II

Вплоть до довольно позднего периода XIX века практически полное отсутствие внутреннего рынка для продуктов птицеводства и почти невозможность выхода на международный рынок до тех пор, пока развитие железных дорог не улучшило коммуникации в России, обусловили изначально медленное коммерческое развитие птицеводства. Тем не менее, в конечном итоге оно смогло извлечь выгоду из возросшего внимания к улучшению российских пород птицы, которое стало заметно с 1880-х годов.⁵⁸² Московское общество птицеводства было основано в 1880 году; в 1885 году за ним последовало Российское общество птицеводства; в 1886 году — Рижское общество птицеводства; в 1891 году — Казанское и Киевское общества; а в 1897 году — Южнорусское общество птицеводства.⁵⁸³ Однако ключевой вехой стало основание в 1896 году Всероссийского общества птицеводства, поскольку предыдущие общества не ставили во главу угла продвижение коммерческих пород. Уже к следующему году общество насчитывало сорок отделений, а в его рядах состояли местные жители, хорошо знакомые с крестьянским птицеводством.⁵⁸⁴ Параллельно с просветительской ролью этого Общества, к середине 1890-х годов появился ряд коммерческих птицеводческих хозяйств, в основном сосредоточенных в регионах Санкт-Петербурга и Москвы, а также в прибалтийских губерниях, которые могли предложить широкий ассортимент зарубежной породистой птицы. Такие заводчики стремились продавать свою продукцию по всей Российской империи.⁵⁸⁵ Как и можно было ожидать, наиболее широко доступными были породы комбинированного направления продуктивности, такие как кохинхины, брама, лангшаны, виандоты и плимутроки.

Также предлагались такие яичные породы, как, например, «гамбургская», «итальянская» («падуанская»?), «испанские» («андалузские» и «минорки»?) и «английские красные шапочки», а также мясные породы, как,

---

⁵⁸¹ Урусов, указ. соч., 1896/11, с. 610. Порода «Бойцовская» попала в Россию из Англии, будучи, по некоторым сведениям, прислана лордом Дерби. Скорее всего, это была разновидность породы «Олд Инглиш гейм».

⁵⁸² Гулишамбаров, указ. соч., с. 5-7.

⁵⁸³ Урусов, указ. соч. 1896/11, с. 610.

⁵⁸⁴ Урусов, указ. соч. 1897/4, с. 34.

⁵⁸⁵ Неуштубе С.Т. Торговля домашней птицей и дичью в России. СПб., 1895. С. 3-17.

например, доркинги.⁵⁸⁶ Однако в какой степени широкая доступность пород отражала их действительную популярность, остаётся неясным. Например, в Московском регионе первая коммерчески значимая порода, кохинхин, попала туда из Англии лишь в 1845 году, а светлая и затем тёмная брама появились несколько позже. В других же районах, по крайней мере в Поволжье, специалисты чаще всего рекомендовали такие породы, как плимутрок, лангшан и доркинг, в то время как наибольшей популярностью у крестьян пользовались кохинхины, брама, лангшаны и минорки.⁵⁸⁷ Однако недостатком минорок была их плохая переносимость русской зимы и склонность к заболеваниям.⁵⁸⁸

Несмотря на то, что они не до конца осознавали требования иностранного рынка, который стремились снабжать, русские крестьяне были хорошо осведомлены об огромных преимуществах, которые давало скрещивание местной птицы с зарубежными коммерческими породами. По мнению ведущего российского эксперта по птицеводству конца XIX века, князя С. Урусова, они питали «безоговорочную веру в продуктивность зарубежной птицы, о которой столь много наслышались от агентов английских фирм».⁵⁸⁹ Вероятнее всего, этот источник улучшенных пород, ориентированный на рынок, значительно превосходил по своему вкладу усилия крупных помещичьих птицеводов по улучшению крестьянского поголовья. Но независимо от того, откуда исходили улучшения, поражает то, насколько драматически крестьяне могли нарастить производство за короткий срок в ответ на открывающиеся рыночные возможности. Накануне Первой мировой войны благотворные последствия этой трансформации ощущались даже в отдалённых от международного рынка регионах. Священник из Астраханской губернии описал, как всего за один год птицеводство в его деревне преобразилось. В 1913 году он купил четырёх кур породы плимутрок и петуха. Крестьяне покупали у него яйца для выведения собственной птицы, чему также способствовала лекция местного астраханского птицеводолюбителя. В результате за год птицеводство в той местности пережило настоящую революцию.⁵⁹⁰

III

Учитывая важность рынка для развития данной отрасли сельского хозяйства, прогресс по всей России был крайне неравномерным, с заметными различиями как между губерниями, так и внутри них.⁵⁹¹ Однако надёжных и

⁵⁸⁶ Урусов, *указ. соч., passim*.

⁵⁸⁷ Morachevsky, *op cit*, p. 244.

⁵⁸⁸ Урусов, *указ. соч., 1897/4*, с. 22.

⁵⁸⁹ Там же. С. 20.

⁵⁹⁰ Птицеводное хозяйство. 1916. №3.

⁵⁹¹ Урусов, *passim*. [Наиболее ценное обследование дореволюционного птицеводства в России было проведено в 1895 году князем С. Урусовым под эгидой Министерства земледелия и государственных имуществ. Отчёт Урусова ярко описывает состояние этой

систематических данных об объёмах производства по стране в целом до 1914 года, не говоря уже об отдельных губерниях, не существует. На севере России суровый климат ограничивал развитие коммерческого птицеводства. Невозможность обеспечить курам тепло зимой, если их не заносили в дом, вынуждала крестьян ограничиваться содержанием примерно десятка птиц. В других регионах различия и степень коммерциализации в значительной мере определялись лёгкостью доступа к рынкам — как внутренним, так и внешним. Западные губернии, имевшие относительно быстрый железнодорожный доступ к германскому рынку, специализировались на производстве мяса птицы. Поволжье и Малороссия, чьи рынки сбыта мяса птицы (соответственно, в Центрально-промышленном регионе и в Германии) были менее доступны, торговали как яйцами, так и мясом. В то время как более удалённые от иностранных рынков Юго-Запад и Юг концентрировались на производстве яиц. Накануне Первой мировой войны, по мере более широкого распространения холодильных складов и медленного увеличения числа рефрижераторных вагонов в российской железнодорожной системе, наметилась тенденция к переходу всех регионов к стратегии сбыта продукции двойного назначения (торговле как мясом птицы, так и яйцами).⁵⁹²

Некоторое представление об относительной значимости регионов можно почерпнуть из железнодорожной статистики, в то время как данные внешней торговли дают общее представление о тенденции совокупного выпуска. Особенно ненадёжны эти данные в том, что касается доли продукции, остававшейся в хозяйстве или поступавшей на внутренний рынок. Сильно расходящиеся оценки, сделанные в 1890-х годах, хорошо это иллюстрируют.

Министерство земледелия подсчитало, что в 1895 году объём производства птицеводческого сектора превысил 59 миллионов рублей. По оценкам, в России тогда насчитывалось 57 миллионов голов птицы, производивших 4 миллиарда яиц в год. Однако некоторые современные эксперты считали эти цифры значительным занижением. Так, стоимость выпуска была получена просто путём удвоения стоимости экспорта птицы и продуктов птицеводства. Эти данные сильно расходятся с подсчётами И. И. Абозина, произведёнными в 1897 году, согласно которым в России тогда было не менее 200 миллионов кур, 50 миллионов уток и 50 миллионов гусей, а годовое производство яиц составляло 12 миллиардов, из которых экспортировалось 1,5 миллиарда. Сниженная яйценоскость, подразумеваемая данными Абозина, позволяет предположить, что в его подсчёты были включены молодые птицы, откармливаемые на продажу. Численность птицы сильно колебалась в зависимости от сезона: летом она была высокой, а зимой — низкой. Поздней осенью и в начале зимы птицу забивали на рынок, и её численность оставалась относительно низкой до вылупления цыплят

отрасли сельского хозяйства в наиболее важных птицеводческих губерниях в период её быстрого расширения, вызванного ростом международного и внутреннего рынка.]

⁵⁹² Кечеджи-Шаповалов М.В. Птицепромышленность и торговля продуктами птицеводства. СПб., 1912. С. 20.

следующей весной. Стоимость этой внутренней торговли можно только предполагать. Один современный эксперт жаловался: «Из-за низкой стоимости каждой отдельной птицы её не принимали во внимание на рынках, и всё же их огромное количество означает, что это торговля в крупных масштабах».⁵⁹³

Основная часть поступавших на рынок яиц и продуктов птицеводства, потреблявшихся в России, обычно доставлялась на телегах, при этом неизвестное количество яиц из Поволжья как для внутреннего, так и для экспортного рынка достигало Санкт-Петербурга по реке Неве. И хотя эти данные не отражают огромного значения Московской губернии в снабжении внутреннего рынка продуктами птицеводства или Прибалтийского региона, где птицеводство было наиболее развито, приведённые в Таблице 2 сведения о железнодорожных перевозках дают полезную, хотя и несколько искажённую, картину важнейших яйценосных регионов, обслуживавших международный рынок.

Таблица 2

58

THE AGRICULTURAL HISTORY REVIEW

TABLE 2
The Distribution of Egg Loads on Russian Railways in 1908

Region	Millions of eggs	Proportion %
VOLGA [Saratov, Simbirsk, Samara, Tver, Penza, Kazan, Nizhgorod and Yaroslav]	750	26.0
CENTRAL AGRICULTURAL [Voronezh, Ryazan, Tula, Orel and Kursk]	672	24.3
SOUTH WEST [Podolya, Volynia and Kiev]	473	16.3
NEW RUSSIA [Bessarabia, Kherson, Taurid, Yekaterinoslav and Don Cossack Region]	433	15.0
MALORUSSIA [Kharkov, Chernigov and Poltava]	190	6.4
POLAND	140	4.6
URALS	136	4.6
CAUCASUS	59	2.0
LITHUANIA	29	1.0
BELORUSSIA	25	0.9
WESTERN SIBERIA	25	0.9

Source: M P Orlov in *Izvestiya Komiteta po Kholodil'nomu Delu*, 1908, No 2.

В Московской губернии, которая не ориентировалась на экспортный рынок, торговля птицей также переживала стремительный рост в конце XIX века благодаря растущему спросу в самой Москве. Куры, утки и гуси находили готовый сбыт, а откорм птицы приобрёл коммерческие масштабы: в Москве и её окрестностях создавались небольшие предприятия по откорму молодок, завозимых из сельской местности. Еженедельный рынок племенной птицы на Трубной площади в значительной степени способствовал улучшению качества местного поголовья, и к середине 1890-х годов средняя яйценоскость одной птицы приближалась к 100 и более яиц в год, весом от 1,8 до 2,4 унции

⁵⁹³ Абозин И.И. Справочная книга для птицеводов. СПб., 1898, приводится по: Гулишамбаров, указ. соч., с. 1-9.

каждое.⁵⁹⁴ Живой вес птицы увеличился до 5 фунтов ($\approx 2,27$ кг). Эти показатели веса и яйценоскости почти вдвое превышали соответствующие показатели, например, в Тверской губернии, где слабая связь с рынком сдерживала прогресс.⁵⁹⁵

В других частях Центрально-промышленного региона птицеводство находилось в столь же отсталом состоянии, хотя практически все крестьяне держали несколько кур. В Калужской губернии содержали кур, уток и гусей, но тех, что предназначались на продажу, обычно отправляли на откорм в Москву. Аналогичным образом, в некоторых районах Ярославской и Костромской губерний «ростовских каплунов» или «ростовских молодок» откармливали для внутреннего рынка Москвы и Санкт-Петербурга. Во Владимирской губернии в 1890-х годах сколько-нибудь серьёзный интерес к птицеводству наблюдался лишь в Юрьевском уезде. В отчёте князя Урусова за 1895 год слабое развитие птицеводства во Владимирской губернии объяснялось климатическими условиями и тем, что это была промышленная губерния, где крестьяне «жили отхожим промыслом, почти не занимаясь земледелием, в результате чего за курами никто не ухаживал».⁵⁹⁶

Южнее, в Центрально-чернозёмном районе, стимул со стороны международного рынка стал очевиден уже к середине 1890-х годов. Помесное разведение стало нормой, а продуктивность птицы достигла уровня Московской губернии. В Воронежской губернии, где были отмечены «заметные улучшения», широко распространились помеси, причём популярностью пользовались лангшаны и плимутроки. Крестьянские семьи держали в среднем по двадцать кур каждая, а некоторые — до ста и более голов. Расширение продолжалось, и в результате к 1908 году только эта одна губерния давала 10% яиц, отправляемых по железной дороге на экспортный рынок.⁵⁹⁷

Прогресс в волжской Казанской губернии был ещё более выраженным. Накануне её стремительного расширения в середине 1890-х годов Урусов описывал местное птицеводство следующим образом: «не имеющее большого коммерческого значения, хотя и очень полезное для крестьянского хозяйства. С ростом объёмов производства оно перестало считаться «бабьим хозяйством» и стало восприниматься как источник дохода».⁵⁹⁸

Если Урусов в буквальном смысле описывает птицеводство в Казани как занятие, переставшее находиться в ведении женщин, то для России в целом это

⁵⁹⁴ Бахтияров, указ. соч., с. 85; Гулишамбаров, указ., соч., с. 32; Урусов, указ. соч., 1896/11, с. 622-625.

⁵⁹⁵ Урусов, указ. соч., 1896/11, с. 616-617.

⁵⁹⁶ Там же. С. 621-622. Впрочем, птицеводство не было особо трудоёмким занятием. Лишь те крестьяне, которые откармливали птицу вручную, скармливая ей специально приготовленные мешанки, должны были уделять этому много времени. А поскольку такой способ откорма применялся поздней осенью и в начале зимы, вряд ли он мог существенно отвлекать от полевых работ.

⁵⁹⁷ Урусов, указ. соч., 1896/11, с. 635-640.

⁵⁹⁸ Урусов, указ. соч., 1897/4, с. 11.

было нетипично. Русские крестьянки по-прежнему в основном несли полную ответственность за птицеводство. Более вероятно, что Урусов имел в виду, что доход от птицеводства стал достаточно значительным, чтобы перестать предназначаться исключительно для «женской казны» — тех средств, которые крестьянки по традиции имели безусловное право тратить по своему усмотрению.

Западные торговые компании, такие как лондонская фирма «Робинсон и Пикок», уже имели в губернии пункты сбора, а местные скупщики (*скупщики*), которыми обычно были татары, обезжали деревни, скупая яйца. Они также приобретали их в лавках, где крестьяне часто обменивали яйца на мелкие товары. Существовал также «довольно значительный спрос» со стороны местных мыловаренных заводов на мелкие яйца, непригодные для экспортной торговли.⁵⁹⁹ В середине 1890-х годов «огромное количество яиц» отправлялось с пристаней вдоль Волги и Камы, частично на внутренний рынок, но в основном для перегрузки в Нижнем Новгороде и дальнейшей отправки по железной дороге на экспорт. На самом деле коммерческое птицеводство в Нижегородской губернии было развито слабо, а высокий уровень отгрузки яиц, зафиксированный для неё в Таблице 3, происходил в основном из Казанской губернии. Взрывной рост Казани как пункта отправки яиц с 1896 года произошёл в значительной мере за её счёт. В 1908 году Казанская губерния поставляла около 8% российского экспорта яиц, а в 1913 году утверждалось, что годовой оборот её яичной торговли превышал 12 миллионов рублей, что иногда превосходило объём зерна, экспортированного из губернии.⁶⁰⁰ Часть яиц, отправлявшихся из Казани, почти наверняка поступала из других волжских губерний водным путём, но то же самое можно сказать и о зерновых отправках.

К 1913 году Казань уступила своё положение крупнейшей станции по отправке яиц Рыбинску — не из-за значительного расширения яичного производства в Ярославской губернии, а потому что Рыбинск стал главным пунктом сбора яиц, произведённых в Волжском бассейне. В предвоенные годы Рыбинск отправлял ежегодно от 800 000 до 1 400 000 пудов яиц (один пуд = 36,11 фунта), в то время как из Казани уходило от 600 000 до 800 000 пудов в год.⁶⁰¹ Однако значительная часть торговли Рыбинска, вероятно, происходила из Казанской губернии. Действительно, стремительный рост Казанской губернии как экспортёра продуктов птицеводства убедительно свидетельствует о том, что уже к 1890-м годам, при условии адекватной связи с международным рынком, зерновая аграрная система, в рамках которой действовало российское крестьянство, не обязательно являлась препятствием для экономической диверсификации. Рост объёмов перевозок яиц из Белгорода, Козлова, Воронежа, Ливен и Ромны позволяет предположить, что

⁵⁹⁹ Там же. С. 17.

⁶⁰⁰ Крюков Н.А. Яйцо и яичное дело. Петроград. 1915. С. 45.

⁶⁰¹ Там же. К этому времени Козлов занимал третье место, ежегодно отправляя от 270 до 280 тысяч пудов.

то же самое было справедливо и для губерний Центрально-чернозёмного района. А данные по Сызрани, обслуживавшей Симбирскую губернию, указывают на аналогичную тенденцию в Поволжье (см. Таблицу 3).

Таблица 3

60

THE AGRICULTURAL HISTORY REVIEW

TABLE 3
Principal Despatch Centres for Eggs Transported by Rail, 1891-1897
(Egg Freights in thousands of Poods)

Railway Station	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897
Kazan	—	—	—	—	10	393	511
Nizhny Novgorod	460	316	373	309	527	311	452
Saguny (SE Railway)	178	90	74	149	347	276	230
Belgorod (Kazan-Kharkov Rwy.)	40	42	102	158	252	263	226
Kozlov	144	148	120	159	259	256	247
Prokhorovka (Kazan-Kharkov)	236	201	204	271	320	250	219
Voronezh	111	54	58	110	226	194	234
Umary (Moscow-Kazan Rwy.)	—	—	—	41	93	178	204
Romny	58	100	65	76	152	137	112
Livny (SE Railway)	57	36	50	62	101	85	90
Kcl'tsy	118	111	78	99	91	79	81
Syzran	—	—	44	12	48	78	159

Source: S Gulishamberov, *Mezhdunarodnaya Torgovlya Ptits'imi Produktami*, (Dept of Trade and Manufactures, St Petersburg, 1899), p 32

IV

Несмотря на динамичный рост, крестьянское птицеводство отнюдь не было лишено недостатков. Крестьяне, хотя и быстро оценили преимущества помесей с породистой птицей, медленно осознавали необходимость продавать свой продукт в виде, приемлемом для потребителя. Яйца обычно продавались агентам оптовых фирм непромытыми и неотсортированными по качеству, по цене, соответствовавшей такому состоянию. Современная им специальная литература единодушно осуждала эту практику. Однако это было весьма на руку посредникам, которые могли сами вымыть и рассортировать яйца, чтобы затем перепродать их с наценкой. У русских крестьян «не было понятия о требованиях внешнего рынка», и, как полагают, у немногих участников системы закупок был личный интерес в их просвещении. Но было бы не совсем справедливо возлагать всю или даже большую часть вины за это на крестьянство. Им не хватало практического руководства. Лишь в 1911 году российскими властями были организованы инструкторские курсы по птицеводству.⁶⁰²

В то время как иностранные экспортные фирмы, такие как лондонская «Барсельман», создали сеть пунктов сбора, обеспеченных холодильниками, российская железнодорожная система была крайне неадекватна в доставке

⁶⁰² Кечеджи-Шаповалов, указ. соч., с. 4.

продуктов птицеводства к экспортным портам. Она не обеспечивала достаточно вентилируемых вагонов для перевозки живой птицы, что приводило к ненужным потерям от удушья; у неё было слишком мало рефрижераторных вагонов для перевозки яиц и битой птицы в летний период; сроки доставки до экспортных пунктов были слишком велики; она проявляла недостаточную заботу о вверенных ей грузах; а её тарифы, по мнению торговцев, были слишком высоки. И хотя такой крупный экспортный порт, как Рига, располагал удовлетворительными возможностями для обработки и хранения яиц, экспортные фирмы были недовольны дезорганизацией, небрежностью и халатностью на одной из самых загруженных точек обработки яиц — товарной станции Николаевской железной дороги в Санкт-Петербурге. Здесь один из критиков жаловался в начале 1900-х годов: «Яйца разгружаются под навесом, открытым со всех сторон для непогоды. Сверху их пачкают голуби, а снизу к ним добираются крысы, которых здесь в изобилии». В результате повреждений и грязи «ящик, в который проникла крыса, уже не годится для экспорта».⁶⁰³

Очевидно, российскому птицеводческому бизнесу предстоял долгий путь для раскрытия своего полного потенциала. Но, несмотря на недостатки, оно обеспечивало как ценный пищевой продукт для крестьян на большей части Российской империи, так и растущий источник дохода для тех крестьян, которые проживали в основных птицеводческих регионах, таких как Прибалтика, Центрально-чернозёмный район, Поволжье, Юго-Запад и Новороссия. Однако сколько-нибудь точная оценка доли крестьянских доходов, формировавшейся в этом секторе, является проблематичной. Среди современников существовало общее мнение, что крестьянство получало половину стоимости яиц и продуктов птицеводства, экспортавшихся из России.⁶⁰⁴ К этому следует добавить продажи на внутренний рынок, которые, выйдя с очень низкого уровня, стали значительными к концу прошлого века. По оценке Министерства финансов, из яиц, поступавших на рынок в середине 1890-х годов, три четверти шли на внутреннее потребление.⁶⁰⁵

Однако, поскольку экспортная торговля принимала только яйца первого и второго сорта, цены на яйца, предназначенные для внутреннего рынка, составляли, вероятно, около 60% от цен на экспортные яйца.⁶⁰⁶

Доля продаж живой и битой птицы, а также пера и пуха, поглощаемая внутренним рынком, вероятно, была на том же уровне или даже выше, чем для яиц. Если это так, то крестьянские поступления от птицеводческого сектора составляли приблизительно: 2,5 миллиона рублей в 1880 году; возросли до свыше 16 миллионов рублей в 1887 году; до свыше 56 миллионов рублей в 1900 году; до около 100 миллионов рублей в 1905 году; и до 150 миллионов

⁶⁰³ Бахтияров, указ. соч., с. 88-90.

⁶⁰⁴ Калюжный А.Е. Деревенская кооперация. М., 1913. С. 110; Гулишамбаров, указ. соч., с.1.

⁶⁰⁵ Неуштубе, указ. соч., с. 1.

⁶⁰⁶ Бахтияров, указ. соч., с. 79.

рублей в 1913 году.⁶⁰⁷ Для важнейших птицеводческих районов, таких как Центрально-чернозёмный и Средневолжский, это означало бы, что совокупные годовые поступления от птицеводства на одно крестьянское хозяйство возросли от нескольких копеек в 1880-х годах до 7 и 10 рублей соответственно к 1913 году.⁶⁰⁸ В 1908 году специализированный журнал «Наша птицеводная жизнь» оценивал, что в Воронежской губернии средний годовой доход (вероятно, на одно крестьянское хозяйство), получаемый от продажи продуктов птицеводства, составлял 22 рубля 59 копеек, что не противоречит приведённым выше оценкам.

Крестьяне, жившие вблизи холодильных складов британских экспортных фирм, таких как «Барсельманс», могли продавать яйца и птицу на сумму от 100 до 150 рублей в год. Как отмечал журнал, это был «весьма значительный компонент крестьянского дохода».⁶⁰⁹ Другие авторы отмечали то же самое. В 1913 году утверждалось, что с одной курицы крестьянин мог легко получить от 1,5 до 2 рублей годовой прибыли. Также заявлялось, что некоторые мелкие крестьянские хозяйства в Подольской и других губерниях получали от продажи яиц от 120 до 150 рублей в год, что для небольшого крестьянского двора было огромным доходом.⁶¹⁰

Учитывая, что средняя годовая заработная плата сезонного сельскохозяйственного рабочего в этих регионах в начале XX века составляла около 60 рублей, экономические выгоды от птицеводства представляются весьма привлекательными, особенно с учётом того, что затраты как капитала, так и труда были столь незначительны. Эти доходы становятся ещё более очевидными, если рассматривать отдельного крестьянина, решившего заниматься птицеводством на более серьёзной коммерческой основе. Обследование князя Урусова 1895 года это ясно показало. Он подчеркивал резкий рост продуктивности, достигнутый в результате скрещивания местной беспородной птицы с западноевропейскими породистыми линиями. Птица первого поколения помесей имела живой вес от 5 до 7 фунтов ($\approx 2,3\text{--}3,2$ кг) и давала в среднем 125 яиц в год весом около 2,5 унций (≈ 71 г) каждое. Для сравнения: средний вес местной русской птицы составлял от 2,5 до 3 фунтов ($\approx 1,1\text{--}1,4$ кг), а её среднегодовая яйценоскость — 75 яиц весом в среднем по 2 унции (≈ 57 г) каждое.⁶¹¹

Таким образом, продуктивность как по весу птицы, так и по весу яиц могла более чем удвоиться в течение одного года. И поскольку яйца от помесей

---

⁶⁰⁷ Это в целом согласуется с оценками Министерства земледелия 1895 года в 59+ миллионов рублей, которые сами по себе считались заниженными (Гулишамбаров, укfr. соч., с. 1).

⁶⁰⁸ Данные оценки рассчитаны на основе допущения, что половина стоимости экспорта приходилась на долю крестьянства, плюс дополнительно 80% от этой суммы для учёта доходов от продаж на внутреннем рынке.

⁶⁰⁹ Наша птицеводная жизнь. 1908/1909. №10.

⁶¹⁰ Калужский, указ. соч., с. 115.

⁶¹¹ Пересчитано из золотников на основе соотношения: 1 золотник $\approx$ 5 унций.

с породистой птицей были более приемлемы для экспортного рынка, и финансовая отдача соответственно была выше.⁶¹²

V

Более того, высказывались и более экстравагантные утверждения относительно экономического потенциала птицеводства. В книге по самообразованию, опубликованной в 1912 году, приводилось яркое описание высоких доходов, которые могла приносить эта отрасль сельского хозяйства.⁶¹³ В ней указывалось, что дюжина хороших кур может давать не меньший доход, чем десятина (2,7 акра) зерновых. С одной десятины самой урожайной зерновой культуры (озимой пшеницы) ежегодный урожай обычно составлял около 50 пудов стоимостью 1 рубль за пуд. Восемь пудов зерна необходимо было оставить на семена, что давало 42 пуда товарного зерна на сумму 42 рубля, к которым можно было добавить небольшую сумму за стоимость соломы. С другой стороны, 12 кур снесут около 1000 яиц, из которых 200 нужно вычесть на бой и высиживание цыплят. В результате оставалось 800 яиц и 120 цыплят на продажу. Продажа яиц принесла бы 13 рублей 60 копеек, а продажа молодок — 60 рублей, что давало валовый доход в 73 рубля 60 копеек. После вычета затрат на корма доход был бы эквивалентен доходу от десятины озимой пшеницы, и, более того, это была отрасль, которую можно было вести на любом крестьянском дворе, не требуя для этого даже одной десятой десятины земли. И приведённая цифра относилась к птице среднего качества. Как утверждалось, если держать птицу лучшего качества, чистый доход от дюжины кур мог составлять от 175 до 235 рублей, при этом каждая курица приносила от 15 до 20 рублей, что было эквивалентно половине дохода от десятины озимой пшеницы. Как восторженно отмечалось в книге, доход от содержания 20 или 30 кур мог быть в два или даже три раза выше этих сумм.⁶¹⁴

В приведённом примере, возможно, присутствовал элемент преувеличения, однако он хорошо иллюстрирует тот энтузиазм, который некоторые круги испытывали к отрасли сельского хозяйства, способной превращать зерно низкой стоимости в гораздо более ценный продукт.

Для подавляющего большинства российских крестьян птицеводство оставалось вспомогательной отраслью сельского хозяйства, требовавшей незначительных капиталовложений и минимальных трудозатрат. К 1914 году оно отнюдь не раскрыло свой полный потенциал. Тем не менее, в тех губерниях, где птицеводство было наиболее развито, его вклад в семейный доход был эквивалентен сумме от четверти до половины того, что один работник мог заработать за год сезонного сельскохозяйственного труда. Более

⁶¹² Урусов, указ. соч., 1897/4, с. 33.

⁶¹³ Кечеджи-Шаповалов, указ. соч., с. 6-8.

⁶¹⁴ Там же. С. 8. Автор также с воодушевлением воспевал достоинства куриного помёта. Его удобительные свойства вчетверо превосходили свойства коровьего и конского навоза, и он идеально подходил для использования под плодовыми деревьями и для зерновых культур.

того, два десятилетия назад этот вклад в семейный доход едва ли учитывался. И поскольку это была отрасль, которую можно было вести независимо от размера крестьянского надела, остаётся вероятность, что она вносила непропорционально больший вклад в доходы более бедных крестьянских семей. Оно также могло служить стратегией минимизации рисков, в значительной степени независимой от ограничений, налагаемых общинной системой. В любом случае, это отрасль дореволюционного российского сельского хозяйства и источник крестьянских доходов, которым не следует пренебрегать.

Перевод Василя Сакаева

Выходные данные статьи: Thompstone, Stuart ‘Bab'ye Khozyaystvo’: Poultry-Keeping and Its Contribution to Peasant Income in Pre-1914 Russia // The Agricultural History Review. Vol. 40, No. 1 (1992), pp. 52-63.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
Сборник переводных статей.
ВЫПУСК 2

РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева
127434, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49